

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРА

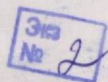
ИСТОРИЯ

ФИЛОСОФИЯ

КРИТИКА

ПУБЛИЦИСТИКА

АРХИВЫ

Девушка с бубном

Гранаты

Alisher Navoiy
nomidagi
O'zbekiston MK

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

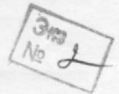
Сирожиддин САЙИД
Мухаммад АЛИ
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий БАУЭР
Анатолий ЕРШОВ
Раим ФАРХАДИ
Николай ИЛЬИН
Вика ОСАДЧЕНКО
Баходыр АХМЕДОВ
Раиса КРАПАНЕЙ
Виктор ШУЛИКА

Главный редактор
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Дилором МУРОВА

Редакторы
Елена ЮРЧЕНКО
Елена ДОЛГОПОЛОВА

Республика Узбекистан
Ташкент

Рене МАОРИ

проза

МАКТУБ

Рассказ

— ...Там, где я был, стоит мавзолеей. Красивый мавзолеей — памятник одному фаталисту, который верил в собственные предсказания настолько, что в точности исполнял их. И однажды, чтобы настоять на своем, свел воедино две параллельных линии жизни, вместо того чтобы изменить что-то рядом с собой самыми простыми способами. Нас, обычных людей, предчувствия часто заставляют соблюдать осторожность и проявлять заботу о ближнем, которому по нашим ощущениям грозит опасность. Особенно, когда человек нам дорог. Но великим личностям собственные убеждения часто кажутся важнее всего остального.

Павел ШУФ

возвращение к читателю

Жизнь – метафора Бога

Катрены

Мне настроенье изменило,
И вмиг сюжет – на кромке кона...
Добро и зло берут чернила,
Увы, из одного флакона.

Простой закон Создателя
Сметливый уяснит:
Протившему предателя
Предатель не простит.

Фируз МУСТАФА

переводы

ДЕНЬ ЛОШАДИ

Рассказ

Жеребенок поднялся на дыбы и дико заржал. Спокойное небо вдруг точно расколола молния. Пушенной из лука стрелой взвился к небу жеребенок и со всего размаха бросился на землю. Голова его гулко ударилась об осколок скалы...

Изо рта жеребенка потекла струйка крови.

Над набежавшей кровавой лужицей вскоре закружила мошкара...

Лошадь-мать тяжелой осторожной поступью подошла к жеребенку и склонила над ним голову. Из ее помертвевших глаз капали крупные слезы...

Ни точки нет, ни остановки во времени...

Чувство вины ни с чем невозможно сравнить,
тем более, если нельзя ничего изменить,
делятся дни твои после на от и на до,
где птица вины в душе твоей вьет и свивает гнездо,
птенцы этой птицы покоя тебе не дают,
то вроде притихнут,
то сердце так больно клюют, и клюют, и клюют.

ХРАНИТЕЛИ ШАРИАТА

Уже в XIX веке значительное число норм шариата, несмотря на их экзотическое своеобразие, воспринималось как общечеловеческие нормы общежития. Именно поэтому моральная, этическая основы шариата смогли дожить до наших дней, стали частью духовной культуры народа, мощным средством самозащиты семейных традиций, родственных отношений, главных событий в жизни людей. Такой стержень, обобщающий тысячелетний правовой опыт, присущ далеко не каждой современной национальной общественной культуре. В этом смысле народ Узбекистана обладает огромным богатством.

Стихами тихо плачу...

Выпив ночь из синей чашки, жду, когда нальют рассвет...
Тень в смиренной рубашке мой обкрадывает след.
Обернувшись тёплым пледом, обойду притихший сад.
Пахнет горько бабье лето неизбежностью утрат.
Звёзды светят маяками. Может, в небо за буйки?
Где цветные сны руками ловят божьи рыбаки.
И по лунам, как по рунам, выйти в космос напрямик.
По дороге самой трудной, где полёт – последний миг...

СОДЕРЖАНИЕ

МОСТЫ ДРУЖБЫ

- Юрий ФЛЫГИН. Полтора века совместного созидания. . 5
Сергей МИРОНОВ. Дружба, творчество, вдохновение... 8
Цель – сотрудничество и созидание.
Интервью зам. главного редактора журнала «Звезда Востока» Клавдии ПАНЧЕНКО с Председателем правления Русского культурного центра Республики Узбекистан Сергеем МИРОНОВЫМ. 14
Михаил СТОЛЯРОВ. Гармония добра. 17

ПРОЗА

- Джасур ИСХАКОВ. Деспот ты мой восточный!.. Рассказ. . 23
Нариман ИСКАНДАРОВ. Три чайные розы... Рассказ. . 46
Муртас КАЖГАЛЕЕВ. Тигрица. Рассказ. 89
Олег КОТЕНКОВ. Симфония жизни. Рассказ. 141
Рене МАОРИ. Мактуб. Рассказ. 145

ПОЭЗИЯ

- Людмила БАКИРОВА. Ни точки нет, ни остановки
во времени... 20
Саги САГИДАШ. Стихами тихо плачу... 35

НОВЫЕ ИМЕНА

- Михаил СПИВАК. Социальная справедливость. Рассказ. 38
Мунира БАБАЯРОВА. Первое свидание. Рассказ. 81

ПЕРЕВОДЫ

- Алишер НАВОИ. Не дервиш и не шах. Перевод с узбекского Юрия Шербакова. 41
Фируз МУСТАФА. День лошади. Рассказ. Перевод с азербайджанского Медины Эльдаровой. 61
Мухаммад АЛИ. Амир Темура Великий. Роман-эпопея. Книга четвертая. Шахрух Мирза. Перевод с узбекского Диноры Азимовой. 98

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

- Анастасия ПРЯДКИНА. Путешествие в чистилище... 49
Татьяна СЕДЫХ. Корифей музыковедения. 87
Алина КУТАЛУЧУРИНА. Композиторское творчество
в контексте моноидейного мышления. 92
Нигора ЯДГАРОВА. Живопись, вдохновленная солнцем. 129

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

- Павел ШУФ. Жизнь – метафора Бога. 51
Лейла ШАХНАЗАРОВА. Десятина для редактора. 57
Рыгор БОРОДУЛИН. От себя никак не убежать... 76
Алесь и Вероника КАРЛЮКЕВИЧ. Глядит душа в глаза тебе... 78

КАРАВАН ИСТОРИИ

- Борис ГОЛЕНДЕР. Хранители шарията. 72

ПУБЛИЦИСТИКА

- Нодира ОФОК. Человек мира. Перевод с узбекского Дильфузы Ашуровой. 133

На 2-ой, 3-ей и 4-ой страницах обложки журнала картины Надежды Кашиной.

Звезда Востока

2019 № 2

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Per. № 0296
05. 02. 2016 г.

Адрес редакции:

100066. Ташкент, пр. Бунёдор,
Адиблар хибони, здание
Союза писателей Узбекистана.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru
zvezdavostokazv@umail.uz
web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет
Елена Юрченко

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.
Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86
Тираж 1050 экз. Заказ 7
Цена договорная.

Отпечатано в типографии
ООО «PRINT REBEL».
г. Ташкент, Алмазарский р-н, ул.
Уразбаева, д. 35.

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном наборе
объемом не более 50 страниц.
Набор текста в любом формате с
приложением электронной версии и
распечатки.

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.

Письменные заключения не даются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

МОСТЫ ДРУЖБЫ

*К 25-летию Русского культурного
центра Республики Узбекистан*

ПОЛТОРА ВЕКА СОВМЕСТНОГО СОЗИДАНИЯ

*«Куда бы ни являлся русский человек,
он несет с собой основные черты
своего счастливого характера: прямоту и
стремление к правде, добродушие...
желание сблизиться со своими соседями...
оказать им посильную помощь».*

И. А. Яворский

Русская диаспора Узбекистана является одной из крупных национальных общин республики и в течение многих десятилетий играет значимую роль во всех процессах государственного, хозяйственного, культурного созидания.

Первые контакты русских людей с народами Средней Азии уходят во времена средневековой Руси. Упоминания о них содержатся еще в древнерусских летописях. С XVI века контакты Русского государства со Средней Азией становятся относительно регулярными, приобретая со временем всё более устойчивый характер. На этот процесс значительно повлияло присоединение в середине XVI века к Московскому царству при Иване Грозном Казанского и Астраханского ханств. В результате этого вся Волга, игравшая роль исключительно важного торгового пути, оказалась под русским контролем, а русские пределы несколько приблизились к среднеазиатским землям. Астрахань в низовьях Волги на многие годы стала для русских своеобразными «воротами в Азию».

С XVIII века российско-среднеазиатские контакты становятся стабильными. С этого же времени Средняя Азия входит в сферу внешнеполитических интересов России. Причём интерес был взаимным. И основывался он в первую очередь на делах торговых. Важность взаимной торговли для обеих сторон служила обоснованием обмена регулярными посольскими миссиями. Россия постепенно становится ведущим торговым партнёром для среднеазиатских государств.

Некоторое время Россия проявляла интерес к Средней Азии и как к возможному транзитному региону на пути в Индию, опять-таки в плане налаживания прямых торговых связей с этой далёкой страной.

В конце XVIII – первой половине XIX века роль «ворот в Азию» для русских переходит к Оренбургу, ставшему центром российско-среднеазиатской торговли.

Средняя Азия входит в орбиту научных интересов русских учёных. Ещё в 1837 году в предисловии к «Энциклопедическому лексикону» А. Шенин писал: «Знание Востока составляет для многих европейцев, можно сказать, роскошь просвещения, плод любознания... Напротив, для России знакомство с Востоком есть предмет не простого любопытства, а насущной потребности».

Первоначально, ещё до «академических» экспедиций, исключительную роль в научном познании Средней Азии сыграла российская дипломатия. К счастью для науки, на российской дипломатической службе трудились люди, которые, по словам академика Р. Ю. Виппера, «проявили себя как выдающиеся бытописатели, географы, этнографы, историки-публицисты».

Именно русские дипломаты первыми из европейцев составили обстоятельные описания государственного управления, хозяйства, обычаев, образа жизни и быта среднеазиатских народов. Правда, подготовленные преимущественно для служебного использования, записки дипломатов, как правило, не сразу доходили до широкого читателя. Исследователями неоднократно отмечалось, что эти деловые документы, официальные отчёты не только свидетельствовали о наблюдательности и широте кругозора авторов, но и написаны были исключительно интересно и увлекательно, с симпатией к народам Средней Азии.

Свидетельства русских дипломатов охватывают самый широкий круг тем: природа, архитектура, образование, религия, торговля, ремёсла, армия, внешние сношения, обычаи, еда. Среди славных имён представителей российской дипломатической службы XVII, XVIII, первой половины XIX веков, посещавших Среднюю Азию, следует отметить имена И. Д. Хохлова, Б. А. и С. И. Пазухиных, Ф. Беневени, П. И. Демезона, И. В. Виткевича, Е. К. Мейендорфа, Н. В. Ханькова, Г. И. Данилевского.

На новый уровень отношений народы Средней Азии и России выходят во второй половине XIX века, когда Средняя Азия стала частью Российской империи. Если до этого контакты затрагивали лишь власти и купечество среднеазиатских ханств, то теперь они охватили самые широкие массы населения. Гораздо более значительным стало и российское влияние на различные сферы местной жизни – экономику, социальные отношения, быт.

При всей неоднозначности и противоречивости в отдельных вопросах оценки вхождения Средней Азии в состав Российского государства нельзя отрицать многочисленных позитивных последствий этого процесса: в регионе прекращаются постоянные феодальные междоусобицы, ликвидируется рабство, улучшается положение национальных меньшинств, более защищенными становятся жизнь и собственность населения, ранее зависевшего от безграничного своеволия правителей. Совершенствуется производство, транспорт, формируется среднеазиатский рынок, становящийся частью общероссийского.

В связи с изменениями в конфессиональной структуре населения укрепляется и развивается опыт межконфессионального добрососедского общежития.

Начинается активное изучение природы, ресурсов Средней Азии. В этой связи отметим славные имена Н. А. Северцова, А. П. Федченко, И. В. Мушкетова, В. Ф. Ошанина, А. И. Бутакова, Д. Л. Иванова,

М. М. Хоментовского, Г. Д. Романовского, П. П. Семенова-Тян-Шанского, В. А. Обручева, А. Н. Краснова и многих других.

Большие успехи достигнуты были в изучении прошлого стран и народов Средней Азии. Этому способствовала деятельность Н. И. Веселовского, А. А. Куна, В. В. Бартольда, Н. П. Остроумова, В. П. Наливкина, Н. С. Лыкошина, И. Т. Пославского, В. А. Вяткина и других.

Превращению хлопководства в важную отрасль сельского хозяйства, в том числе благодаря селекции новых перспективных сортов, способствовали научные труды и деятельность М. И. Бродовского, Е. А. Навроцкого, Г. С. Зайцева, А. И. Автономова, С. С. Канаша.

Неотделимы от яркого, самобытного искусства Узбекистана имена замечательных русских художников П. П. Бенькова, В. И. Уфимцева, И. В. Савицкого (основателя уникального музея в Нукусе, ныне носящего его имя).

В Узбекистане в середине XIX века формируется небольшая русская община, на первых порах представленная в основном служащими администрации и военными. Постепенно, хотя и медленно, эта община численно возрастает. В некоторых городах появляются «русские» кварталы. В Ташкенте в 1871 году в новой части города проживало чуть более 2 тысяч европейцев, русских, правда, среди них было лишь около 1 300 человек. По данным Всероссийской переписи 1897 года европейское население Ташкента (а это не только русские) составляло немногим более 26 000, т. е. 17 % от всего населения города.

Ташкентская русская община даже при такой малочисленности была все-таки крупнейшей на территории нынешнего Узбекистана. В других городах общины были еще малочисленнее. Русское население проживало в основном в городе, в сельской местности оно было крайне незначительным. Среди прочего это обстоятельство способствовало становлению и развитию промышленности, кадры для которой еще многие десятилетия поставляли именно русские. Вовлечение в промышленное производство представителей коренного населения помогало установлению добрых отношений на личностном уровне.

На формирование добрососедских отношений влиял также следующий фактор: местное население видело не только администраторов и военных, но и простых переселенцев из России – рабочих, рядовых служащих, крестьян, ремесленников, которые не имели от власти никаких преимуществ, добывали свой хлеб, как и местное население, собственными трудами. Это не могло не вызывать симпатий коренных жителей.

Ведь, скажем, жители Индии практически не видели у себя простых людей из Англии. Дж. Неру в своей книге «Открытие Индии» писал по этому поводу: «Даже английский рабочий и фермер... несмотря на подчиненное положение у себя на родине, испытывали гордость владельцев и властелинов. Тот же рабочий или фермер, приехав в Индию, неизбежно был бы причислен к правящему классу». Приметы, черты нового быта проникали в веками сложившийся уклад жизни населения Средней Азии.

Установлению добрых отношений способствовали, конечно, и уникальные качества русского народа, о которых в конце XIX века врач и публицист И. Л. Яворский писал: «Куда бы ни являлся русский человек, он несет с собой и основные черты своего счастливого характера: прямоту и стремление к правде, добродушие, переходящее непосредственно в великодушие, желание сблизиться со своими соседями, кто бы они ни были по происхождению, а в случае нужды и оказать им посильную помощь».

В свое время американский дипломат и путешественник Ю. Скайлер, даже при своем русофобстве, был вынужден признать, что русские люди никогда не относились в Туркестане к местным жителям «с тем презрением, которое характерно в отношениях представителей англосаксонской расы с народами [другой] культуры и цивилизации...»

XX век, который в жизни и русского, и узбекского народов характеризуется в первую очередь многолетним совместным процессом построения общества на новых политических и экономических принципах, несмотря на известные издержки, вместе с тем благоприятствовал дальнейшему укреплению уз дружбы и добрососедства между двумя народами. Сближала совместная работа по преобразованию жизни и развитию хозяйства, культуры. Тяжелейшие испытания Второй мировой войны, совместная героическая борьба против фашизма выковали настоящее братство по оружию, теплые человеческие отношения.

Яркой страницей братской помощи и добрых отношений явилось восстановление Ташкента после разрушительного землетрясения 1966 года.

Роль русских людей велика практически во всех крупных событиях и процессах хозяйственной и культурной жизни Узбекистана XX столетия – в освоении новых земель, научных открытиях, разработке месторождений полезных ископаемых, строительстве ирригационных сооружений, заводов, городов.

В области культуры необходимо отметить активное развитие новой современной живописи, драматического, оперного, балетного искусства, кинематографа. Исклчительно ярким примером беззаветного служения русских ученых и педагогов делу развития науки и образования в Узбекистане явилось создание университета в Ташкенте, предшественника нынешнего Национального университета, которому в прошлом году исполнилось 100 лет, а также создание Академии наук Узбекистана, организованной в 1943 году в тяжелых условиях военного времени.

Ныне русская диаспора в Республике Узбекистан вследствие распада бывшего Союза численно значительно уменьшилась. Однако по-прежнему здесь живет много русских, считая Узбекистан своим Отечеством. Вместе с узбекским и другими народами, проживающими в республике, они активно участвуют в созидании общего дома, демократического, процветающего государства.

Юрий ФЛЫГИН,
историк, публицист, член президиума РКЦУз.

ДРУЖБА, ТВОРЧЕСТВО, ВДОХНОВЕНИЕ...

В силу своеобразия своего исторического развития, географического положения, многообразных экономических связей с другими государствами Узбекистан с древних времен взаимодействовал с самыми разными народами, его территория была населена представителями многих национальностей.

В настоящее время в Узбекистане тоже проживает большое количество этносов, в том числе около 800 тысяч русских. В целях всемерного укрепления межнационального согласия и единства, являющегося залогом мира и стабильности в стране, сохранения и развития русского языка и русской культуры, удовлетворения духовных потребностей русских, проживающих в нашей

Республике, в 1994 году был создан Русский культурный центр Узбекистана (РКЦУз). В этом, 2019 году, Русскому культурному центру Узбекистана исполняется 25 лет. Четвертьвековой юбилей – это повод и возможность еще раз оценить, проанализировать и подытожить пройденный путь, сформулировать новые цели и задачи, обозначить перспективы развития.

В разные годы РКЦУз с честью руководили Зинин С. И., Герасимова С. И., Моторнюк Т. С., Аристов А. В. В настоящее время с 6 октября 2018 года Председателем правления РКЦ избран Миронов С. А.

Сейчас в республике действуют 23 структурных подразделения Русского культурного центра Узбекистана. Это областные, городские общественные культурно-просветительские объединения, которые работают во всех областях Узбекистана и Республике Каракалпакстан.

Устав РКЦУз не содержит ограничений членства по национальному признаку, и в последнее время число русскоязычных активистов, которые не являются этническими русскими, стремительно растет. Это свидетельствует о традиционном интернационализме русского народа и об устойчивом интересе представителей разных национальных групп к русскому языку, русской культуре и искусству.

Русская диаспора на территории нынешней Республики Узбекистан, как и в других регионах Средней Азии, сформировалась полтора века назад. Но история взаимоотношений русских людей и России как государства с народами Узбекистана уходит в глубокую древность. Исследователи относят предполагаемые эпизодические контакты Древней Руси со Средней Азией к VII–VIII векам. В IX–X веках начинаются торговые взаимоотношения. К концу XIV века относятся первые письменные сведения о Мавераннахре и Самарканде в древнерусской так называемой Патриаршей летописи – это сообщение о походе Амира Темура на хана Тохтамыша. С XVI века дипломатические и торговые контакты между Россией и Средней Азией активно укрепляются и интенсифицируются. А с середины XIX века русские люди начинают селиться на территории нынешнего Узбекистана, появляются русские села и русские кварталы в местных городах. С этого времени начинаются интенсивные и постоянные контакты русских с коренными жителями нынешнего Узбекистана, происходит взаимообмен и взаимообогащение в хозяйственной и культурной сферах. Численность русского населения, хотя и медленно,

но растет, возрастает и его влияние в различных сферах жизнедеятельности, проявляются элементы модернизации. Происходят изменения конфессиональной структуры Средней Азии, появляются христианские общины, укрепляется и расширяется опыт межконфессионального добрососедского общежития и сосуществования. В Узбекистане постепенно формируется уникальная атмосфера межнационального, межконфессионального общежития и сотрудничества, что привело к возникновению уникального толерантного общества, на протяжении многих веков живущего в атмосфере мира, взаимоуважения, взаимопонимания и культурного взаимообогащения.

Многие русские, как находившиеся в Узбекистане временно (в экспедициях, или по делам службы), так и постоянно проживающие здесь, внесли достойный вклад в экономику, культуру, науку, образование, искусство этой благодатной страны, для многих ставшей родиной.

Нельзя не отметить позитивную роль и позицию сынов узбекской земли, всегда с большим радушием и душевной щедростью откликающихся на добрососедские отношения и взаимосотрудничество. С огромной благодарностью участники событий и потомки людей, переживших войну (и не только русских), вспоминают гостеприимство, можно сказать, подвиг узбекского народа в годы Второй мировой войны, когда Узбекистан приютил на своей благословенной земле, дал кров и пищу десяткам тысяч эвакуированных. Будучи сами в тяжелейшем положении, узбеки приняли семьи беженцев, уступая им лучшие места в своих жилищах, делая скудными запасами хлеба, относясь к чужим детям как к своим.

Проникшись величайшим уважением и благодарностью к гостеприимным и самоотверженным узбекистанцам, многие эвакуированные после победы остались здесь навсегда, обретая свою вторую родину, родив и вырастив на этой земле детей и внуков, дав им поистине интернациональное воспитание и образование.

Вторая большая «волна» русских оказалась здесь после страшного землетрясения 1966 года, когда представители разных, тогда еще союзных, республик, пришли на помощь пострадавшему Ташкенту. Люди разных национальностей, среди которых было немало русских, участвовали в восстановлении города, строили здесь новые жилые дома, производственные объекты. И тогда многие остались навсегда в Узбекистане, они перевозили сюда свои семьи, создавали новые. Численность русской диаспоры республики увеличилась.

Русские в Узбекистане пользуются равными гражданскими правами и свободами. Они могут получать образование на родном языке, пользоваться средствами массовой информации, посещать театры и дворцы культуры, где идут спектакли и концертные программы на русском языке.

Русский язык свободно используется не только в неофициальной сфере общения, но и в разных официальных языковых ситуациях, продолжая выполнять, наряду с государственным языком, функцию языка межнационального и межгосударственного общения.

В Русском культурном центре Узбекистана разработана специальная программа «Русский язык», предусматривающая повышение уровня языковой культуры, улучшения грамотности, оказания помощи при изучении русского языка. Одним из таких инструментов стал ежегодный семинар для преподавателей-русистов, организованный действующим при РКЦУз Центром русского языка и литературы.

Важное место в деятельности РКЦУз занимает вопрос сохранения культурного своеобразия, традиций и обычаев своего народа и бережного, уважительного отношения к обычаям и традициям других народов, в

частности, к духовному наследию Востока, его культуре и искусству. Особое внимание уделяется образованию и воспитанию подрастающего поколения.

В РКЦУз накоплен большой опыт проведения научно-практических конференций с привлечением ведущих ученых и специалистов-профессионалов республики и последующей публикацией сборников их докладов и сообщений.

Ежегодно при поддержке Посольства Российской Федерации в Республике Узбекистан проводится «Декада добрых дел», отражающая многовековую традицию русского народа – оказание помощи нуждающимся, в числе которых многодетные и малообеспеченные семьи, одинокие престарелые люди, инвалиды.

Центральное место в деятельности РКЦУз занимает культурно-просветительская работа. Действующие творческие художественные и самодеятельные коллективы ежегодно принимают участие в республиканских, областных и городских мероприятиях в честь Дня Независимости Республики Узбекистан, общенародного праздника Навруз, Дня памяти и почестей и других.

По инициативе центра в республике широко отмечалось 100-летие со дня рождения С. Есенина, проводились литературные вечера, посвященные творчеству А. Грибоедова, М. Лермонтова, А. Толстого, Ф. Достоевского, М. Цветаевой, А. Ахматовой, В. Высоцкого и других, ежегодно проводятся Пушкинские дни.

При центрах организованы литературные объединения, обсуждаются проблемы культурного взаимодействия и взаимообогащения, наряду с творчеством А. Навои и современных узбекских поэтов обсуждаются знаковые явления русскоязычной узбекистанской и русской классической литературы. На литературно-музыкальных концертах звучит музыка П. Чайковского и М. Глинки, И. Дунаевского и С. Рахманинова, русские песни и романсы, музыкальные произведения узбекских композиторов и национальные мелодии других народов.

Ежегодно проводятся фестивали «Играй, гармонь», «Театральная весна» и «Русская песня».

Большое внимание в центре уделяется возрождению, сохранению и дальнейшему развитию русских национальных праздников, обрядов и обычаев. Стало традицией ежегодно в январе проводить Рождественские вечера, весной – Широкую Масленицу. Надо отметить, что этот праздник ежегодно проводится на лучших театральных площадках, центральных площадях городов по всей республике. В ходе празднества в театрализованной форме представляются масленичные обряды и ритуалы, раздаются блины, традиционное русское угощение. В апреле-мае проходят Пасхальные вечера.

С 1994 года в мае традиционно проходит День славянской письменности и культуры, ежегодно проводится тотальный добровольный диктант по русскому языку на различных учебных площадках. При РКЦУз на общественных началах функционируют детский танцевальный коллектив «Улыбка»,

изостудия «Ласточка», хор «Поющие сердца», народный хор «Мелодия» и хоровая капелла «Ветеран». Они часто выступают с концертами для всех желающих на сцене вместительного актового зала культурного центра.

Регулярно проводятся литературно-музыкальные вечера, посвященные русской классике и фольклору, современной песне. В них участвуют как профессиональные поэты и музыканты Узбекистана, так и любители, творческая молодежь.

РКЦУз организует выставки детского рисунка, художественные выстав-

ки работ начинающих и хорошо известных ценителям искусства художников и фотохудожников Узбекистана.

РКЦУз работает в тесном контакте с Комитетом по межнациональным отношениям и дружественным связям с зарубежными странами, активно участвуя во всех общегосударственных мероприятиях: совместно с Комитетом отмечаются знаменательные даты и дни рождения великих классиков литературы и искусства, проводятся фестивали и концерты, международные встречи, семинары, «круглые столы», мероприятия, посвященные Дню Конституции Республики Узбекистан, и пр.

Традиционно ко дню рождения А. С. Пушкина РКЦУз, Комитетом по межнациональным отношениям и дружественным связям с зарубежными странами и Союзом писателей Узбекистана совместно проводятся литературно-музыкальные мероприятия у памятника великому поэту. Известными на всю республику стали «Пушкинские балы», организаторами и участниками которых являлись активисты молодежного движения РКЦУз «Молодая смена».

Русский культурный центр Узбекистана и его подразделения на местах – постоянные участники Республиканского фестиваля дружбы и культуры «Узбекистан – наш общий дом», его коллективы и исполнители часто становятся победителями в различных номинациях. РКЦ был инициатором и с успехом начал эстафету «Молодежного форума национальных культур», которую продолжили другие национальные культурные центры.

Работа РКЦУз регулярно освещается в республиканской и местной периодической печати: в журнале «Звезда Востока», на страницах газет «Народное слово», «Правда Востока», «Новости Узбекистана», «Вечерний Ташкент», «Бухарский вестник», «Андижанская правда», «Вести Каракалпакстана», «Чирчик», «Голос химика» и других. По республиканскому телевидению и радио проводятся передачи о работе РКЦУз и его подразделений.

Представители РКЦУз успешно трудятся во всех отраслях народного хозяйства, промышленности, экономики, науки, культуры, образования. Среди них известные общественные деятели, руководители предприятий и организаций, предприниматели, многие из которых избраны в состав областных и муниципальных органов самоуправления, что, безусловно, повышает социально-политический статус общественных организаций, в деятельности которых они принимают активное участие.

В настоящее время активист РКЦ Свешников П. Г. является депутатом Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан. Большим уважением пользуются Шереметьева А. Г. – член правления РКЦУз, языковед, доктор филологических наук, профессор НУУз, Мельникова Г. В., около 60 лет проработавшая на телевидении и в связи с 80-летием со дня рождения удостоенная звания «Народный артист Узбекистана», и другие уважаемые в республике люди.

За выдающиеся заслуги в развитии науки, образования, культуры, литературы, искусства, здравоохранения и спорта в республике, в укреплении независимости страны, достойный вклад в дело за сохранение мира и стабильности за последние 19-20 лет около 700 представителей русской национальности удостоены высоких правительственных наград Узбекистана. В том числе награждены активисты национальных культурных центров. Почетные звания получили: «Заслуженный наставник Республики Узбекистан» – Сельвестрова Н. Г. (РКЦ Хорезмской области), «Заслуженный наставник молодежи» – Миронов С. А. (Председатель Русского культурного центра Узбекистана), «Заслуженный работник культуры» – Волков П. П. (РКЦ Андижанской области). Орденом «Дўстлик» награждены Душкин А. Н. (РКЦ Навоийской области), Шавердова Е. И. (член правления РКЦУз), Голубцова Ф. С. (Председатель правления РКЦ Сырдарьинской области), Коржикова И. И. (Председатель правления РКЦ Навоийской области); медалью «Шухрат» – Зинин С. И. (один из основоположников, первый председатель РКЦУз) и Скрипкин А. И. (Председатель правления РКЦ Джизакской области).

В приветственном послании участникам первой международной конференции «Актуальные вопросы изучения и популяризации за рубежом узбекской классической и современной литературы» (2018), организованной СП Узбекистана, Министерством высшего и средне-специального образования, Академией наук Узбекистана и другими организациями, Президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёев отмечал, что Узбекистан вступил в качественно новый этап развития, когда приоритетной задачей общества стал переход от национального возрождения к национальному процветанию, а «достижение этой высокой цели возможно лишь при условии укрепления отношений дружбы и сотрудничества с народами мира, построения открытого демократического общества, еще более широкого утверждения в нашей жизни национальных и общечеловеческих ценностей». Немаловажную роль в достижении намеченных целей играет межнациональное культурное взаимодействие. РКЦУз достойно содействует достижению этой благородной цели, выполняя свое высокое назначение – объединение людей с добрыми помыслами для решения актуальных проблем сегодняшнего дня, воспитание молодежи на основе высоких идей гуманизма, толерантности и взаимоуважения.

Сергей МИРОНОВ,
Председатель правления РКЦУз.

колледжи и лицеи республики, творческие коллективы «Мелодия», «Ветеран», шоу-группа «Экспромт», международное инновационное, общественное объединение «Одаренные дети». Всем коллективам и учреждениям РКЦУз выражает искреннюю признательность и благодарность за участие и поддержку.

– Какая роль в работе РКЦ отводится молодежи?

– Молодежь как мобильная и перспективная часть коллектива РКЦУз, всегда в авангарде на самых разнообразных и ответственных участках: активно участвует в организации крупных культурно-массовых мероприятий, связанных со знаменательными событиями и датами (Новый год, Масленица, День памяти и почестей, Навруз, День Независимости и т. д.), в подготовке и проведении юбилейных дат классиков литературы, традиционных праздников (Дня матери, Дня защитника Отечества, Дня защиты детей и пр.). Именно молодежь РКЦУз была инициатором Молодежного форума национальных культур, с успехом прошедшего в два этапа: в РКЦУз и в большом зале консерватории, объединившего молодежь и положившего начало молодежной эстафете различных культурных центров Узбекистана. Необходимо также отметить большую волонтерскую работу молодежи: помощь престарелым и инвалидам, участникам Второй мировой войны, помощь детям-сиротам, посещение детских домов и домов престарелых. Силами молодежи был создан фильм о ленинградских блокадниках.

– Каковы перспективные планы работы РКЦ? Какие новые аспекты работы вы намерены внедрить?

– Согласно утвержденному многоаспектному плану РКЦУз проводит традиционную работу, направленную на сохранение мира и взаимопонимания в обществе, воспитание уважения к духовному наследию Востока, сохранение русских национальных обычаев, культуры, языка, литературы. Результаты свидетельствуют о том, что работа проводится успешно и будет продолжаться и совершенствоваться впредь. Новые аспекты работы планируются такие:

- обеспечение максимальной вовлеченности населения в совместную культурно-творческую деятельность;
- создание новых возможностей для творческой самореализации, духовного обогащения и культурного роста;
- обеспечение основных помещений центра (конференц-зала, многофункционального зала, кабинетов) цифровым и аудиовизуальным оборудованием;
- подключение широкополосного интернета для получения доступа к медиаконтенту (для трансляции лекций, концертов, спектаклей);
- создание медиатеки, программ, предназначенных как для посетителей, так и для сотрудников РКЦ, особенно для преподавателей учебного центра, руководителей кружков;
- обустройство прилегающей территории с целью более полного удовлетворения культурно-досуговых запросов посетителей, возможности проведения некоторых массовых мероприятий на воздухе;
- обустройство подъездных путей и пешеходных дорожек с твердым покрытием;
- посадка цветов и зеленых насаждений;
- строительство детской площадки – места для детских игр и малых аттракционов, – площадки для проведения физкультурно-оздоровительных мероприятий, хорошее освещение.

– *Очевидно, что работа проводится масштабная, планов много, остается пожелать РКЦУз успехов, новых широких перспектив, свершения всего задуманного.*

ГАРМОНИЯ ДОБРА

Ташкентская и Узбекистанская епархия Русской Православной Церкви – важнейший очаг духовной жизни нашего независимого, многонационального, демократического, многоконфессионального общества.

На сегодняшний день в Ташкентской епархии насчитывается 38 приходов, она является центром учрежденного Священным Синодом РПЦ в 2011 году Среднеазиатского митрополичьего округа, в состав которого также входят Душанбинская и Таджикистанская епархия, Бишкекская и Кыргызстанская епархия, а также Патриаршее благочиние приходов РПЦ в Туркменистане. Глава Округа – митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий, постоянный член Священного Синода.

Деятельность Церкви – это не только богослужения, молитвы, духовные дела (что, конечно, очень важно), но и огромная просветительская, духовно-нравственная и социальная работа, которую проводит РПЦ как самостоятельно, так и в сотрудничестве с другими организациями.

В 2013 году было подписано соглашение о сотрудничестве между епархией и РКЦ Узбекистана. Результатом сотрудничества стало возможно проведение всевозможных совместных духовно-просветительских, культурных, благотворительных мероприятий, направленных на сохранение и развитие мира, взаимоуважения, толерантности в обществе; сохранение духовности, национальной культуры, обычаев. В числе таких мероприятий следует отметить, например, Международный день толерантности, Масленицу, День семьи, любви и верности, День славянской письменности, Рождественские, Пасхальные концерты и др.

Большое внимание уделяется работе с молодежью. Переступая порог детства и юношества, сталкиваясь с соблазнами этого мира, который предлагает порой абсолютно безнравственную модель поведения, парни и девушки сталкиваются с выбором: идти по пути греха и порока или дать решительный отпор всему тому ложному, что предлагает современная цивилизация. Некоторые, увы... Но это их выбор. Большая часть все-таки остается на стезе нравственности, бывает в храме, приводит своих друзей и подруг, на своем личном примере приобщая их к той вере, в которой они когда-то были крещены, младшие посещают воскресные внебогослужебные занятия, постигая азы духовности, обретая друзей и единомышленников, участвуют во всевозможных мероприятиях и конкурсах.

За последние девять месяцев в Ташкентской епархии дважды были проведены международные форумы с участием священнослужителей и молодежи епархий округа, предоставляющие реальную возможность юношам и девушкам стать ближе друг другу, узнать, как живет и чем интересуется православная молодежь в другой стране, обменяться опытом. В числе особых гостей стала молодежь Калужской митрополии.

Уникальным в какой-то мере можно назвать прошедший в Ташкенте Фестиваль духовно-нравственной культуры с участием гостей из России в марте 2017 года. В его рамках демонстрировались фильмы-лауреаты и лучшие фильмы-участники кинофестиваля «Лучезарный Ангел». Были проведены мастер-классы для детей и творческие встречи с создателями фильмов и их участниками, а также встречи членов Организационного комитета и Дирекции кинофестиваля со зрителями.

С 2011 года началась активная социальная работа в епархии. Митрополит Викентий предложил обратить внимание на бездомных, малообеспеченных: некоторые люди освобождаются из тюрьмы, у них нет никакого заработка, средств к существованию, очень много пожилых больных людей, малообеспеченных и одиноких. Поэтому для начала было организовано горячее питание при социальной столовой. В день кормили по 100–150 человек.

Был организован пункт приема и выдачи одежды для особо нуждающихся. Прихожане, у которых уже выросли дети, с удовольствием приносили б/у одежду, а другая категория людей с радостью брала эту одежду.

Сотрудники социального отдела стараются помочь всем, независимо от того – православные это или представители другой конфессии. За помощью обращаются многодетные семьи, у которых по 8–10 детей.

При епархиальном социальном отделе организована патронажная служба, призванная помогать одиноким людям, пенсионерам, беспомощным инвалидам первой и второй группы, которые лежат дома одни, у кого никого нет – ни родственников, ни друзей. Патронажная служба работает при активной поддержке волонтеров: они ездят к одиноким людям, готовят им еду, делают уборку по дому, приносят из аптеки лекарства, закупают продукты.

Оказывается определенная помощь одиноким людям в доме престарелых. Раз в месяц священник приезжает к православным подопечным, чтобы поговорить с ними и причастить. Волонтеры по составленному графику обязательно каждый день приезжают в дом престарелых, чтобы пообщаться со стариками, почитать им духовную литературу.

Особое направление в социальном служении – работа в детских домах «Мехрибонлик» и приютах. Сотрудники и волонтеры отдела посещают воспитанников, отвозят одежду, игрушки, дарят подарки на праздники, сладости. Такую же помощь детским домам и домам престарелых оказывает РКЦУз.

При социальном отделе епархии работает служба пастырской поддержки: прикрепленный к отделу священник ездит исповедовать и причащать своих подопечных и впервые обратившихся за такой помощью.

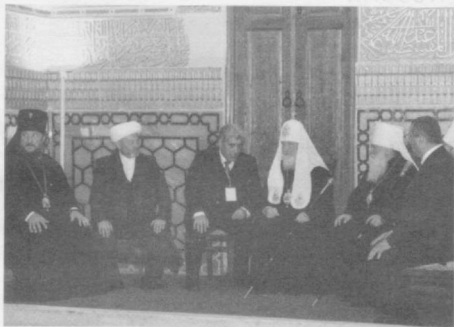
Сотрудники отдела и волонтеры посещают туберкулезное отделение при психиатрической больнице, приносят им вкусную выпечку.

На епархиальном сайте www.pravoslavie.uz есть рубрика «Просьбы о помощи», где размещены актуальные просьбы людей, нуждающихся в той или иной помощи. Неравнодушные люди откликаются на эти просьбы и стараются помочь по мере своих возможностей.

Отдельным направлением работы социального отдела является оказание юридической помощи разным категориям людей, в том числе бездомным. Десяткам людей оказана помощь в получении паспортов и прописки, что позволило им включиться в общественную жизнь.

В октябре 2017 года была создана молодежная инициативная группа «Твори Добро». Прошло полтора года, и за это время сделано уже многое: на регулярной основе помощь оказывается одиноким матерям, многодетным семьям, тяжело больным людям, в том числе детям с лейкозом, особое внимание уделяется и отдаленным приходам: закупаются продукты, необходимая церковная утварь. Сегодня молодежь из «Твори Добро» оказывает активную помощь в сборе средств для строительства Божьего дома на православном кладбище в поселке Уртасарай. Здесь будет построен храм Всех святых Собора Среднеазиатского митрополичьего округа.

Ташкентская епархия реализует множество проектов просветительского характера, уделяя внимание нравственному воспитанию подрастающего поколения и культурно-нравственному обогащению взрослых. В этом особую роль играют ежегодно проводимые в Ташкенте книжные выставки-форумы «Радость Слова». Это просветительский проект Издательского совета, кото-

рый реализуется во многих епархиях. Главные цели выставки – насыщение книжных рынков качественной книжной продукцией, укрепляющей культурные и нравственные традиции, а также создание новых информационных возможностей в сфере культуры и образования, содействие духовно-нравственному просвещению молодого поколения, возрождение интереса к литературе и чтению.

С 1 по 5 мая 2019 года в Ташкенте вновь пройдет выставка «Радость Слова».

Следует отметить ежегодное проведение Дня православной книги – от Священного Писания и житий святых до высокохудожественной прозы и поэзии.

Проведение книжных выставок-форумов и Дня православной книги способствует реализации заботы Президента Узбекистана Шавката Мирамоновича Мирзиёева о том, чтобы население страны было более читающим.

Традиционно в Духовно-административном центре епархии проводятся концерты классической музыки, научно-просветительские чтения, посвященные дню памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (День славянской письменности), а также святителя Луки (Войно-Ясенецкого), одного из основателей Ташкентского медицинского института, который 31 мая 1923 года принял жезл архиерейского служения с наречением титула Ташкентский и Туркестанский. Имя этого святого известно не только в Узбекистане, Средней Азии и России.

В 2012 году был открыт епархиальный Паломнический отдел, который организует различные поездки по святым местам, конечно же, не забывая о паломничестве в Самарканд, к гробнице ветхозаветного пророка Даниила, а также в Бухару, к святому источнику ветхозаветного праведника Иова Многострадального.

Без социальной сферы нет духовной, без духовной нет социальной. Они тесно взаимосвязаны. Создание гражданского общества невозможно без воспитания в человеке его духовной составляющей: доброго отношения к ближним, любви и взаимопомощи. Независимо от того, к какой конфессии или национальности принадлежит человек, его человеческую сущность определяет отношение к окружающим, что особенно важно в многонациональном обществе.

**Иеромонах Михаил (СТОЛЯРОВ),
руководитель епархиальной пресс-службы**

Ни точки нет, ни остановки во времени...

Людмила БАКИРОВА

Давай повернемся друг к другу, ведь все-таки в чем-то мы очень похожи,
тебя для себя открываю, и ты открывай для себя меня тоже,
твоими глазами могу я увидеть лицо мое, руки, глаза и ладони,
на фоне заката,
деревьев, цветущих на фоне,
здесь у арыка на деревянную вместе присядем скамейку,
а рядом – вполшага,
простой одуванчик, согнув свою тонкую, нежную шейку,
над собственной хрупкой склоняется тенью,
а в воздухе пахнет дождем,
да, в воздухе пахнет дождем и цветущей сиренью.

Смотри, эта осень на ветке, изогнутой криво,
листву обрывает,
а дальше ты к ней подбираешь слова,
пока там, в саду, созревает и падает с дерева спелая слива,
пока там за ветку другого цепляется ножкою крепко айва.
Пока там...
А дальше туманно, дождливо,
печалится, кажется, осень сама,
в движении к снегу – ее перспектива,
а дальше, что дальше...
ну, что же там дальше?
А дальше, конечно, наступит зима.

Людмила БАКИРОВА. Член СП Узбекистана. Родилась в Кировской области РФ. Окончила ТашГУ (ныне НУУз). Публиковалась в сборниках «Поэзия-88», «Под знаком осени», журналах «Новая юность», «Молодая смена», «Книголюб», «Звезда Востока», альманахах «Молодость», «Арк», «Анор».

* * *

Встаёт заря, кричит петух,
цветок бросает в почву семя,
над бытием своим, пастух,
ты придержать хотел бы время.
А так – то дождь, то холода,
то летом жар, как из духовки,
летишь неведомо куда,
ни точки нет, ни остановки
во времени,
мелькают вдруг
то куст, то холм, то лес, то луг,
то божьи красные коровки,
шмели, репейников головки,
над грядкой вскопанной лопух –
всё, всё захватывает дух,
повсюду шум, и гам, и стук,
и нет опоры для страховки.

* * *

Для вечера сумерки – это начало,
где засветло чье-то зажжется окно,
людей в переулке ты видишь немало,
но запад погаснет, и будет темно.
Идем мы в полосках неверного света,
вдыхая шашлычный на улочке чад,
нет ветра – гуляет по городу где-то,
а где он гуляет – деревья молчат.
Они нас с тобою берут на заметку,
где мы лишь пейзажа восточного часть,
держусь за тебя, как за крепкого дерева ветку,
чтоб дальше идти и нигде не упасть.

* * *

Чувство вины ни с чем невозможно сравнить,
тем более, если нельзя ничего изменить,
делятся дни твои после на от и на до,
где птица вины в душе твоей вьет и свивает гнездо,
птенцы этой птицы покоя тебе не дают,
то вроде притихнут,
то сердце так больно клюют, и клюют, и клюют.

Снеговик

Он вдруг загрустил, он совсем не привык,
что двор опустел
перед детской горкой –
носик-морковка, глаза-угольки,
лысину пряча под серым помятым ведерком,
с метлой из коричневых прутьев коротких стоит,
немножко нелепый, ну очень печальный на вид,

а ночью то тает, то вновь подмерзает,
погоды внезапный каприз,
а он – снеговик, он в снегу оседает,
из глаз его слезы горошками падают вниз.

* * *

Леплю снеговика,
От снега моя холодеет рука,
Снег тает в ладонях,
И вот она рядом – из снега река,
Пускаю бумажный кораблик по водам,
В нём парус, как сложенный зонт,
Плывёт мой кораблик, плывёт, уплывает и прячется за горизонт,
А там я в своём настоящем,
Отсюда мой собственный в прошлое путь –
И в детство, и в юность,
Туда и обратно: раз-два – не успеешь моргнуть,
А где-то там память, что вовсе неважно,
Откроет в пространстве свой личный дневник:
Плывёт и плывёт там кораблик бумажный,
Из детства на горке стоит снеговик.

* * *

Пока не видит дальше носа,
но не уходит от вопроса,
кто знает из ее поклонников,
как ветер с южных гор мятежником
врывался ночью в мокрый сад.
А здесь на влажном подоконнике,
под солнцем утренним подснежники,
в окне раскрытом чуть дрожат.

ДЕСПОТ ТЫ МОЙ ВОСТОЧНЫЙ!..

Рассказ

Джасур ИСХАКОВ

Восторженно-сладкая и политически выдержанная сентенция «Счастье – это когда утром хочется бежать на работу, а вечером – возвращаться домой!» для Маруфа Умаровича Санатова звучала неубедительно по той причине, что на работу он шел к семи или даже к восьми часам вечера, а возвращался домой далеко за полночь. Он был певцом в ресторане при гостинице «Шарк», которую старожилы называли «Националь». Двухэтажная солидная гостиница с парадным подъездом, куполом и слуховыми окнами стояла на пересечении улиц Ирджарская и Правда Востока.

...Певцом Маруф стал почти случайно. Он служил в роте связи Южной группы войск в Венгрии недалеко от озера Балатон. Благодаря отличному слуху и врожденному чувству ритма, Маруф быстрее всех в роте освоил азбуку Морзе, мог установить радиостанцию или телефонную связь за нормативный срок на «отлично», размотать сто метров провода со стальной струной за рекордные тридцать секунд. За это он уже через семь месяцев службы получил желтую лычку ефрейтора. Кроме того, Маруф был запевалой. К смотру строевой песни рота готовилась добрых полтора месяца, отрабатывая чеканный шаг на плацу. От усердия отлетали каблуки кирзачей, а салаги падали в обморок.

Звучал хриплый голос бати:

– Взвод, слушай мою команду! С песней строевым! Ша-агом марш!

И сотня ног начинала синхронное движение, а ефрейтор Санатов запевал сильным и звонким голосом:

*Там, где пехота не пройдет
И бронепоезд не промчится...*

И каре связистов дружно подхватывало:

*Тяжелый танк не проползёт,
Лежит Советская граница!*

– Ну-ка, пригласите ко мне этого чернявенького... – задумчиво произнес незнакомый капитан, стоя на трибуне рядом с командиром полка.

Джасур ИСХАКОВ. Сценарист, театральный драматург, кинорежиссер. Родился в 1947 г. в Ташкенте. Член Союза кинематографистов, лауреат Государственной премии Узбекистана, нескольких литературных премий, международных конкурсов, лауреат премии СК Узбекистана «Золотой грифон».

Так ефрейтор Санатов весеннего призыва пятьдесят пятого года стал участником хора, а затем и солистом ансамбля песни и пляски ЮГВ. От природы он обладал хорошим тенором, а в ансамбле с ним занимался и ставил голос сам майор Соллогуб, профессиональный певец, руководитель коллектива. Одинаково хорошо Марику, как его называли сослуживцы, удавались песни военных лет – «Землянка», «Эх, дороги», «Темная ночь», итальянские – «Санта Лючия», «Вернись в Сорренто», русские романсы – «Я встретил вас...» и, конечно, озорные «Наманганские яблочки». В 1956 году на смотре армейских коллективов художественной самодеятельности стран Варшавского договора в Софии за танцевально-вокальную сюиту «Катюша» Маруфу Санатову в числе других присудили почетное второе место. А роль «Катюши» исполняла молодая танцовщица вольнонаёмная Оксана Лопатко. Ещё на репетициях в армейском клубе Маруф влюбился в голубоглазую девушку. Как позже выяснилось, и она давно заприметила голосистого солиста, по-восточному красивого «парубка» с большими выразительными глазами. Многие тогда спорили, на кого больше похож паренек из Ташкента, – на Раджа из фильма «Бродяга» или на Рашида Бейбутова, особенно, когда тот исполнял песню «Севгилим», подражая сладким интонациям азербайджанского «соловья». За два месяца до дембеля Оксана и Маруф расписались, и девушка, не раздумывая, взяла фамилию Маруфа, стала Санатовой, сменив свою, не очень благозвучную. Они сыграли скромную свадьбу в офицерской столовой военной части, где локализовался ансамбль. Начальство уговаривало молодоженов остаться. Но Маруф мягко отклонил предложение: «Мама одна. Какой я сын, если брошу её?»

Когда они уезжали из части, их провожал весь ансамбль. Оркестр у ворот сыграл «Кукарачу», а потом «Прощание славянки».

Маруф не сообщил матери о возвращении: хотел сделать сюрприз. В Будапеште, в привокзальном универмаге, по настоянию Оксаны купили для неё подарки: драповое пальто «реглан» светло-коричневого цвета, фетровую шляпу и полусапожки чешской фабрики «ЦЕБО» под цвет пальто.

Они добирались поездом через Москву шесть суток. Майский Ташкент встретил их сорокаградусной жарой. «Привыкнешь», – приободрил Оксану Маруф. Та только нервно улыбнулась.

Сюрприз Маруфа вышел неуклюжим, совсем не радостным. Мама, Лобар Гиясовна, уже полгода болела. И тоже не сообщала Маруфу об этом, не желая огорчать сына. С чемоданами и коробками молодые взбежали по расшатанной лестнице вверх. Маруф вошел в комнату с приготовленной фразой: «Гостей не ждали? А вот и...» Он осёкся на полуслове. Медсестра, которая именно в этот момент делала Лобар Гиясовне обезболивающий укол, укоризненно бросила:

– Стучаться надо!

Положение усугубила Оксана. С простодушием настоящей станичной казачки она подошла к кровати и сказала уверенным, громким голосом:

– Здравствуйте, мама!

Лобар Гиясовна вздрогнула, подняла на незнакомку глаза. Повисла тяжелая пауза. Медсестра торопливо собрала свои причиндалы: шприцы, кипяtilьник, спирт, вату – и, хмыкнув, ушла.

– Мама, здравствуйте... Это моя жена Оксана, – тихо произнес Маруф.

Лобар Гиясовна молча отвернулась к стене.

...Маруф смутно помнил отца. Умар Санатов погиб в самом начале войны, когда сыну было пять лет. Всю свою нерастрченную любовь Лобар обратила на Маруфа. И вот, как снег на голову, эта девушка, чужая во всем. К физической боли прибавилась и эта, душевная, боль. Драповое пальто, шляпка и полусапожки негодились Лобар Гиясовне. Инсульт, диабет и ещё целый букет всяких гадостей накрепко приковали её к постели. Она беспомощно плакала по ночам. Лобар мечтала, что сын женится на дочери её ближайшей подруги Фатимы, продавщицы из гастронома номер один. И в мечтах представляла, какими красивыми будут её будущие внуки или внучки.

...Начальник райвоенкомата майор Назаров перелистывал документы и дипломы Маруфа.

– Товарищ Санатов, буду рекомендовать вас в ансамбль песни и пляски Туркестанского военного округа, не против? Зарплата хорошая, со временем – квартира, медобслуживание в Центральном госпитале... Решайте.

– А маму... можно в госпиталь? – дрогнувшим голосом спросил Маруф.

– Конечно, прикрепим всю семью, – Назаров улыбнулся, выпустил клуб дыма. – Решайтесь, я сегодня добрый.

– Соглашайся, сынок! – всхлинула от радости Лобар, когда Маруф рассказал о предложении военкома. – В этом госпитале очень хорошие врачи... Я слышала. И форма тебе очень к лицу.

На следующий день ефрейтор запаса Санатов уже подписывал контракт на сверхсрочку для работы в ансамбле ТуркВО.

Шло время. Постепенно между Лобар и Оксаной сложились теплые отношения. Оксана делала свекрови массаж, натирала лекарственными мазями ее больные ноги, подкладывала и выносила эмалированное судно. Лобар Гиясовне нравилось, что эта русская очень экономна. Из скромных припасов Оксана могла приготовить вкусную еду. Занимая у соседей большой медный таз, варила в нем варенье из клубники и вишни, осенью солила огурцы и помидоры. Шила на старинной машинке «Зингер» нехитрые вещицы – ночнушки, фартуки.

Каждый день Маруф уходил на репетиции в Окружной дом офицеров на углу Братской и Энгельса, ездил в командировки с концертами по клубам военных городков и гарнизонов пяти южных республик.

Жизнь постепенно входила в нормальное русло. Так пролетел год, потом два.

Сколько ни намекал Маруф начальству об обещанной квартире, о лечении мамы в военном госпитале, всё оставалось по-прежнему. Да и зарплата сильно отличалась от той, какую обещал военком. С премиями выходило восемьсот шестьдесят рублей, которые в январе 1961 года превратились в восемьдесят шесть...

Перед Новым годом самочувствие Лобар Гиясовны резко ухудшилось. Оксана сидела у её постели, массировала холодные руки женщины, кормила с ложки. Лобар Гиясовна таяла на глазах, уже не могла говорить, только внимательно смотрела на сына и невестку, и подобие улыбки появлялось на её измученном лице. Маруф и Оксана по очереди выходили из комнаты и плакали.

Умерла Лобар тихо. Просто не проснулась утром.

После похорон матери Маруф уволился из ансамбля.

По рекомендации дяди Сапара, брата отца, который работал в Октябрьском райисполкоме, начал работать в оркестре ресторана «Октябрь». Руководитель

ансамбля и одновременно скрипач Ефим Самуилович Левин попросил его что-нибудь спеть. Маруф спел sentimentalную трошинскую песню:

*Помнишь, мама моя, как девчонку чужую
Я привёл к тебе в дочки, тебя не спросив,
Строго глянула ты на жену молодую
И заплакала вдруг, нас поздравить забыв,
Нас поздравить забыв.*

Маруф пел без оркестра, а капелла, получалось очень проникновенно, с чувством. На глаза старого скрипача навернулись слезы.

*Я её согревал и теплом, и заботой,
Не тебя, а её я хозяйкою звал.
Я её целовал, уходя на работу,
А тебя, как всегда, целовать забывал,
Целовать забывал.*

– Беру, беру! Куда деваться, Сапарчик? – воскликнул он с фрикативным «р» и неповторимым одесским акцентом. Остроумцы-лабухи Ташкента в шутку называли Ефима Самуиловича «Наш Левин в Октябре!». Он, начавший работать в ресторанах ещё довоенной Одессы, хорошо знал, как растрогать или порадовать клиента, готового за повтор песни заплатить свои кровные.

Оксана к тому времени устроилась работать машинисткой в паспортный стол при одиннадцатом отделении милиции, что располагалось рядом с Алайским базаром. Она уходила рано утром, когда Маруф Умарович крепко спал после прокуренной ресторанной кутерьмы. Поэтому нормально они встречались по праздникам, по воскресеньям и ночью, в постели – на металлической кровати с никелированными блестящими шариками. Так как детей у них не было, вся её материнская нежность проецировалась на Маруфа. Жили они на Кашгарке в коммунальном двореке «с удобствами» у ворот. За забором стучали допотопные станки табачной фабрики, и в воздухе постоянно витала махорочная пыль. В квартире, которая располагалась на втором этаже каркасно-глинобитного дома с узкой деревянной верандой, было две комнаты. Одна являлась одновременно и гостиной, и спальней, и кухней – с гудящим примусом и (на всякий случай!) с керогазом. По выходным комната становилась ещё и душевой – с мочалками, тазиками и кружками. Вторая комната была обычной пристройкой без окон. В ней и поселились в первые годы молодые. После смерти Лобар Гиясовны они перебрались в большую комнату. В первые дни Оксана купила в комиссионке на Тезиковке туалетный столик и складывающийся трельяж. Там же нашла часы-ходики с выпрыгивающей каждый час кукушкой на пружинке. «Ку-ку, ку-ку!» – значит, два часа. Циферблат ходиков был в виде мордочки кота, хитрющие глазки которого бегали взад-вперед в такт убегающим секундам. «Точь-в-точь, как у нас дома!» – радовалась Оксана. Она умело вела хозяйство, упорно откладывала на сберкнижку деньги. «Вот дадут квартиру, тогда и сервант румынский купим, и люстру чешскую, и кровать новую...» – мечтательно шептала она, глядя волнистую шевелюру Маруфа в редкие минуты полуночного общения. А ещё любимой присказкой, обычно в самом конце сладкой близости, была её фраза, которую она говорила с придыханием: «Ах ты мой восточный

деспот!...» – целовала его благодарно и загадочно улыбалась. По утрам она готовила ему завтраки, накрывала тарелку с морковными котлетками салфеткой и писала записки типа: «Маруф, золотой, не забудь купить хлеб и иголки для примуса. Целую, твоя Ксюха».

Из того, что Маруф когда-то привез из армии, кроме подарков для мамы, был немецкий электрический проигрыватель и коробка пластинок как на 78 оборотов в минуту, так и на 33 с половиной. По выходным Маруф ставил проигрыватель на табуретку, заводил пластинки, и с веранды на радость соседям звучала хорошая музыка. Но главное, что он привез «из-за границы», это некий «европейский лоск». Это замечали все его старые друзья-приятели. Он объездил с ансамблем ЮГВ не одну страну, видел, как там живут люди, как одеваются, как общаются, как улыбаются друг другу. Он был хорошим учеником и здесь, в родном городе, никогда не позволял себе носить мятую одежду, грязные туфли, каждый день брился, опрыскивая лицо рижским одеколоном «Миф», с помощью бриолина делал аккуратный пробор. Курил он мало – берег связки, предпочитал московскую «Яву», которую покупал из-под полы по пятьдесят копеек за пачку. А ещё он отпустил над верхней губой тонкие усики, и немало женщин невольно оглядывалось на него, когда он шел по узкому переулку, перепрыгивая с кирпича на кирпич в арычке с черной водой с неприятным запахом. Вода текла из подпольной артели по выделке и покраске кожи. Подобных цехов на Кашгарке было немало.

Вскоре оркестрик «Левина в Октябре» в силу вкусовых разногласий с директором «Октября» перебрался работать в самый центр Ташкента, в ресторан «Шарк». И одним из магнитов для степенных, солидных клиентов был Маруф Санатов, элегантный певец с красивым голосом, в костюме с иголки, хорошими манерами и, главное, продуманным репертуаром. Он мог спеть все что угодно. Но он, как и Ефим Самуилович, отлично усвоил психологию и вкусы слегка подвыпившего солидного посетителя. Он не пел дешёвых эстрадных поделок, которые звучали во всех ресторанах и питейных заведениях большой страны. Маруф называл эти песенки туфтой и полной лажей. Сначала, для «разгона», что-нибудь медленное, потом сентиментальное, прошибающее до слез, потом зажигательное типа хорезмского «Лязги» или «Баригал». Когда клиент устал от еды и выпивки – что-нибудь томное и слезливое.

А потом можно спокойно включать магнитофон, и клиент, уже поголовно пьяный, будет считать, что оркестр продолжает играть для него...

Маруфа не раз приглашали работать в филармонию, но он предпочитал вольные хлеба ресторанного певца. Кроме твёрдой зарплаты были левые чаевые, «халтуры» на свадьбах и юбилеях, что заметно дополняло семейный бюджет, но главное – у Маруфа было свободное время. А он это ценил.

Сегодня Маруф Умарович опаздывал. Ефим Самуилович недовольно поглядывал на часы, заполняя время медленными блюзами и фокстротами Цфасмана.

– Что стряслось, Марик? Ты похож на мою бабушку Цилю в гробе – такой же хмурый... – старый скрипач был отменным психологом, и ему было достаточно взглянуть на человека, чтобы определить его настроение. – Я вижу, ты плакал? Марик, посмотри на меня...

– Я вам потом всё расскажу... – махнул рукой Маруф, переодеваясь в концертный костюм и лакированные туфли.

– Ладно, работаем... Сбaceaшь «Кошку и плов». А то гости совсем скисли...

«Левин в Октябре» вышел на сцену со скрипкой в руках. Весь ресторан сегодня был отдан двум юбилярам, друзьям детства.

– Дорогие гости, мы хотим подарить нашим уважаемым виновникам торжества шуточную песенку про неверную жену и мудрого мужа! Не дай бог такое пережить Арсену Багдасаровичу и Анвару Турабовичу! – широко улыбаясь, сказал в микрофон Ефим Самуилович. – На сцене – известный вам Маруф Санатов!

В зале зааплодировали. Большею частью это были завсегдатаи заведения, хорошо знавшие не только прекрасную солянку и сочные кебабы, которые здесь давали, но и репертуар ресторана. Один из юбиляров был негласным хозяином всей потребкооперации, второй контролировал крупные автосервисы и сеть маленьких мастерских.

Взмах руки, и маленький оркестр – скрипка, флейта, аккордеон, контрабас и ударная установка – заиграл вступление.

Маруф вышел на сцену. Обычно улыбчивый и приветливый, сегодня он не был похож на себя. Какой-то удрученный, сумрачный.

*На востоке любят Насреддина
За веселый ум и мудрость слов,
Вот одна забавная былина
Про жену, про кошку и про плов.*

Он пел сто раз спетую песенку, но смысл её вдруг представился совсем иным. Обычно эту известную песню Рашида Бейбутова Маруф пел с юмором, мастерски передавая нюансы анекдота. Но сегодня его словно подменили.

Гости, большей частью напoмаженные женщины в дорогих вечерних платьях с глубокими вырезами, увешанные золотыми украшениями, недоуменно переглядывались. Особенно не понравилось им одно место в песне:

*...А жена-плутовка не дремала,
Как уснул – соседа позвала,
Угошала пловом, целовала,
А ушел – посуду прибрала.*

Ефим Самуилович играл на скрипке, беспокойно поглядывая в зал, и, видя презрительно сжатые губы и подозрительно суженные глаза высокопоставленных жён, сожалел о том, что посоветовал эту песню. «К черту! Выкину эту дребедень!» – думал он, судорожно водя смычком по струнам.

Он подошёл к Маруфу сзади и шепнул в паузе:

– Марик, хватит минора... Эти жирные коты нам бошки снесут! Веселей, улыбайся, умоляю...

Маруф же был погружен в свои мысли, витал в другом мире. Он просто не слышал страстного шёпота своего шефа.

*...И спросил мудрец без лишних слов:
– Если это плов, то где же кошка,
Если это кошка, где же плов?*

Голос Маруфа с каждой нотой становился всё сильнее. Старый скрипач страдал, физически ощущая нависшую угрозу. «Скорее бы уж конец!»

Если это плов, то где же кошка?

Если это кошка, где же плов?!!

И вдруг после финальной фразы Маруф заорал прямо в микрофон:

– Сволочи!!! Дряни, шлюхи!!! Все вы!

Мошнне кинаповские динамики разнесли по всему залу эти отчаянные крики. Маруф ушёл со сцены, а женщины, обмахиваясь китайскими веерами, возмущенно вставали из-за столов. Слышались гневные реплики: «Нет, вы слышали?!», «Что здесь происходит?», «Что он себе позволяет?», «Какой негодяй! Гнать его в шею!», «Подонок!», «Прибить его мало!», «Идиот! Его место в психушке!»

То, чего так боялся Ефим Самуилович, не произошло: мужчины как-то спокойно отнеслись к ресторанному инциденту. А некоторым даже понравилась неожиданная концовка песенки. Сытые, захмелевшие, они перешептывались: «Слушай, Равиль, а мне понравилось! Как он врезал правду-матку!»

Вскоре все успокоились, и флейтист Жора подменил Маруфа. Пел подряд «Мишка, Мишка, где твоя улыбка?» и «Ландыши, ландыши...».

И снова в зале слышался звонкий женский смех, звучали поздравления и тосты. А Ефим Самуилович за сценой принимал нитроглицерин, успокаивая расшалившееся сердце.

Банкет приближался к концу. Уже вкатили юбилейные торты со свечками, подали чай и кофе. Гости кучковались, покуривая, негромко обсуждая свои дела. Кто-то уже спал, уютно положив голову между блюдами с нетронутым ассорти. Женщины обсуждали своё: новый салон красоты на Пушкинской, цены на искусственный жемчуг из Вьетнама... Крутились бобины МАГа-59, и в зале звучало «Воларе» Доменико Модуньо.

Маруф сидел с Ефимом Самуиловичем в костюмерной – так называли убогую комнатуху за сценой с треснутым зеркалом, продавленным диваном и раковиной, полной окурков. На колченогом столике стояла тарелка с закуской, рюмки и пустой графин.

– И ты поверил этому босяку? – возмущенно спрашивал Ефим Самуилович Маруфа, который сидел напротив, опустив голову. – Он что, свечку держал? Или на люстре висел? От дешевого вина у этого придурка в голове вместо мозгов – говно! Никогда не поверю, что твоя жена может тебе изменить! Никогда! Она же ангел! Красавица!

– Он видел её... с Торчаком... – тихо произнес Маруф и горестно вздохнул. – Он ей цветы подарил...

– Марик, не роняя себя в моих глазах! Дарить цветы и изменять, как говорят в Одессе, – это две большие разницы! Кто этот... Как ты сказал?

– Торчак, майор, заместитель начальника одиннадцатого отделения... Шеф Оксаны.

В комнату заглянула рыжая официантка в накрахмленном кокошнике.

– Дядь Фима, ещё? – подмигнула она.

– Да, золотце, принеси ещё... Ты слышала, что тут кричал этот ненормальный?

– Да все слышали! – засмеялась девушка. – Молодец, Марик!

– Прости меня, Зиночка, но я чуть не наложил в штаны из-за этого молодца! Нашелся тут Фидель Кастро!

Забрав графин, официантка скрылась за дверью.

– Ты хоть знаешь, что это за люди? Одно слово любой сидящей здесь профурсетки – и мы вылетим отсюда как пробки! – скрипач не мог найти себе места, ходил по комнате взад-вперед. – Ты просто не представляешь, какие это страшные люди... Особенно Арсен...

Он замолчал, присел рядом с Маруфом, обнял его за плечи.

– Как сказал один старый еврей, «Всё проходит. Пройдет и это...», – тихо произнес Ефим. – Даже если Оксана тебе изменила...

Маруф поднял на него глаза.

– Не надо было сегодня орать и обвинять всех! Не ты первый, и Оксана твоя не единственная... Не делай трагедию... Ты молодой, красивый, а вокруг рыскает столько голодных женщин...

Увидев в этот момент глаза Маруфа, он осекся на полуслове.

– Ну и где эта Зина застряла? Как никогда хочу выпить... – отвернувшись, проворчал он.

И, пряча глаза, раздраженно прикрикнул:

– И не смотри на меня глазами больной коровы!

...Обычно Оксана возвращалась с работы около семи часов вечера, и Маруф часто встречался с ней, отправляясь на работу. Сегодня, не дождавшись Оксаны, уже в восьмом часу Маруф спускался по лестнице. Внизу, сидя на корточках, его поджидал сосед Вячеслав Качурин, Славик-артист. Пять лет назад его уволили из театра Горького за систематическое пьянство и срывы спектаклей. Пить он стал ещё больше. На водку денег, да и физических сил, уже не хватало, и Славик давно перешел в стан «бормотологов», то есть потребителей плодово-ягодного крепленого вина по рубль десять копеек за 750 грамм. Он опускался всё ниже и ниже, но, сопротивляясь, продолжал носить лоснящиеся от старости галстуки, бриться до синевы, жевать мускатный орех от перегара и употреблять «интеллигентные» выражения и словечки. Частично они были почерпнуты из ролей, которые он когда-то (и, главное, с успехом) играл на подмостках театра на улице Карла Маркса напротив ГУМа, то есть на ташкентском «Бродвее».

– Моё почтение добрым соседям! – с деланной улыбкой приветствовал Славик, поднимаясь навстречу Маруфу.

– Добрый вечер, – ответил Маруф.

– У меня для вас есть книжка... – Славик вытащил из пиджака тонкую брошюрку «Афоризмы мудрецов»... – Вы только послушайте... «Довольствуйся малым и будешь счастлив!» Это сказал Конфуций. Как здорово, а?

– Сколько?

– Отдам за два рубля... Неохота ташиться к букинистам. Цена ей рубля три.

Понимая, что красная цена брошюрке тридцать копеек, Маруф протянул деньги, чтобы скорее отвязаться от соседа.

– Книжку потом возьму.

Славик неожиданно взял его за руку.

– Знаете, Маруф Умарович, я вас очень уважаю, поэтому... – Славик закашлялся, – не могу вам не сказать...

– О чем? – Маруфа кольнуло какое-то неприятное предчувствие.

– Знаете, это неправильно, что муж всегда обо всем узнает последним... – отведя глаза, тихо произнес Славик. – Несправедливо это... Хочу это исправить...

– Что ты там бормочешь?

– Ладно... – со страхом выдохнул сосед. – Правда любит ясность. Ваша жена изменяет вам. Вот.

– Что ты сказал? – Маруф схватил Славика за галстук. – Повтори!

– Оксана вам неверна! – на всякий случай Славик скрестил руки перед лицом.

– Ты, debil, ты соображаешь, что говоришь?

– Я говорю это только ради уважения к вам! Нас, артистов, легко обидеть... По себе знаю! Не хочу, чтобы вас обманывали... Оксана встречается с Торчаком Алексеем Петровичем... Майором. Который похож на Олега Стриженова... Такой высокий блондин... – торопясь, на едином дыхании говорил Славик. – Он возит её на машине, дарит цветы. Я вчера их видел, они уединились в вашей квартире, когда вы на работе были. И надолго... Не верите? Клянусь памятью моей матери! Вы сами убедитесь...

Маруф отпустил галстук Славика и пошел к воротам.

– Может, добавите? – крикнул Славик.

Маруф вынул деньги, бросил их на землю.

Славик сделал «испанский поклон» и ловко подцепил зеленый трояк.

Маруф шел, не видя ничего вокруг. Голова стала словно чугунная. Несколько раз останавливался, прислонившись к дереву. Подошла сердобольная старушка: «Вам плохо?» Маруф покачал головой: «Нет... Ничего... Спасибо...» Хотя ему было плохо как никогда. Чего в Маруфе было с избытком – это фантазии. И, почти поверив бывшему артисту, он представлял всё в красках, со звуками, деталями. Видел их кровать с никелированными шариками, лицо майора, похожего на знаменитого киноактера, лицо Оксаны. От этих видений кровь прилиwała к голове, куда-то к темечку, и он мычал, сжимая зубы. «Ненавижу... Ненавижу... Ненавижу-у-у-у!!!» – звучало внутри в ритм неровно колотящегося сердца. Так он дошел до ворот гостиницы, прошел хоздвор, поднялся по ступенькам ресторанной кухни. Не отвечая на приветствия удивленных поваров, прошел в комнату, громко называемую костюмерной. Из зала доносился медленный блюз.

– Что стряслось, Марик? Ты похож на мою бабушку Цилю в гробе, – такой же хмурый... Я вижу, ты плакал? Марик, посмотри на меня... – как в тумане говорил Ефим Самуилович...

Маруф поднимался по ступенькам скрипучей лестницы. Никогда она не казалась такой длинной и крутой. Каждый шаг давался с трудом.

Он открыл дверь. В нос ударил запах ацетона. Крутилась пластинка, бархатный голос Карела Готта уютно заполнял полутемное пространство.

Комната была освещена только настольной лампой в виде грибка, которая стояла на туалетном столике. Рядом краснел букет тюльпанов в двухлитровой банке.

Оксана в полупрозрачной нейлоновой ночнушке делала себе педикюр. Она сидела под лампой в неудобной позе, согнув в колене ногу, старательно покрывая ярко-красным лаком ногти.

Сказала, не отрываясь от своего занятия:

– Привет, Каррузо! Извини... В сковороде картошка, в термосе чай... Поухаживай за собой, ладно? Я сейчас закончу...

Маруф промолчал, подошел к ней сзади. Мягкий свет лампы освещал её голые плечи, руки, шею с тонкими завитками, ушную раковину, овал щеки, ресницы.

Она почувствовала его взгляд, подняла голову, посмотрела в отражение зеркала. Створки трельяжа дробили её лицо. Оксана приветливо улыбнулась и снова склонилась над стопой.

– Цветы... Откуда? – стараясь говорить небрежно, спросил Маруф.

– Алексей Петрович подарил... – она подула на сохнувший лак. – Они на выходные в Черняевку ездили. На майские предложил присоединиться... Поедем?

Маруф промолчал.

Не получив ответа, Оксана оглянулась и удивленно спросила:

– Что это с тобой? – засмеялась. – Да ты пьян! Ладно, иногда можно! Давай раздевайся и ложись, постель готова. Я скоро...

Она снова склонилась было с кисточкой, но затем подняла глаза.

– Что-то случилось? – уже тревожно спросила она.

– Я всё знаю, – играя желваками, тихо произнес Маруф.

– Ну хватит шутить! Это не смешно, Санатов.

– Давно ты с ним?

– С кем?

– Со своим майором Торчаком?

– С Алешей? Почему «моим»?

– Потому что ты с ним... трахаешься!

– Ты дурак, Санатов?

– А ты – обыкновенная шлюха...

Оксана медленно завинтила пробку-кисточку, поставила флакон с лаком на столик. Неспешно встала и повернулась к Маруфу:

– Повтори, – угрожающе тихо сказала она, глядя на него немигающим, каким-то мертвым, взглядом.

– И повторю! – набирая воздух от подступившего страха, прошептал Маруф. – Ты – дешёвка...

Со всего размаха Оксана хлестанула Маруфа по лицу. Так сильно, что тот с трудом сохранил равновесие.

– Это тебе за «шлюху»...

Оксана схватила банку с тюльпанами и с силой грохнула её об пол.

– Это – за «дешёвку»!

Распластанные тюльпаны валялись среди мокрых осколков.

Следом за банкой на пол полетели тарелки.

Не спавшие соседи с удивлением прислушивались к звукам из квартиры на втором этаже: вместо приятной музыки оттуда доносились крики и звон бьющейся посуды.

...Часа через два, когда и Оксана, и Маруф утомились, ссорясь, она сказала, что да, майор подарил ей эти злосчастные тюльпаны, как и всем сотрудницам, включая уборщиц, что да, привозил её на машине, потому что надо было перевезти к ней громоздкую пишущую машинку «Оливетти». Она бы сама не смогла её и поднять. Торчак настоял на том, чтобы его кандидатскую диссертацию Оксана печатала дома, а не на работе. Да, они провозились с установкой машинки целый час, потому что вилка итальянской машинки не подходит к нашей розетке! Да, на лестнице Алексей Петрович поцеловал в щёчку! Ну и что?

Всё это Оксана рассказывала, собирая мусор в совок. Маруф сидел, опустив голову.

– Я знаю, кто тебе настучал, – она со звоном ссыпала осколки в ведро. – Эта гнида, артист недорезанный... Качурин из третьей квартиры... Собственными руками удушю эту мразь! Не хотела тебе говорить, но этот гадёныш клеился ко мне... Когда я его отшила, послала на три буквы, он и пообещал мне устроить... Аутодафе, как он выразился. Подонок!

Маруф встал, пошел к двери.

– Ты куда?

– Прогуляюсь, – неопределенно ответил Маруф.

– Ты к этому Славику? – догадалась Оксана и встала перед дверью. – И не вздумай... Не трогай говно – вонять не будет... Прошу тебя, успокойся.

...Робкий рассвет апрельского утра слегка высветил окно. Звякнула створка ходиков, выскочила кукушка, истощно прокуковала пять раз.

Маруф курил, стряхивая пепел в форточку. Оксана лежала в кровати, от-
вернувшись к настенному коврику с оленями. Оглянулась.

– Занавеску не сожги, – сказала она.

Маруф не ответил, даже не повернулся в её сторону. Оксана встала, взяла со стола пепельницу, поставила перед ним на подоконник.

– Так и будешь молчать?

– Давай не будем, а? – после паузы хрипло произнес Маруф.

– Давай...

За окном неожиданно раздался лай собак. Нет, не тот обычный, что всегда звучит по ночам. Это была какая-то страшная собачья какофония из лая, визга, воя. Из-под козырька крыши с шумом резко взлетела голубиная стая.

Оксана растерянно стояла посреди комнаты.

– Ты мне так и не поверил... – сказала она устало. – Но между мной и Торчаком ничего не было! Не бы-ло-о-о!!! – закричала она. – Провалиться мне на этом месте!!!

И вдруг откуда-то снизу, из самой глубины, раздался утробный, низкий, страшный гул. Окно засветилось оранжево-красным заревом. И первый удар сдвинувшихся на неведомой глубине земных плит достиг поверхности и беззащитного города на ней. И твердь, основа, ушла из-под ног. И привычное, земное притяжение вдруг исчезло. Дом закачался, как небольшая лодка при шторме. И к утробному гулу снизу прибавился страшный скрип балок, стропил, полов, крошащихся стен и пронзительные крики людей.

– А-а-а-а! – закричала Оксана.

С грохотом упала и разбилась настольная лампа. Сорвались со стены ходики с ухмыляющимся котом на циферблате. Полетели с полок тарелки, чашки. Этажерка накренилась, с нее разлетелись книги.

Дом раскачивался, скрипел, пыль изо всех щелей застилала всё вокруг.

– Что это? – кричала Оксана, оглядываясь вокруг в животном ужасе. И, как финал театрального спектакля, со страшным грохотом рухнула левая стена их квартиры вместе с ковриком, фотографиями, обоями, открыв кусок светлеющего уже неба и апрельскую листву сирени.

Часть потолка нависла, в один момент обнажив камышовые потолки, стропила... На мгновение повисла кирпичная труба...

– Оксана! – крикнул Маруф, но было поздно – труба рухнула на голову Оксаны.

Маруф подбежал к ней, упал на колени.

– Оксана... – прошептал он.

Она не отвечала. Он поднял её на руки и бросился к выходу. Старую дверь заклинило. Маруф что было сил ударил по ней ногой, и она вылетела вместе с трухлявой коробкой. Во дворе в клубах пыли ничего нельзя было различить...

Бежали с криками люди – старики, дети, женщины и мужчины, – инстинктивно шарахаясь от ненадежных стен. Большинство полуголые – в трусах, майках, ночных рубашках и пижамах...

На глазах закрипела и покосилась лестница. Маруф ступил на неё – она предательски закачалась под ногами.

Он нёс Оксану, выверяя каждый свой шаг, проверяя на надежность каждую ступеньку.

Нёс, как бесценный хрупкий сосуд, ошущая, словно в первый раз, её тепло, мягкость кожи, запах волос, упругость груди.

Маруф спустился вниз. От напряжения дрожали руки. Ноги были будто ватные. Он положил её на землю в центре двора, у водопроводной колонки. Тяжело дыша, упал рядом.

Пыль постепенно оседала, рассеивалась, люди уже не кричали, громко и оживленно переговаривались, возбужденно обсуждая, сколько баллов было – семь или восемь?

Где-то вдали гудели сирены пожарных машин, завывала скорая помощь. Голуби летали над домами, целыми и разрушенными, снижались, уставшие, занимая свои места под козырьками и в голубятнях. Собаки жались к людям, доверчиво заглядывая им в глаза, повизгивали, виляли хвостами, радуясь, что все кончилось... Кошки неподвижно сидели под ветками чахлой сирени. Только дрожащие кончики хвостов выдавали их волнение.

Город медленно приходил в себя.

Маруф сидел рядом с Оксаной и, никого не стесняясь, плакал, уткнувшись головой в колени.

Оксана застонала и шевельнулась:

– Пить...

Маруф торопливо принес в ладонях воду и вылил на её пересохшие губы.

Перемазанная с головы до ног печной сажей, пылью и кровью, выглядела она ужасно.

Маруф провел мокрой ладонью по ее лицу. Она открыла глаза. И вдруг улыбнулась.

– Деспот ты мой восточный... – прошептала она тихо, взяла его руку и устало закрыла глаза.

Первый луч солнца коснулся её лица.

И словно исчезли следы гари и лёссовой мелкой пыли.

Куда-то на второй... нет, на десятый, сотый план ушли все перипетии вчерашнего и сегодняшнего дня. Растворились, унеслись, как пыль ветром.

Он ещё не знал, что начинается жизнь, которая будет теперь делиться на «до» и «после» не только для них, но и для всех жителей его города.

Сейчас для него самым важным было то, что на её шее билась, пульсировала голубая жилка, а дыхание становилось ровнее и спокойнее.

Маруф прижал ладонь Оксаны к губам.

Стихами тихо плачу...

Саги САГИДАШ

* * *

Выпив ночь из синей чашки, жду, когда нальют рассвет...
Тень в смиренной рубашке мой обкрадывает след.
Обернувшись тёплым пледом, обойду притихший сад.
Пахнет горько бабье лето неизбежностью утрат.
Звёзды светят маяками. Может, в небо за буйки?
Где цветные сны руками ловят божьи рыбаки.
И по лунам, как по рунам, выйти в космос напрямик.
По дороге самой трудной, где полёт – последний миг...
Только в доме спит ребёнок. Захожу, скрипят полы.
Не скрипите: сон так тонок! В степь пойду, сорву полынь,
И травую горькой, дикой окурю себя и дом:
Блажь полёта, уходи-ка! Полечу потом, потом...

* * *

Сквозила просишь между веток в ажурной сети паутин,
И в погреба ссыпалось лето до самых инистых седин.
И стрекоза в душе беспечно все дни летала без забот,
И свет, казалось, будет вечным, как будто снег не упадёт.
А ныне стынет день за дверью, весь мир под мороком пурги.
И в этом зимнем снегоперье не видно пешему ни зги.
В снегу и времени увязли дороги, небо и река,
И только вязы долговязы стоят и держат высь в руках.
В чешуйках снега невесомо, качая ставни-плавники,
Уткнувшись в водоросли сновья, спит дом, как сом, среди раки.
И ты уйдёшь к теплу поближе, в домашний безмятежный сон,
В предновогоднее затишье лепить стихи из снежных слов.
А как наскучит печки неги, в тиши на радость не скудей –
Свеченье сливочного снега сбивай до масла майских дней.

Саги САГИДАШ (Сагидаш ЗУЛКАРНАЕВА). Член Союза писателей России, член международного СПНС. Лауреат многих всероссийских поэтических конкурсов. Публиковалась в российских и зарубежных изданиях (Беларусь, Казахстан, Америка, Германия и пр.). Живёт в Самарской области.

* * *

Летит снежинок взвесь на вымерзшую осень,
На отошавший лес, на крыши и мосты.
Качает ветер век, минуты бьются оземь,
Но я не слышу мир, в душе тоска и стынь...
Так хочется порой порвать в порыве невод
Бездушия и зла, захлопнуть к свету дверь!
Летит ли с неба снег, а может, снег на небо,
Какой сегодня век, какая круговерть?
И, посмотрев назад, на жизненные стены,
На то, как сплю на дне – никчёмная душа,
Окликнуть небеса, соединиться с тенью,
Ведь стало нечем мне и незачем дышать.
Аутистично ночь застыла за окошком.
Не ведает мой Бог, как шаток мой шесток...
Но закипает свет, и месяц прячет рожки,
И обещает день: всё будет хорошо!

* * *

Когда мой мир, как лист бумаги, скомкан,
И душу рвёт кинжальный ветер дней,
И скудость ждёт отточенным осколком
На алчушем паденья жертвы дне,
Так хочется повеситься, как месяц,
Задраить люк души, завывать, как бес,
Скатившись вниз по гулким ребрам лестниц,
Упасть в ладони жаждущих небес,
Забыть все рамки, правила, законы,
Долги, пароли, мерки, этикет,
Сбежать из мира клеток и вагонов,
Машин, неона, пластика, ракет,
И кануть в непролазной, тихой чаше,
Где бродит по деревьям лунный кот,
И выгореть, как август уходящий,
И сдаться в плен всем армиям невзгод...
Когда ж душа надломленно умолкнет,
В бессилье крикну вновь себе: «Дыши!..»
И еду в Глушь, соломенной иголкой
Сшивать дыру надорванной души.

* * *

Сирых дней серый лёд
И дорога без права на выбор.
Это время пройдёт –
Не спеши из реальности выбить.
На небесном ноже
Звёздный свет – срезал месяц надежду.
Не печалься, в душе
Будет тихо и сухо, как прежде.
Будет в звонкую трель
Свет черёмух дробиться по стёклам.
И светлыню апрель
Озарит замутненные окна.
К небесам дерева
И печали причалят средь ночи.
Не споткнутся слова,
Здесь не точка в конце – многоточье...

* * *

Лови меня, а хочешь – не лови...
Неуловима я, как дождь капризный.
Вся соль степей живёт в моей крови,
И на губах моих вся горечь жизни.
Ещё лечу шальным ветрам вослед
И ошушаю листьев тихий лепет,
И слышу, как на чёрный белый свет
С немых небес слетает снега пепел.
И пусть порой в лицо сечёт ветла,
Стихи в тиши теряют звук и голос,
Меня уже не выбить из седла –
От стыни крепну, словно волчий волос!

* * *

В глазах раскосых – тьма степей
И небо – под ногами.
Зачем, не знаю, хоть убей,
Я говорю стихами.
В степной глуши средь ив, осин
Живу почти убого.
Зато всё близко – звёзды, синь,
Рукой подать до Бога.
Когда темно в краю раки,т
Стихами тихо плачу...
О, если б знать, с какой строки
Свернуть на лист удачи!

* * *

Последние деньки тепла на дне,
Крылами ледяными машет ветер.
Ноябрь гасит свет на белом свете,
Мокра морока, моросит в окне.
А скоро дождь иссохнет на корню,
Начнёт расти декабрь снежным комом,
Седая степь впадёт от стужи в кому,
Тоска расширит в окнах полынью.
В такую пору душу греет плед,
Горячий чай и печки тёплой нега.
Врачует в окнах анемию снега
Рябины кровь и розовый рассвет.
Прижгу стихами, словно рану – йод,
Полынь тоски и полынью тревоги.
Все проходимы снежные дороги...
Нам лишнего Всевышний не даёт.

* * *

Степь, как тоска, бесконечна,
Полнится даль синевою.
Мне бы уйти в эту вечность,
Стать неприметной травой.
Небо седое гранитно,
Стало холодным, как сталь.
Впору б собакой завывать мне –
Так вдруг настигнет печаль...
Как за окном за вечерит,
Вдаль убегу, за дворы.
Светлым мелком снег очертит
Контур моей конуры.

Михаил СПИВАК

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Рассказ

Заводской сварщик Стычкин новые порядки в стране не любил. До пенсии ему оставалось лет шесть или семь, но будущее виделось тревожным и весьма туманным. То ли дело раньше, до перестройки – красота! Жизнь пролетариата, да и технической интеллигенции, тогда была расписана от рождения до самой смерти. Пришёл молодой специалист на предприятие – начались трудовые будни.

План даёшь... первые благодарности... обмыть... первомайская демонстрация... отправка на картошку... очередь на квартиру... субботник... перевыполнение плана... победитель соцсоревнования... премия... обмыть... долгожданная квартира... проставиться... доска почёта... ударник коммунистического труда... санаторий... радикулит... президиум... дорогие товарищи... остеопороз... пенсия... оркестр.

Но главное, оплата труда тогда была выстроена социально справедливо. Кто болванки под снаряды на токарном станке точит, кто трубы приваривает – пролетариат. Будь любезен, выложи гегемону соответствующую зарплату, плюс премии и надбавки. А интеллигенция... Даже не так – гнилая интеллигенция, тьфу! Руки белые, костюмы чистые, кляксы какие-то на ватмане рисуют, с хронометром туда-сюда бегают и завышенные нормы труда гегемону устанавливают. Этим чистоплюям давать и половины от пролетарской зарплаты жалко.

– Вот вы все с третьего этажа смеётесь, а раньше порядок был, – с ностальгией в голосе упрекнул Стычкин технолога Петьку Петровича, как его пренебрежительно называли за юный возраст. – Оклады тогда по справедливости назначали.

– Где же справедливость? – удивился Петька, отправленный начальником в цех с каким-то мелким поручением. – Инженер пять лет в институте учился, высшее образование получал...

– Вот пусть и подавится своим образованием! – зло перебил его Стычкин. – Кто работу делает: я или он?

– А кто тебе деталь начертил, кто техпроцесс написал и нормирование? – взъелся задетый за живое технолог.

– Техпроцесс! Да за этот техпроцесс и за нормы невыполнимые я бы вашего брата в железные короба заварил. Каждого – в отдельный, чтобы от людей изолировать. Вы Гришу спросите... Гриша! Григорий Иванович, на минуточку!

Михаил СПИВАК. Писатель, публицист, член Союза журналистов России. Главный редактор газеты «Перекрёсток Виннипег», соучредитель издательства «Litsvet», заместитель гл. редактора литературного журнала «Новый Свет», лауреат нескольких литературных премий. Живет в Канаде. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

– Ну чего? – огрызнулся хмурый токарь в массивных очках с треснутой дужкой. Он появился перед спорщиками, вытирая ладони о грубый кусок промасленной ткани.

– К тебе вчера нормировщица приходила из отдела главного технолога?

Стены завода сотрясались от громовых проклятий и нецензурной брани. Токарь бесновался, будто прорвало плотину. Всегда молчаливый Григорий Иванович вдруг разразился небывалым красноречием. Излив гнев, он стал жаловаться членораздельнее:

– Встала курва за спиной с секундомером и клацает кнопкой, клацает, будто иглой мозги протыкает! Невозможно работать, когда тебе в затылок дышат. Прицепилась ко мне, как банный лист к заднице: «Почему ты тут дважды этим резцом прошёлся, а не тем – один раз». Ну не скотина ли?!

– Как пить дать! Будто человек – машина, способен вкалывать без остановки, без отдыха! – поддержал сварщик. – Эти там, наверху, развалились в креслах, отдыхают, потягиваются.

Оба работника посмотрели на молодого технолога. В глазах у них читался немой вопрос: «Выкусил?» Петька Петрович расхохотался в ответ:

– Глупости говорите.

– Ну-ка, ну-ка, послушаем умника! – Стычкин принял позу сторожевого пса.

– Рыночная экономика на дворе, если вы ещё не заметили. Это в Союзе можно было любые нормы ставить. Всё государственное, плановое, чего волноваться? А сейчас, если занижить нормы выработки, то себестоимость продукта увеличится. Значит, цена на него тоже поднимется. Никто у нас ничего не купит, и уйдут заказчики к нашим конкурентам. Вам зарплату не выплатят – сами же орать начнёте.

Токарь Иванович скомкал тряпку.

– Вот так живёшь всю жизнь, сединами обрастаешь, а потом придёт такой из института и тычет тебя мордой, как мальчишку. Одно я знаю: грабит нас руководство!

– Не без этого... – согласился технолог.

Оба пролетария в один голос закричали:

– Ага, то-то!

Стычкин добавил, обращаясь к Иванычу:

– Помнишь Вальдемара, что в Германию укатил? Он рассказывал, как там рабочие живут. У каждого имеется свой дом и машина. На заводах в перерыве рабочие могут культурно отдохнуть, в теннис поиграть. Я тоже хочу, чтобы мне тут теннисный стол поставили и автоматы игровые, – распалялся Стычкин.

– Может, тебе ещё диван с девками поставить? – ехидно парировал Петька Петрович.

Сварщик не слушал, он оседлал своего любимого конька – теорию заговора.

– Все наши беды от руководства. Сплошные там... – он напряженно задумался, посмотрел по сторонам и выдал политкорректное: семиты.

Петька Петрович отвратительно захихикал.

– Ты только не говори главному инженеру Бойко Михайлу Тарасовичу, а то он сильно обидится. Да и директор Саблин не поймёт.

– Поймёт... не поймёт... Правда в том, что мы вкалываем, а они воруют!

Петька Петрович спорить не стал, только напомнил трудягам:

– Мужики, вы ведь тоже приворовываете, – сварщик и токарь выпучили глаза, а технолог продолжал: – Кто на заводских станках свои частные шабашки клепают? А кто использует заводские материалы и инструменты?

Горькие слова. Понятие «частное» работяги не воспринимали, не улавливали. У советских трудяг прочно въелось понятие «государственное» – оно же «общественное». А коли общественное, то бери и пользуйся себе на благо! Иваныч обиделся.

– То мы, а то они! Если я леваком наштабашил копейку, то никому от этого не хуже. Вот на третьем этаже бездельничают и труд наш эксплуатируют. Разогнать их всех к чёртовой матери!

Петька Петрович, как иллюзионист, шелкнул пальцами.

– Ты действительно считаешь, что если убрать с завода всех инженеров, бухгалтеров, конструкторов и технологов, отдел снабжения и сбыта и оставить только тебя рядом с твоим станком, то ты сможешь самостоятельно производить и сбывать продукцию?

– Ну... – задумался Иваныч, – сбыт и снабжение пусть остаются.

– А изделия нужно начертить или ты сам будешь их рисовать? Фломастером на картонной коробке.

– Чёрт с ними, пусть конструкторы остаются! – нехотя сдавал позиции непримиримый токарь.

– Оставляем. А техпроцесс тебе нужен? Какой металл использовать, заготовки, резцы, инструменты, на каких станках резать, последовательность операций...

– Уговорил, пусть технологи тоже остаются, но без своих идиотских норм выработки.

– Совсем без норм не только тебе, но и всем остальным? – преехиднейшим тоном спросил Петька Петрович. Оба пролетария понуро молчали. – Чудесно! Ты будешь теперь тратить вместо пятнадцати минут на операцию – неделю. И Стычкин сделает то же самое. И все остальные. Сколько завод продукции выпустит к концу месяца? Из произведённой и проданной продукции будет прибыль, с которой зарплату выплатят... или не выплатят.

– И чего ты так защищаешь наше руководство? Может, они тебе доплачивают? – недобро сощурил глаза Стычкин. – Может, зарплата нравится?

– Ага, доплачивают: Саблин лично несёт конверт и умоляет принять. А что касается зарплаты, так, если я найду лучшие условия, – уволюсь. Я тут никому не обязан.

– Гриш, ты слышал, он тут никому не обязан! – стукнул ладонью по пыльному столу сварщик. – А я, между прочим, на мехзаводе семнадцать лет проработал и не бегал, не искал лучших условий. Вот она, нынешняя молодежь! Условия им подавай. Зажрались! Тут всё на нас, стариках, держится. Потому что работаем мы за копейки и не бегаем туда-сюда! Одно обидно: платят нам несправедливо мало, а бездельникам с третьего этажа – несправедливо много.

– М-да... – разочарованно развёл руками Петька Петрович. – Вот у меня описание техпроцесса, который для вас подготовили на третьем этаже. Я его сейчас унесу, и посмотрим, что вы тут наизготавливаете. Бесят тебя люди с высшим образованием? А нас, между прочим, учили на любую проблему шире смотреть...

Стычкин махнул рукой, испытывая потребность скорее закончить разговор.

– Темнота. Из-за таких вот умников мы не живем, как в Германии.

– К чертям буржуев! – сказал, как отрезал, токарь Иваныч. – Верните мне триста рублей в месяц, а у инженеров чтоб было по сто двадцать. Тогда я снова буду доволен, тогда наступит справедливость!

– Социальная справедливость! – деловито добавил Стычкин.

Алишер НАВОИ

(1441–1501)

Не дервиш и не шах

Что же делать мне?

Не жалеют слов смолы для меня враги.
 Что же делать мне?
 Чтоб любовь не верила в эти лжи шаги,
 Что же делать мне?
 Не метнул в обидчиков ни одной строки.
 Этим и обижены на меня враги!
 И от их проклятий – хоть куда беги!
 Что же делать мне?
 Можно исцелиться ли из любви реки?
 Можно! Только воду в ней чистой сбереги!
 Погибаю! Мути яда я хлебнул. Не лги!
 Что же делать мне?
 Красота? Любовь? Народ обуян другим.
 Людям не нужны газели – им бы пироги!
 Тело тешут, а не душу. Бог им помоги!
 Что же делать мне?
 Бросить и забыть навек край родных могил,
 И сбежать в края зимы, снега и пурги?
 Где же он, надежды свет средь крошечной зги?
 Что же делать мне?

Притча о шахматах

Я был рождён в Герате на заре,
Чтоб научиться шахматной игре.
Чтоб чёрно-белых клеток череда
Вела меня к победам сквозь года.
Я постигал за костяной доской
Науку жизни, право, день-деньской.
Была она обманчиво легка:
К сраженью приготовились войска,
Где во главе султан иль падишах
На боевых неистовых слонах.
Ферзи-везири подле тех владык
И конница у башен крепостных.
И замер перед битвою-игрой
Отчаянной пехоты тесный строй.
Конечно, будет первой эта рать
Безропотно на поле умирать.
Мы хитроумие своё пускаем в ход:
Атака, оборона и отход –
Ловушек в них раскидываем сеть –
Конечно, в ней врагу не уцелеть!
А чтоб легко захлопнулся капкан,
Мы на любой решаемся обман.
Кто в ложных жертвах больше преуспел,
Тот выиграл – таков царей удел!
Любой ценой противника разгром!
А убыль войска? Снова соберём!
Не так ли в поле жизни, где султан –
Везде и всюду – господин Обман?
Ему мы служим. А какой в том прок,
Когда один в конце концов итог?
И битвы, и героев в тлен и прах
Всемиловитый превратит Аллах!
Жизнь – только миг за шахматным столом,
Где смерть с тобой садится игроком,
Где наперёд известен результат:
Как ни хитри, получишь шах и мат.
У вечности в мешке, увы, внутри
Все вперемешку: пешки и цари.
Так стоило ль рождаться на заре,
Чтоб научиться шахматной игре?
О жизнь, зачем премудрости твои
Постиг в конце концов я – Навои?
На все вопросы есть один ответ:
Коль нёс по жизни ты добро и свет,
На счастье людям из того мешка
Засветится в ночи твоя строка
И робко озарит кому-нибудь
Не шахматный, а настоящий путь.
А значит, объявить и шах, и мат
Судьбе своей сумел я, о Герат!

Не дервиш и не шах

Для нишего одежды краше нет,
Чем тот халат, в который он одет.
Сними рваньё! Дарю тебе обнову!
Не слушает он добрый мой совет!

Он не заснёт на ложе из перин –
Засаленных лохмотьев господин.
Предложат – даже царские палаты
Отвергнет он как будто без причин!

Как без причин? Владеет миром шах,
А дервишу весь мир, спаси Аллах,
Не нужен! Он готов его отринуть!
Он шаху – враг и в мыслях, и в делах!

Вот посадите дервиша на власть –
Нет лучшего ль способа пропасть
Для вольного ума и для свободы?
Останется от них хотя бы часть?

Для дервиша богатство – ничего!
А счастье – в отречение от него!
Возносит он Всевышнему молитвы
За участи подобной торжество!

У шаха войско – нет ему числа –
Оборонит от вражеского зла!
Но, если б застал от горя дервиш,
И армия бы шаха не спасла!

У дервиша один высокий путь –
Чтоб праведником стать когда-нибудь.
И заодно правителю при этом
Он озарять способен власти суть!

Властитель не оставит суету,
Но будет жить как будто на свету!
Стать дервишем, забыв про сан высокий,
Он сохранит заветную мечту!

Ещё никто на свете из владык
Такой мечты пока что не достиг.
Но из души, мечтающей об этом,
Струится справедливости родник!

Достойного вознаградит Аллах!
– Ты – дервиш! – о себе услышит шах.
А в дервише величественность шаха
Увидят люди добрые в веках!

Без воли Милосердного Творца
Прозревшим ты не сделаешь слепца.
И шах, и дервиш – все в руках Аллаха!
Они ему лишь служат до конца!

Султан и нищий – спутники мои.
А я – не шах, не дервиш – Навои!
Пока зовусь в народе Мелодичным,
Я буду петь мелодию любви!

Из книги «Назм ул-жавохир» («Жемчужные строки») *

Кто обладает Верой, только тот
Ту Веру людям в Слове принесёт!
Чем выше Вера, тем прочней оплот
Души, в которой истина живёт!

За батюшку ты жизни не жалея.
Как раб, будь верен матушке своей.
Родители – твоих богатство дней!
Храни его – нет истины верней!

Всевышнему молиться – твой удел.
Но счастье на земле – от добрых дел.
Кто дней своих на них не пожалел,
Тому Аллах раздвинет их предел!

Ты, подавая нищему закят,
Будь щедрости своей безмерно рад!
К тебе вернётся больше во сто крат
Богатством благодарности назад!

Подобострастие во дни удач вокруг
Не принимал ли ты за признак дружбы вдруг?
Кто верен был тебе во тьме житейских выюг –
Лишь только тот – твой настоящий друг!

Живёшь в достатке? Лишнего не надо!
Воспитанность – вот лучшая награда!
Не золото твоей душе отрада,
А добродетель, что с надеждой рядом!

Пойми, терпенье – это крепкий дом.
Пойми, терпенье – это бой со злом.
Пойми, терпенье – память о былом.
Пойми, терпенье – в нём победы гром!

Не отданные вовремя долги –
Вот главные для совести враги!
Ты Небесам, пожалуйста, не лги –
Себе ты должен больше, чем другим!

Когда стучат в душе порой сердито
Вражды и злобы страшные копыта,
То милосердие – лучшая защита,
Которой вражье войско будет бито!

В богатстве счастье? Нет, конечно, нет!
Будь к Небу благодарностью согрет!
За всё, чем наделяет белый свет,
Быть благодарным – выше счастья нет!

Мы честностью гордимся, как обновой,
И в клятвах землю целовать готовы.
Ужасны лицемерия оковы –
Мы за ошибки убиваем словом!

* Построчный перевод Д. Азимовой и А. Каюмова.

Из сорока четверостиший «Арбаин кирк хадис»

* * *

Судьба щедра бывает на улыбки
Тем, кто от самой колыбели-зыбки
Использует как добрую науку,
Чужие заблужденья и ошибки.

* * *

Не повторяйте вслух чужих речей,
Бездумным эхом речку иль ручей.
Услышанное может стать грехами,
Когда болтлив у Слова казначей.

* * *

Ветшает всё, что юным было прежде:
Плоть человека и его одежда.
Не старятся по милости Творца
Лишь скупость человека и надежды.

Жизнь человека – вечная борьба
Со злым проклятьем – участью раба.
Но рабство деньгам горше, чем ошейник.
Не прокляни динарами, судьба!

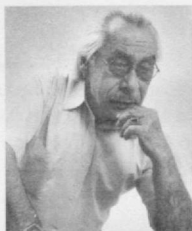
* * *

В час урочный придёт за всеми,
Неизбежно за всеми нами
Разрушительница наслаждений,
Разлучительница собраний.
Не перечу я, многогрешный.
Да воздаст мне Аллах за гробом!
Знаю, многое Бог прощает.
Для предательства нет оправданий.

Перевод с узбекского Юрия ЩЕРБАКОВА.

Юрий ШЕРБАКОВ. Член СП России. Руководитель Астраханского регионального отделения СП России. Автор сорока шести книг публицистики, прозы, стихотворений, переводов. Лауреат первого международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак торна» и множества всероссийских литературных премий.

ТРИ ЧАЙНЫЕ РОЗЫ...

Рассказ

НАРИМАН ИСКАНДАРОВ

*«Мир большой – дом родной,
но роднее всего то место, где
прошло твоё детство...»*

Расул Гамзатов

Мне уже немало лет, поэтому вполне понятно, почему многие картины детства стёрлись из памяти. Но есть такие эпизоды из той чудесной поры, которые заставляют и ныне умиляться до слёз. Взять хотя бы этот: мне около шести лет, заигравшись с соседскими мальчишками в «войнушку», не заметил, как настало время обедать...

И сейчас, сквозь многие годы, я ясно слышу мамин молодой звонкий голос: «Сынок, иди домой, будем кушать!..» Как тут не вспомнить близкие мне до боли строки прекрасного ташкентского поэта Александра Файнберга: *«Кого благодарить / за радость и за боль, / Что жив ещё во мне / тот дворик голубой?.. / ... Там вечная весна, / то время на приколе, / Балкон и синева... / И мама на балконе...»*

Мама воспитала меня одна, детство моё выпало на нелёгкий послевоенный период. А в Намангане мы оказались по той причине, что после окончания Ферганского пединститута маму распределили на работу именно в этот, в ту пору небольшой, городок. Поначалу нам пришлось ютиться в перенаселённых коммуналах либо снимать уголки у предприимчивых частников. И неудивительно, что верхом счастья для нас стало получение ордера на вселение в двухкомнатную квартиру в одном из двух первых построенных в городе двухэтажных домов. Я и поныне живу в нём, потому что с годами он стал для меня родным, с ним связаны самые дорогие воспоминания.

Мама чуть ли не до последних дней своей жизни работала в соседней школе. Когда я был маленьким и бабушка не могла прийти к нам, чтобы посидеть с внуком, она вынуждена была брать меня с собой на работу. Пока мама вела занятия, я сидел у неё на уроках или гулял в школьном дворе.

Однажды, увидев на земле провода, решил поиграть с ними, как с прыгалками. Когда нагнулся и взял их в руки, меня затрясло, а дальше уже ничего не помнил... Придя в себя на диване в учительской, увидел над собой плачущую маму, мужчину в военной форме и врача скорой помощи. Как потом узнал: провода те были электрические и под напряжением, а лежали на земле, потому что их оборвало со столба ночью ураганом. К моему счастью, в это время мимо школы проходил офицер. Он не мешкая перепрыгнул через деревянный штакетник и вырвал из моих рук те злосчастные провода. Помню, как через два дня нас

Нариман ИСКАНДАРОВ. Родился в 1945 г. Окончил историко-филологический факультет Калининского госпединститута (ныне Тверской государственный Верхневолжский университет). Автор повестей и рассказов. Член Союза журналистов Узбекистана.

с мамой пригласили в воинскую часть, где служил тот офицер. Командир части за моё спасение объявил ему перед строем благодарность, а мама вручила букет роз и подарок. Потом он неоднократно приходил к нам проведать меня. Тогда я впервые задумался о будущей профессии и решил стать военным...

Наш дом находится напротив городского парка. Мы, ребята, сделав самодельные удочки, повадились ловить там в озере пескарей. Всё было бы хорошо, если бы один из сторожей, как сейчас помню его имя – Абдулла-ота, не выгонял нас из парка. Однако его старания были тщетными, потому что у каждого из нас на берегу озера были свои укромные места, где, спрятавшись за кустиками, мы всё-таки умудрялись наловить рыбёшек на радость дворовым кошкам. А вот другой сторож, Кадырхон-ота, был добрым: он не то что не преследовал нас, но даже показывал места, где клёв активнее, и делился своими секретами приготовления наживки.

Парк нас манил к себе и своим единственным в те годы аттракционом – каруселью. Его хозяин, Турахон-ака, был человеком щедрой души, он разрешал нам покружиться на карусели бесплатно, только с условием, что приводить ее в движение будем своими силами. Дело в том, что в те времена у нас на каруселях ещё не было электрических движков, и они приводились в действие вручную, то есть людьми, находящимися на помосте под куполом: они толкали перекладки, к которым были подвешены «лошадки», «олени» и т. д., вращая аттракцион. Мы с радостью соглашались и поочерёдно катали друг друга...

Напротив нашего дома располагалась топографическая воинская часть. Мы часто ватагой собирались у её ворот и заглядывали в щель между створками, наблюдая, как солдаты занимаются строевой подготовкой и плавают в большом плавательном бассейне. Однажды за этим занятием нас застукал дежурный офицер.

– А ну-ка, малышня, что вы тут делаете? – строго спросил он.

Пойманным на месте «преступления» ничего не оставалось, как сказать правду.

– Смотрим, как солдаты купаются, – ответили мы.

Вдруг взгляд капитана потеплел.

– Что, вам тоже хочется? – улыбнулся он.

– Очень! – радостно закричали мы хором.

Офицер чуть подумал, а потом дал постовому указание открыть ворота. Боясь, что нас могут арестовать, мы, готовые дать дёру, на всякий случай отступили на несколько шагов. Но произошло неожиданное. Как только ворота растворились настежь, капитан неожиданно скомандовал:

– Марш в бассейн! На купание вам даю пятнадцать минут! Кто не успеет, я не виноват!

Мы с визгом устремились к воде, на ходу срывая с себя одежду...

С того дня во время дежурства этого доброго капитана мы получали доступ к бассейну. Этому очень завидовала детвора из соседних дворов, ведь в городе в то время бассейнов было раз-два и обчёлся...

Чётко зафиксировалось в моей памяти и 5-ое марта 1953 года. Опять маме пришлось взять меня с собой на работу. «Проинспектировав» пару её уроков, я отпросился на улицу. Там на спортивной площадке старшеклассники разделились на две команды и затеяли матч по волейболу. Я сел на скамейку и стал болеть за одну из команд. Игра уже подходила к концу, когда со стороны промышленной части города, которую тогда называли «рабочий городок», вдруг донёсся протяжный гудок труб хлопкового и консервного заводов. Игра оборвалась, учитель физкультуры прервал урок и спешно вбежал в здание школы. В этих гудках даже я своим детским умишком уловил что-то тревожное. Когда вошёл в класс, застал маму и учеников в слезах. Вскоре с глубокой печалью на лице вошёл директор школы, он принёс портрет человека в военной форме. Мама со старшеклассниками стали

обрамлять его чёрной траурной лентой. «Это Иосиф Виссарионович Сталин. Сегодня перестало биться сердце нашего великого вождя...» – объяснила мне она. Я поглядел своей маленькой ладошкой лицо на портрете, и мне стало очень жалко этого человека... О его страшной роли в истории, его вине в гибели многих людей в годы массовых репрессий и коллективизации мы узнали много позже...

В том году я пошёл в школу, в ту самую, в которой учительствовала мама. Чтобы не подводить её, старался учиться хорошо. И надо же было случиться, что уже в начальной школе я пережил большую любовь.

В город приехал латвийский цирк, вместе с ним в нашем четвёртом классе появилась дочь воздушных гимнастов из этого цирка. Как раз в это время мой сосед по парте отдыхал в «Артеке», и учительница посадила на его место эту светловолосую, голубоглазую девочку. Я хотел было воспротивиться, но Нина, так звали девочку, выразительно посмотрела на меня, и слова застряли у меня в горле. Чуть позже я признался сам себе, что в душе я вообще-то не очень был против её соседства. В этот день после уроков новенькая тихим голоском спросила у меня, как можно короче пройти до гостиницы, в которой они поселились. Я тут же вызвался показать ей дорогу. Скромно опустив глаза, она не отказалась. Решив до конца быть джентльменом, я взялся нести её сумку. Шли молча. Проходя через парк, заметил, как Нина восхищенно смотрела на клумбы с розами. Когда подошли к гостинице, она взяла сумку и, почти прошептав «Спасибо!», быстро скрылась за массивной дверью.

Утром я пришел в класс раньше всех, положил на Нинину половину букетик из трёх алых роз и выбежал во двор. Вернулся только со звонком. Она сидела на своём месте, нежно прижимая цветы к груди. Увидев меня, Нина зарделась и почти беззвучно прошептала: «Большое спасибо!»

Теперь утром я вставал пораньше, чтобы встретить её у гостиницы и вместе прийти в школу. Однажды один второклассник начал дразнить нас: «Тили-тили тесто, жених и невеста!..» Знаете, я на него совсем не обиделся, мне даже приятно было это слышать...

Месяц гастролей цирка завершился. Нина уехала. Вернулся из «Артека» сосед по парте и занял своё место. А я долго не мог забыть свою юную рижанку...

Прошло немало лет. В горкоме профсоюзов мне предложили путёвку на круиз по Волге – от Москвы до Волгограда и обратно. Разве мог я отказаться от путешествия таким необычным способом? Едва теплоход отчалил от Северного речного вокзала российской столицы, все туристы высыпали на палубу, чтобы полюбоваться чудесной природой Подмосковья. Недалеко от себя на корме я увидел красивую белокурую голубоглазую женщину. Что-то очень знакомое было в чертах ее лица. «Где же я видел её раньше?» – подумал я и оторопел от догадки. Женщина тоже некоторое время не отводила от меня взгляда. Но вот она решительно встала и, оказавшись лицом к лицу со мной, сказала: «Здравствуй, мой дорогой юный ухаждёр из Намангана!» Я не ошибся: это была Нина, та юная циркачка из Риги...

Через два дня «Валерий Чкалов» пришвартовался в Костроме и нам объявили, что в нашем распоряжении три часа на прогулку по древнему городу. На теплоход я вернулся с тремя розочками. Когда вручал их Нине, она мило улыбнулась и сказала:

– Спасибо! Знаешь, а те первые три розочки я до сих пор храню...

По натуре своей я романтик. Поэтому во время призыва в армию напросился в Эстонию, учился в России, в отпускное время побывал во многих городах Северного Кавказа и Прибалтики, видел Балтийское, Чёрное и Азовское моря. Работая собкором по Ферганской долине в республиканской газете, с радостью соглашался на командировки в самые дальние кишлаки...

Но, где бы ни был, мне всегда грезились три светящихся окна родного дома, где прошло моё детство!

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЧИСТИЛИЩЕ...

Анастасия ПРЯДКИНА

В продолжение дискуссии, посвященной премьерному спектаклю в театре «Ильхом» «Симфония. Ну что... начнем?», опубликованной в «Звезда Востока»: № 1, 2019 год.

Что нас ждёт там, за чертой? Записывает ли небесная канцелярия все наши поступки, а точнее сказать – проступки? Попыткой переступить за черту, заглянуть за занавес ознаменована премьера спектакля «Симфония. Ну что... начнем?» нового театрального сезона в «Ильхоме». 8 сентября 2018 года театр открыл свой 43 театральный сезон очередным проектом Лаборатории Артема Кима и снова с полным аншлагом... Так чем же порадовал зрителя новый спектакль?..

Это мультижанровая, полифоническая история. Как нельзя лучше, на мой взгляд, характеризует эту работу определение «спектакль-аттракцион»: немного страшно, но в целом весело. Спектакль музыкальный, что понятно уже из самого названия, и подчеркнуто театральный [на входе зрителям (небывалый случай!) предлагают арендовать бинокли (в совсем небольшом зале...)]: висит красный бархатный занавес, чего в театре «Ильхом» никогда не было. К тому же все явно напоминает цирк: актриса-акробатка Джема Фаградян исполняет трюки на полотнах, из цилиндра появляются голуби, а играют актеры так, что искры летят и в глазах двоится. Впрочем, происходящее похоже и на концерт в консерватории: выступает хор «профессиональных» вокалистов, собран целый оркестр – труба, кларнет, гобой, флейта, туба. А еще все происходящее напоминает комнату страха, в которой вас поджидает множество злобных «бабаек». В целом все это – «Симфония...» – ироничный хоррор в «четырех действиях», в котором то ли у героя пьесы, то ли у актера Глеба Голендера пытаются выпытать первый грех, тот самый, с которого и начинается распад личности.

Глеб Голендер – актер первого поколения Ильхома, однокурсник Бориса Гафурова – после многих лет скитаний вернулся в alma mater и впервые за

Анастасия ПРЯДКИНА. Родилась в 1986 г. в Ташкенте. Окончила факультет журналистики НУУз и VIII студию театра «Ильхом». Актриса и зав. литературной частью театра. Сотрудничает с интернет-порталом RedPen.uz и еженедельником «На Досуге».

долгие 20 лет вышел на сцену театра 25 января 2018 года, в День рождения Марка Вайля. Именно он – главное действующее лицо громогласной премьеры в дуэте с Борисом Гафуровым. Он же сорежиссер, художник, сценограф и соавтор инсценировки. Кстати, у этого Лабораторного проекта сразу четыре режиссера-постановщика: Борис Гафуров, Глеб Голендер, Анвар Абдуллаев и Артем Ким. И четыре же зрителя зала – капельдинера-портые – новое поколение и светлое будущее театра, молодые актеры – выпускники 10 студии, «пристегивающие ремни» и отправляющие зрителя в полуторачасовое путешествие в «чистилище».

«Симфония...» – спектакль, в котором задействовано более 20 человек, но при этом это спектакль на двоих. В пьесе современного украинского драматурга Виктора Понизова два главных персонажа ПЛОХОЙ и ХОРОШИЙ (причем, при прочтении пьесы понимаешь, что хорошим можно назвать плохого и наоборот, и ничего не изменится, потому что хороших и плохих здесь нет). В ильхомовском прочтении главные действующие лица (персонажи Бориса Гафурова и Глеба Голендера) в какой-то момент своего существования начинают говорить о себе, о своей жизни, переходя на абсолютно человеческий, а вовсе не сценический шепот, вспоминают о своем детстве, о спектаклях, когда-то сыгранных вместе, пробуют осознать свершенное, просто по-человечески раскаяться или пробуют это сыграть. Что из того, что звучит со сцены «исповедь актера», что проникнуться текстом пьесы сложно, и оттого и чувство эмпатии притупляется, зритель ни на секунду не забывает: это комната страха и все «понарошку». Многочисленные сценические эффекты: яркие вспышки света, «сухая» вода, неожиданные взрывы музыки – всячески способствуют этому ощущению.

По правде, по-настоящему, а не «понарошку» только то, что ТАМ абсолютно все нами содеянное учитывается, оценивается, и мы несем ответственность за каждый свой, казалось бы, незначительный поступок, который, подчиняясь всем известному «эффекту бабочки», может повлечь за собой ужасные последствия. И поэтому так важно задуматься и раскаяться и тому, кто на сцене, и тому, кто в зрительном зале. А кто первый раскаялся, тому и небесные врата открыты, ну хотя это как повезет, гарантий ТАМ никто не выдает, главное, не пытайтесь никого обмануть – билеты «в рай» могут оказаться такими же фальшивыми, как и наше раскаяние. Поэтому будьте предельно искренни, хотя бы сами с собой...

Жизнь – метафора Бога

Павел ШУФ

Предварительные ласки

Только былям подотчётен,
Обожаю ваши сказки –
Предварительные ласки
Окончательных пощечин.

Доташил я до Аляски –
В край депрессий и апатий –
Предварительные дразги
Окончательных объятий.

Не Рембрандт...
Не люб для Саский, –
Их с иных колен сметали
Предварительные тряски
Окончательных баталий...

В сейфы книг упрятав годы,
Для холстов утюжил краски:
Предварительные связки
Окончательной свободы.

...Мчат в рагу былого зайцы:
Их Мазаи дали течи –
В предварительные ЗАГСы
Окончательных Отецеств.

Из былого пучат глазки
Непреложные улики –
Предварительные маски
Окончательно безликих.

Эй, Бухгалтер!.. Что осталось?
Как легла цифири карта:
Предварительная ль старость
Окончательного старта?

Предварительные ль хляби
Окончательной пустыни?
Предварительные ль б...и
Окончательной святыни?..

Павел ШУФ. Родился в 1947 г. в Янгиюле. Окончил факультет русской филологии ТашГУ (ныне НУУз). Работал в газете «Пионер Востока», издательстве «Ёш гвардия». Член СП и Союза журналистов Узбекистана. Публиковался в периодических изданиях Узбекистана и США. Автор книг для детей и юношества, сборников афоризмов, эпиграмм, притч, бурлесков. Член Международного ПЕН-клуба, Академии американских поэтов, Клуба русских писателей при Колумбийском университете США. Живет в США.

Случай сеньора Банденелли

*Пригласив некоего Пьетро Банденелли в качестве натурищика,
чтобы писать с него Иуду Искариота для «Тайной вечери»,
Леонардо да Винчи вдруг услышал:
«Мастро, не узнаете? Однажды вы уже писали
с меня Иисуса Христа...»*

Бесплодны над высохшей речкой мосты –
Как книги неизданной строфы.
...А может, мы – только немые кресты,
Сбежавшие с кручи Голгофы?
Бабенку сочнее, скромнее кус
Да радости тусклого блуда...

На мне и во мне ль – распинаем Иисус
И жив информатор Иуда?

Лежу... Размышляю о жгучем.
О том,
Чем Ева обязана Гаду:
Улегся Иуда ль к Иисусу вальтом?
Что Каину – Авеля стадо?

И в час, когда Бог,
Не замолвив словцо,
Столкнет в невода миллиарда, –
Чье тело?..
чью душу?..
какое лицо
Во мне разглядит Леонардо?

Иуды... Пилаты... Рабы суеты...
Царя среди хижин и скиний,
Радушно они распинают кресты
На взмывшем в бессмертие Сыне.

Катрены

Мне настроенье изменило,
И вмиг сюжет – на кромке кона...
Добро и зло берут чернила,
Увы, из одного флакона.

Век-марафонец вдаль бежит,
И вновь, не исчерпав лимита,
Уйти стремится Вечный Жид –
От вечного Антисемита.

* * *

Простой закон Создателя
Сметливый уяснит:
Простившему предателя
Предатель не простит.

* * *

Устало к берегу гребу,
Ищу разгадку кода –
Той, что войдет в мою судьбу,
Сняв сапоги у входа.

* * *

Кошерность... Гуманность...
Но помнят века:
Вегетарианец
Убил мясника.

* * *

...А верность измерить бы надо
(Науку на помощь зови!)
Периодом полураспада
Твоей негасимой любви.

* * *

Я ль сел на нее,
на меня ль села мель?...
А музы – в суетах служенья...
Я в зеркало глянул –
И вмиг на дуэль
Меня позвало отраженье.

* * *

О, вы напрасно мир смешили
Нелепостью бездарных лет.
Покайтесь, если согрешили,
И сожалейте, если – нет.

* * *

Мне б – помимо книжек изданных, –
Отхватить в небесных маннах
Полное собрание избранных,
Избранное – званых...

* * *

Взвод ваших чар готов немедля к бою,
Но не к сраженью тянется душа:
О да, мадам, вы хороши собою,
Но где же та, что... мною хороша?

* * *

Душа алкает – где-то в глубине –
Не одного лишь совершенства плоти...
Пожалуйста, богиня, лгите мне,
Когда порою – откровенно врете!

* * *

Когда стило до бритвы обтесал,
Постигни главное, добравшись до седин:
Пускай тебя оценит тот один,
Которому себя ты и писал.

* * *

С поры, когда я в жизнь внезапно встрял
И шели дней затеял конопатить,
О, как, друзья, я много потерял –
Возможностей хоть что-нибудь утратить!

* * *

Сударыня, я Вас не огорчу
Шарадой сна
иль муками моральными...
По жизни я наличными плачу,
А плачу –
эксклюзивно натуральными.

* * *

Пред Богом и Судьбою все равны.
Все нипочем... Ничто не беспокоит...
И это вот отсутствие цены
Мне с каждым днем, увы,
все больше стоит.

* * *

Невкусен в хоре я и переперчен соло,
Бегу мундиров, колпаков и ряс.
И на щеках моих, увы – не разносолы,
Поскольку я всплакнул всего лишь раз.

Одностишия

Я не прошу тебе своей вины...
И до конца пути – клюкой подать...
И вот – совсем скатившись на Парнас...
Когда бы не плацебо гильотины...
Вновь – серия трагических удач...
Во имя вас я сделал этот крюк...
Себя берег он, не шадя себя...
Ах, как он басовито промолчал!..
И вся моя клиническая жизнь...
Давным-давно я на пределе старта...
Я потерял... Зато с большим запасом...

Афоризмы

Дорога ведет к Храму и тех, кто желает его разрушить.
Дуалисту не дано третьего, Нарциссу – второго.
Каждый знает нечто важное, о чем человечество и не подозревает.
К низкой мысли – склоняют, к горней приходится распрямлять.
Идеалы должны стоить того, чтобы их предать.
Стоящий у истоков – не замути их!
Прагматик видит цветы – носом.
«Увидеть Париж и умереть в Мордвиновке».
Точность – вежливость еще и снайперов.
Идиоту не дано дурачиться.
Скажи мне, кто твой враг, – и я скажу, кто тебе я.
«Это недостаточно самобытно, чтобы иметь шанс со временем стать тривиальным».
Непристойным является лишь отвергнутое предложение.
Если мстить, то – заранее.
Ничто так не опошляет фарс, как трагическая его концовка.

«К Китайской бы Великой стене подверстать историю о том, что вся она – фрагмент не уцелевшего Храма!»

Узкий специалист по послекусю обычно не имеет денег на обед.

«Пока вы играли первые роли, я был их прототипом...»

Хорошо, когда за улыбкой скрывается желание рассмеяться.

Не мандрагоре взывать к сеятелям разумного, доброго, вечного.

Справедливость, несомненно, существует. Хотя, увы, и не в вашем случае...

Большому кораблю – большой айсберг.

Куда более достоверен слух из первых уст второго осведомителя.

Есть отсутствия, которые у нас никому не отнять.

«Грубо говоря, это – нежность».

Предложения, от которых трудно отказаться, всегда являются сложноподчиненными.

Не стоит увековечивать в выражении лица память о чьем-то давнем плевке в него.

Должно быть, Демосфена и Цицерона проще всего было уличить в оговорках по Фрейду.

Подумай: не отказываешь ли ты Вечности?

Не пытайтесь выдать себя за того, кто вас допрашивает.

«Критика снизу – это не обязательно женщина!»

Далеко не каждый имеет право верить в Бога.

Историю творят целые числа, а их биографию – те, что после запятой.

Свобода слова подразумевает и его право быть произнесенным.

В непристойном предложении меньше зла, нежели в бесталанном абзаце.

Нули адекватны. Все как один...

Верность меж людей встречается не реже, чем вегетарианство среди вампиров.

Личная жизнь – еще не повод для биографии.

Киту, угодившему в пруд, лучше держаться скромнее.

«Сделайте что-нибудь, чтобы вас хотя бы ненавидели!»

Свобода слова «Заткнись!»

А каково прозектору вскрывать коллегу – патологоанатома?..

Свет бьет в глаза только зрячим.

Бомж в подземном переходе вовсю купается в баснословной роскоши человеческого общения.

«Ищу спонсора для материальной поддержки уже имеющегося бескорыстного дарителя».

Хуже каждого из нас только все остальные.

Можно ли быть цельной натурой с разбитой мордой?

Всем, кто пишет Историю, следовало бы помнить, что в конце концов ее переписывает Голливуд.

Идти на компромисс можно ползком, а можно и вприпрыжку.

Стоит ли метать гарпуны в кита, который выбросился на берег?

Мечтающий о супруге вне подозрений заводит себе жену Цезаря.

Фараонова пирамида в Гизе – не место последнего успокоения, а открытый финал. Ибо это больше, чем смерть, это – драматургия.

В ногу со счастьем человеческого общения идет и счастье воздержания от него.

Все двуликие Янусы на одно лицо.

Чья острота ошушений выше – палача или топора?

Смысл – жиголо на содержании у Слова.

Для расширения сознания порой достаточно плотно прихватить палец тисками.

Счастье – не цель, а средство истинно ценной жизни.

Не стоит примерять Гераклитову реку к расчистке Авгиевых конюшен.

Поэт в России – больше, чем умеющий оправдать свое нежелание работать в сфере народного хозяйства.

С точки зрения миллиардера, нет большей пошлости, чем суетная погоня за вторым миллионом.

Цвет нации может оказаться любого оттенка.

Дело не в том, что внутри коня, а в том, что внутри Трои.

Право, не стоит огорчаться по пустякам. Особенно таким, как неизбежность ухода...

Пристойно – организовывать, стыдно – участвовать.

Нельзя хохотать украдкой.

ДЕСЯТИНА ДЛЯ РЕДАКТОРА

«...С обостренной требовательностью человека высочайшей внутренней культуры, он все меньше воспринимает себя поэтом, все больше приходя к горькому, выстраданному амплуа афориста ("Когда б вы знали, из какого сора..."»).

Я написала это когда-то, представляя читателям одного из узбекистанских сайтов подборку стихов Павла Шуфа.

Уже то скупое знакомство открыло многим, кто знал его прежде творчество (в основном произведения для детей и юношества), – иного Шуфа. В США, где Павел Ефимович живет с 1992 года, один за другим выходят сборники его афоризмов, эпиграмм, бурлесков, сатирической поэзии, фаблии... И каждая из этих книг, составивших декалог «Империя шуфств», раскрывает писателя Шуфа по-новому, неожиданно и ярко.

Впрочем, так ли неожиданно? Скорее, наверно, все-таки закономерно – для всех, кто знает блестящее остроумие этого многослойного человека, его парадоксальный ум, тонкое видение мира, мастерское владение искусством словесной игры.

...Состоявшийся, признанный литератор, готовящий к печати очередной сборник: избранное из всего опубликованного в эмиграции, в идеале – лучшую свою книгу, – таким он предстал, когда через полтора десятилетия мы снова встретились, благодаря Интернету.

Тогда казалось, что Павла Шуфа, вновь обретенного давнего друга, я знаю достаточно хорошо. И как же заблуждаюсь в этом – поняла лишь тогда, когда он, – мастер, автор около трех десятков книг, не нуждающийся, казалось бы, ни в каких советчиках в литературе, – доверил составление и редактирование этого нового, так много для него значившего сборника – другому человеку. Мне.

Удивительным, радостным и трогательным открытием обернулась для меня эта работа. Открытием человека вроде бы давно знакомого, близкого по духу и душе, – и совсем по-новому талантливого.

*...А ведь судьба была и мне обещана...
Что ж ныне – и штормит, и одинок,
И жизни мед – целительные женщины, –
Как палубы, уходят из-под ног?..*

Так неожиданно, – хочется сказать – беззащитно – раскрывается прежний и одновременно незнакомый Шуф в стихах и афоризмах, составивших его новую книгу «Дорогу не обгонишь». Непринужденный остро слов с изящным и легким даром каламбуриста – и мудрец, поражающий глубиной философских прозрений в шемяще-горьких, выстраданно-ироничных афоризмах. Едкий, язвительный памфлетист – и тонкий, даже изысканный лирик, каждое стихотворение которого – своеобразный коан, доверительно обращенный к читателю-другу.

*Как пору назвать, когда глохнут слова,
А ты – все еще не немой
И белая осень вступает в права
Считаться зеленой зимой?..*

Интеллектуал, не устающий восхищать энциклопедической эрудицией – и обожающий со школярским озорством, «как волка – Мюнхгаузен, вывернуть

фразу», приглашая равного собеседника разделить с ним это удовольствие! Человек огромного мужества, преодолевающий в последние годы физическое нездоровье; порой – мизантроп, знающий человеческую природу насквозь и ничуть в ней не обманывающийся...

*Птица пешего полёта, –
Так ли мысль горька:
Если, по большому счету,
Предали –
слегка?..*

И вдруг – по-юношески открытый романтик, с безоглядной жадностью верящий жизни!

*Пусть меня любовь и не спасла, –
Требую,
презрев угрозы ада:
Будь сильнее Звериного Числа, –
Хрупкое Число Шахерезады!*

А еще – интеллигент в настоящем, изначальном смысле слова: редкой нравственной чистоты, неисчерпаемого душевного богатства. Тот самый «образованный человек с большой совестью»...

*Век-марафонец вдаль бежит,
И вновь, не исчерпав лимита,
Уйти стремится Вечный Жид
От вечного Антисемита.*

...Но я, кажется, уже отвлекаюсь от представляемых текстов и перехожу на личности. Вернее, Личность. И – тысячу ликов автора «Дороги...».

До этого уже прозвучало слово «мужество». Боюсь представить, сколько его, писательского и человеческого, понадобилось Павлу Ефимовичу и для того, чтобы предложить мне – пусть и другу, и редактору, которому он доверяет, – перелопатить все, написанное им за многие годы (а это ни много ни мало одиннадцать сборников!), чтобы из них выбрать лучшее. То, что только и достойно, по моему (! – не его, автора!) мнению, войти в новое издание. В некотором смысле – книгу вершины жизни, квинтэссенцию творчества двух десятилетий. Книгу, очень важную для него. В чем-то, может быть, итоговую. И уж безусловно – исповедальную. «Стихи и афоризмы – уста боли»...

Работа, уже наша совместная, над рукописью «Дороги...» продолжалась два с половиной года. Работа, честно говоря, порой по отношению к автору просто жестокая. Достаточно, наверно, сказать, что материал, отобранный мной из порядка трех тысяч страниц всего изданного в предыдущие годы, уложился – в двести с небольшим... Породив прекрасное, хоть и полное горечи, стихотворение Павла «Десятина для редактора»:

*...Мне мой век отпустил
и прозренья, и бред,
и содом, и томленье –
подняться
из трех тысяч страниц мне предписанных лет,
где для вас – только двести пятнадцать.*

Но, сгустив мою жизнь, –
ведь не грех сохранить
тайну мантры
и правду молений,
коль взимаете двести пятнадцать страниц –
десятину с моих накоплений?

...И пока вы юны вне времен и границ,
а ваш сон эротичен и чуток,
я прошу эти двести пятнадцать страниц
сократить –
до пятнадцати суток.

Новая книга Павла Шуфа состоялась, вскоре она придет и к узбекистанскому читателю. Как пришли уже, подборками в разных изданиях, его стихи и отточенные, виртуозные афоризмы.

«Если вы такой умный, то почему вы до сих пор не шут?..»
(Не шут? Или... не Шуф? Ого, кажется, склонность к каламбурам зара-
зительна...)

Но ведь, если чуть перефразировать еще один афоризм того же автора, сказанный об анекдоте, – и роман, в сущности, – не более чем черновик каламбура. Во всяком случае это именно так в «Империи шуфств» Павла Шуфа. Государстве, где легким, крылатым даром его творца рождаются и такие «черновики», как «Хайям в Афинской школе».

«Читайте ошеломительную поэму Павла Шуфа – и позавчерашнее окажется далеким будущим, а день сегодняшний уйдет во вчера и сядет в кабачке рядом с Хайямом, чтобы испить из хума напиток вечной иронии над собой, над миром и даже над зрачком красавицы, ставшим обожженной крупинкой потеющего кувшина. Или же пройдет мимо Диогена, предложив за сто баксов новый кованый обруч для его бочки... Какое пиршество ума, безумия, юмора и всечеловеческих слез! Блестяще, ни на что не похоже...»

Так пишет о новой, совсем недавно вышедшей, но уже доехавшей до Ташкента книге Шуфа «Хайям в Афинской школе» доктор культурологии Салим Галимович Фатыхов – один из первых читателей этого произведения, жанр которого сам автор определил как «поэму-трактат». Произведения, похоже – опять же по-восточному витиевато – зашифрованы множественные культурные смыслы. Да и может ли быть иначе с творением мастера, создававшимся, продумывавшимся, переписывавшимся семнадцать лет?..

...Эллада... Рим... Поэтов яд и хмель...
Философов всех весей и земель
Созвал в веках кармаем дивной кисти
Афинской школы ректор Раф а-Эль.

Легко забыт зловещий мост Сират
Во имя древнегреческих отрад,
Где в тамадах блистает Аристотель
И где в алаверды силен Сократ.

Здесь Птолемей над глобусом парит,
И Афлатун о горнем говорит,
И, циркулем своим в оливки целя,
Сам Архимед к наукам гнет Харит.

Вот с Птолемеем глобус я верчу,
На Диогена-циника ворчу,
Но, вдруг узрев явленье Искандера,
Скрываюсь в ель (по-нашему – в арчу).

Тут Заратуштра, что на мысли скор,
А рядом – Ибн Рушд и Пифагор:
Видать, и те не рады с Искандером
Вести научный рукопашный спор.

(Там истина на кончике пера,
Где перышко торчит из топора...
Пусть хороши Афинские мектебы, –
В Афрасиаб пора, уртак, пора!)

«...Потрясающая ориентальная бездна разворачивается в его блестящих интеллектуальных поэтических инверсиях. Каждое слово из привычного тезауруса или сконструированное автором из русско-тюркско-персидского лингвистического океана морфем, каждое четверостишие, сверкающее юмором, эротикой, иронией, глубочайшими знаниями и трепетной любовью к Востоку, – это особое квантовое пространство, в котором читатель переносится из сегодняшней восточной чайханы в сократовские Афины, из сверкающего Афрасиаба – в Рим, из торгово-гулящего Нишапура – в варяжскую Русь, из грешных Помпей – в воинственную Персию... Стучится в бочку к Диогену, вычерчивает на песке сентенции вместе с Аристотелем и цепляется за рычаг Архимеда, застольничает с Хайямом и увешивает Харона...»¹

...Наверное, и в самом деле нельзя обогнать дорогу по имени Время. Но есть «Хайям в Афинской школе» Павла Шуфа, есть сборники замечательных афоризмов и недавно завершенная новая его книга. И значит, дорога – вечная и прекрасная дорога, именуемая Творчеством, – продолжается.

...Невкусен в хоре я и переперчен соло,
Бегу мундиров, колпаков и ряс.
И на щеках моих – не разносолы,
Поскольку я всплакнул всего лишь раз.

Человек, написавший эти строки, имеет право сказать о себе так.

Лейла ШАХНАЗАРОВА,
эссеист, публицист,
литературный редактор
журнала «Восток свыше»

¹ Салим Фатыхов. Павел Шуф и его «Хайям в Афинской школе». – Павел Шуф. Хайям в Афинской школе, или Парнас-наме. – Нью-Йорк, 2018. С. 66.

ДЕНЬ ЛОШАДИ

Рассказ

Фируз МУСТАФА

БЕГ

Ноги его будто оторвались от земли. Вдали, там, где небо сливалось с землею, светилась розовая полоса, и жеребенку отчего-то казалось, что по ту сторону розовой полосы неистовый буйный табун мчится в бесконечность, поднимая пыль. Иногда до слуха его доносилось ржание коней из того шального табуна, где все кони были золотого цвета. Сейчас жеребенок скакал на это ржание, на этот зов.

Вдалеке сверкала молния; черные тучи прогоняли золотистые облака.

Все вокруг погрузилось в странное безмолвие. Топот, незадолго до того эхом отдававшийся у него в ушах, – сначала топот табуна, потом его собственный – исчез; жеребенок не слышал ни звука. Он скакал в глухом безмолвии, стараясь слиться с родным табуном, с которым когда-то был разлучен.

Добравшись до берега узенькой, мелкой речушки, жеребенок почувствовал жажду. Прильнул покрытыми пеной губами к холодной-прехолодной воде, бесшумно текущей меж густых трав, воде, впитавшей их аромат. Приятная дрожь охватила грудь, будто озноб пробрал. Пошевелив хвостом, он фыркнул пару раз. Движение воды он ощутил внутри, будто волны его лизнули, и скоро ласковое ощущение тех волн, словно просочившись наружу, прошло по его коже, мягкой и бархатистой...

Оторвавшись от воды, он поднял голову и, ударив раз-другой копытом о землю, хотел снова ринуться вперед. Но почему-то не тронулся с места. Подняв голову, посмотрел на горизонт. Странно: табун, который искал он, за которым мчался, разбредся по небу. Кони будто бились в волнах-облаках, плывущих по небу, сопротивляясь надвигающемуся на них страшному селю, стараясь спастись.

Жеребенок, заржав, поднялся на дыбы. Слово крылья выросли у него, и вот сейчас он взлетит за тем табуном – за теми тяжелыми золотистыми облаками. Ведь и мать жеребенка, гнедая кобыла, была в том табуне! Она виднелась за пенистыми, точно молоко, вздымавшимися облаками. Почему же она, гнедая, не слышала зова жеребенка, своего ребенка? Жеребенок заржал еще раз; голос его, ударившись о скалы, эхом вернулся обратно...

Фируз МУСТАФА. Родился в 1952 г. Писатель, драматург, переводчик. Профессор, доктор философских наук. Член Союза писателей и Союза журналистов Азербайджана. Автор прозаических сборников «Терновые роши», «Янтарь», «Цвет света» и др., драматург. Лауреат премий им. Д. Джаббарлы, «Хумай». Зав. сектором драматургии СП Азербайджана.

И снова ноги его оторвались от земли. Теперь он скакал за тем табуном в небесах. Но табун тот разметало воздушными потоками. Жеребенок чувствовал, что не догнать ему тех коней небесных. Ну и что? Он будет скакать, пока хватит сил, а потом ляжет на душистые травы со вздымающейся грудью и переведет дыхание. Пусть видит мама, какой он у нее славный да лихой. И пусть поразятся его сыновней верностью кони в том табуне...

Жеребенок скакал изо всех сил. Он впервые получил возможность так вольно мчаться за своей сладостной, как весенние травы, мечтой. Жеребенок и раньше, бывало, отправлялся в дальнюю дорогу, но тогда он был рядом с мамой, тогда, опустив голову и размахивая хвостом, он шел следом за ней. Но в нем всегда жила тайная страсть вырваться на свободу, обрести самостоятельность. Отчего-то скучал он в табуне.

А теперь жеребенок был свободен. Мчался во всю мощь за рассеянными по небу конями-облаками. Только странно было: незримая рука будто уводила его от тех коней. До слуха жеребенка порой доносилось ржание матери, постепенно темневший табун облаками уплывал в глубину небес и словно таял. Исчезал на небосклоне.

– Эге-е-й!..

Это был человеческий голос. Жеребенок хорошо знал его хозяина, которого сейчас ему совсем не хотелось видеть. Ему не хотелось видеть и табун. Хотелось найти лишь маму, увидеть ее, услышать ее ржание...

Темнело. В сумерках жеребенок вновь взглянул на небо и увидел, как «кони» «табуна» вдруг исчезли. Он неожиданно стал задыхаться, почувствовал тяжесть в груди, в глазах потемнело. В сером сумеречном небе от мамы не осталось и следа; и ржания уже не стало слышно.

– Эге-е-й!..

Нет, жеребенку сейчас не был нужен хозяин этого голоса. Ему хотелось услышать лишь голос мамы, почувствовать ее запах.

...В небе мерцали уже звезды. Жеребенок замедлил бег, но останавливаться не хотел.

Звезд на небе становилось все больше. Но у них не доставало сил осветить землю. Тяжелый мрак окутал все вокруг.

Подняв голову, он вновь всмотрелся вдаль: впереди, в мрачной темной долине сверкнуло несколько звезд. Казалось, небесный свод стал им тесен, и они начали спускаться на землю. Инстинктивно замедлив шаг, жеребенок направился к звездам, сверкавшим в долине. Он увидел, что звезды, до того будто пришипленные к земле, двинулись ему навстречу. Отчего-то волнами пробежал по телу холодок. Он еще замедлил шаг.

Вскоре он заметил темнеющее пятно позади «звезд» и всем телом вздрогнул. Пятно приближалось, и жеребенок, не помня себя от страха, заржал что было сил и кинулся в сторону. Прибавив скорости, огибая темное пятно с горящими «звездами», он почуял у бедра чужое звериное тело и с силой лягнул его. Тупой удар пришелся по чему-то мягкому. Но, видимо, темное пятно со «звездами» не намерено было отставать от него. Скоро он почувствовал острую боль в боку. В жизни ничего подобного он не ощущал. Собрав силы, жеребенок прибавил в беге и, сведя ноги, опять лягнул преследовавшую его тень: но на этот раз удар был не таким метким. Темное пятно бросилось ему на спину. Жеребенок качнулся, едва удержавшись на ногах, но не упал, резко выпрямился и горько-горько заржал. Острыми, как нож, зубами пятно впилося

ему в основание хвоста. Жеребенок, чувствуя струящуюся по ноге горячую кровь, изо всех сил мчался вперед, стараясь высвободиться из лап темного пятна, «звезды» которого жгли его, превратившись в пылающие головешки. Ржания мамы уже не было слышно, как и голоса хозяина – Человека, недавно звавшего, искавшего его... Силы оставляли жеребенка. Безжалостное темное пятно и не думало оставлять его! Прибавив скорости, оно ринулось вперед. А жеребенок в этот миг остановился. Теперь он оказался прямо перед страшным пятном, на котором по-прежнему горела пара холодных, наводящих ужас «звезд». Такими же страшными казались жеребенку и рассыпанные по небу звезды; наверное, за блеском их тоже кроются коварные тени, в любую минуту готовые броситься вниз, напасть на теряющего силы жеребенка и даже на табун, уже смешавшийся с темнотой. Колени жеребенка задрожали. Кажется, все было кончено. Никогда уже он не услышит материнского ржания; его первое свободное, самостоятельное путешествие, пожалуй, так и завершится. Он больше не увидит табуна, за которым бежал – золотистых коней на небосклоне. Жеребенок встал на дыбы. Заржал. С бедра его набежала на землю маленькая лужица крови. Помедлив, темное пятно, стрелой, выпущенной из лука, вновь бросилось на него. Жеребенок заржал... С этим ржанием слился голос-зов:

– Эге-е-й!..

Увенчанное «звездами» страшное пятно, заслышав человеческий голос, отпрянуло в сторону и снова приготовилось к нападению. В тот же миг раздался выстрел. Луч света прочертил в воздухе дугу. Темное пятно яростно завывало, клацнуло зубами и в мгновение ока скрылось из виду.

Откуда-то вдруг появился хозяин голоса и, подбежав к жеребенку, провел рукой сначала по голове, потом по его бокам. Ничего не разобрав в темноте, поднес руку в чем-то липком и теплом к носу. Послышалось сдавленное рыдание Человека.

Повернув голову, жеребенок прижался ею к его лицу. Его густая холодная грива коснулась глаз Человека.

Все погрузилось во тьму. Свет звезд небесных землю осветить был не в силах...

На другом конце лошаины жеребенок снова увидел ту же пару злых холодных «звезд», и опять холодными волнами пробрало тело. Отойдя от него, Человек осторожно двинулся вперед: наверное, и он заметил пару «звезд» в лошине. Сначала послышался короткий выстрел, потом долгий и протяжный вой...

Поднявшись на дыбы, жеребенок заржал...

Послышался далекий топот ног. Может, то «табун» спустился с небес на землю?..

Погладив гриву жеребенка, Человек надел на него уздечку.

Легкий ветерок... издали донес отрывистое ржание.

САМОУБИЙСТВО

...Уже зажили его раны. Хозяин теперь ни на миг не выпускал из виду жеребенка – дома ставил его в конюшню или привязывал к фонарному столбу, а за пределами двора непременно водил за уздечку.

Жеребенок очень скучал по матери, которую давно не видел. Мать же была недосыгаема. Вначале он пару раз видел ее в табуне и горестно ржал,

вставая на дыбы. Гнедая тоже отвечала ему ржанием. Но подойти друг к другу не было возможности. Ну что сказать о жестокости людей?.. Мать и дитя хотели видеть друг друга! Но... Как бы хотелось капризно куснуть ее в шею, потереться мордой о морду. Почувствовать ее запах и, уперев в землю копыта, встать с нею рядом, взглянуть исподлобья и увидеть, как вырос он за последние дни. Сейчас они уже, наверное, одного роста. Когда еще будут стоять они рядом, когда смешаются их гривы, как густые, пенистые облака?

После того как зажили раны, он стал более бдительным и осторожным. Ему уже не хотелось гнаться за разбежавшимися по небу конями, за табуном – золотыми облаками.

Окрепли передние ноги, вытянулись задние, грива, хвост засветились, заиграли новым ярким цветом. И аппетит заметно прибавился. А после того как его подковали, он, казалось, и выглядеть стал совсем по-другому. На соседских жеребят и молодых коней смотрел уже иначе. И молодые кобылки с кипящими, как родники, глазами тоже посматривали на него как-то по-особенному.

Он чувствовал, как бьется сердце у него в груди, как резво течет и играет в жилах кровь. Изменилось и его ржание: от моши собственного голоса он и сам порой вздрагивал.

Инстинкты влекли его к ровесникам противоположного пола. Словно какая-то скрытая, сумасшедшая сила внутри бунтовала против него самого.

Хозяин по его настроению, кажется, начал понимать, чего он хочет.

* * *

– Сосед, а жеребенок-то твой, вон как вымахал, слава Богу...

– Что значит вымахал?! Настоящий жеребец.

– Хорошая порода... Пусть копыто его будет крепким!

– Чувствую, уже места себе не находит. Кровь играет.

– Пусти тогда в табун.

– Нет... Какой там табун?! Там кони молодые, кобылы горячие изведут его... Ты на статью его посмотри, на выправку... Это же джейран, джейран...

– Послушай... Хочу спросить у тебя: а что если свести его с нашей гнедой, а?.. Наша тоже в последнее время проявляет беспокойство. Говорю, может, пыл ее остудит ваш конь, что сейчас бьется с небесами.

– «Ваша», говоришь... Так ведь она и наша тоже, родная мать его... Получить приплод от своего же жеребенка... Нет... Этот жеребенок... С той гнедой... Как же так можно? Грех на душу брать...

– Ну и что же с того, что мать?.. Для лошади что мать, что ребенок... Эх сосед... Как может лошадь согрешить?.. Сейчас с человеческими пристрастиями не разберешься, а ты заладил – гнедая, жеребец... Честь коня бережешь, что ли? Лучше открыто скажи, что просто не хочешь это дело сладить... А то нет...

– Да нет, сосед, ты ничего такого не подумай. Сведем лошадей, пусть побудут вместе... Просто так...

– Ладно, пускай. Вечером пойду на пастбище. Заберу из табуна и приведу. Они, наверное, уже давно забыли, что родня друг другу.

– Пусть бы так... Но маловероятно, что забыли. Как бы там ни было, приводи, а там посмотрим, поладят или нет.

– Завтра дома?

– Да...

- И жеребенок здесь будет?
- Да... Я же сказал тебе, сосед, он уже не жеребенок.
- Нет, пока еще жеребенок. Посмотрим, как он себя покажет. Думаешь, каждый жеребенок может показать себя женихом?.. Ха-ха-ха...
- Да... А я-то что... Посмотрим... Не спеши, сосед.
- Ну, будь здоров, сосед...
- Пока...

* * *

Услышав материнское ржание, он наострил уши. Хозяин, отвязав его от фонаря, отошел в сторону. Обернувшись назад, жеребенок увидел гнедую. Мать и дитя ястребами бросились друг к другу. Сначала они ласково поприкусывали друг друга в шею, побрыкались, потом стали тереться мордами друг о друга. Их буйные гривы ниспадали волнами на глаза. Дыхание обоих отдавало свежими сладкими травами.

Подойдя к жеребенку, хозяин провел ладонью по его шее. Сосед тоже пошел к своей лошади – его матери – и погладил гриву гнедой, хвост; шлепнул ладонью по крупу. Повернув шею, гнедая грустно-грустно взглянула на жеребенка. Его вдруг охватил какой-то необъяснимый ужас. Глаза матери светились странным холодным светом. Их блеск показался знакомым жеребенку; охватило чувство, что вот-вот покажется страшная, «звездами» увенчанная тень, и мать уже сейчас чувствовала ее присутствие.

Мать приблизила к нему свои толстые, трепетные, со стекающей слюной губы. Стала языком вылизывать его окрепшую в последние дни шею. Сосед же все похлопывал ее по крупу.

Хозяин что-то нашептывал жеребенку на ухо. Сердце у него прыгало в груди, тело охватывали мягкие волны, колени дрожали. Он не просто чувствовал ток крови, почти слышал ее журчание. Уши его наострились. Губы подрагивали. Слюна лошадей смешалась.

Сосед отвернул голову лошади в сторону. А хозяин жеребенка гладил ему передние ноги и все шептал что-то на ухо. Будто молитву читал.

Теперь мать и жеребенок стояли не рядом, а друг за другом: впереди мать, за ней – жеребенок. Широкий круп матери упирался ему в морду. Мать стояла ниже в небольшой канавке и спокойно пофыркивала.

Жеребенок ткнулся носом в крестец лошади. Знакомый родной запах был приятен... Вдруг потянулся и отошел назад, заржал и встал на дыбы; как будто вдруг понял, для чего стоящие рядом люди поставили его сверху над канавкой позади матери, подталкивая к ней. И мать точно так же поднялась на дыбы, прочертив над головой соседа большую дугу. Мать и дитя стояли лицом к лицу, глаза в глаза, грудь к груди, застыв и напоминая гранитный памятник.

* * *

- Твой жеребенок, сосед, не прошел испытания.
- Я же говорил тебе... Они – мать и дитя... Мать и дитя... Понимаешь?
- Ну и что? Мы их что, держим как пример нравственности для людей? Лично я свою лошадь, как только ожеребится, и запрягать в фазтон стану, и к сохе приставлю...

- Лошадь, сосед, не для повозки и не для плуга.
- А для чего?
- Для выездки... За ней ухаживать надо, холить ее, лелеять...
- Что?.. Хм... «Холить...» Женщина она, что ли, или жена, чтобы холить ее? Ладно, ладно, сосед... Не надо излишних речей... Так что делать будем? Твой-то женихаться будет или нет?
- Сам же видел, что получилось...
- Видел, видел... Но что делать, если во всем табуне нормального жеребца нет. Все кривые да косые, уроды. Ты ведь сам продал мне лошадь, вот я и хочу: пусть от своей же породы и понесет.
- Думаю, дело это не сладится.
- Нет, сладится...
- Сладится? И как же?
- Завяжем глаза обоим...
- Даже не видя, они узнают друг друга по запаху.
- Знаю все это. Конь – животное чуткое. Но я и это учел.
- И что?
- Обоим завязываем глаза, а тела натираем свежим навозом. Тогда и не увидят они друг друга, и не почуют. Животное, сосед, каким бы чутким ни было, но по части хитрости до человека ему далеко... Ха-ха-ха...
- Но ведь это же грех...
- Почему грех?.. Животному какая разница?.. Или что, это дело невиданное и неслыханное?
- Я знаю характер своего жеребенка. Он не подойдет к животному, от которого разит навозом.
- Вижу, сосед, уж больно ты шепетилен. Но я и это продумал...
- Что же ты придумал?
- Вначале мы к твоему жеребцу подводим разогретую кобылку из стада. Когда они поладят, найдут общий язык, я подведу свою лошадку. Тогда ни распаленная лошадь не признает жеребенка, ни разохотившийся жеребец не узнает лошадь в свежем навозе... К тому же глаза у обоих будут завязаны. Что скажешь на это?
- Ладно, как стемнеет, приводи лошадь.
- Нет, отложим до рассвета. Ведь говорят же: утро вечера мудренее. Не так ли?..
- Да, так... Будь по-твоему...

* * *

Мир объяла тьма...

Перед глазами егоплыли маленькие «звездочки»...

Веревка на шее коня натянулась. Кто-то большой грубой палкой осторожно подталкивал его вперед.

Чтобы избавиться от неприятного запаха, конь резко дернулся в сторону.

Потом по спине его заходила чья-то ласковая рука. Он узнал эту руку: то была рука хозяина. По его прикосновениям он понял, что хозяин на что-то его воодушевляет.

Неприятный запах исчез и ноздрей коснулся другой запах, чужой. Но неприятный. Глаза его были завязаны, поэтому он не видел стоящей перед ним

пофыркивающей лошади, что стала потом лизать ему шею и мордой лохматить гриву. Дыхание ее пахло свежими горными травами.

Коня пробрала приятная дрожь. Сердце подпрыгнуло в груди. В ушах застучало, неведомое ему желание толкало его вперед. Он вздыбил передние ноги. Но ему как будто что-то мешало. Он еще несколько раз вставал на дыбы, и опять почему-то натягивали уздечку, сдерживая его.

А незнакомые сладостные волны все толкали вперед. Невидимые же руки, натягивавшие удила, выводили из себя. Бурные волны страсти вперемешку со злостью охватили его. Никакая сила, никто не смог бы сейчас его остановить. Исчез даже страх перед плывущими глазами-«звездочками».

Поднявшись на дыбы с поджатыми к груди передними ногами, молодой конь змеей вытянул шею вперед; аромат горных трав куда-то исчез; в нос опять ударил отвратительный запах. Инстинктивно он почувствовал, что перед ним другая лошадь. Его обманули... Ах коварные люди... Но было уже поздно. Жеребец поднялся. Свои окрепшие, сильные ноги он поднял на широкий мягкий круп часто-часто переступавшей перед ним лошади... Тело ее дрожало...

Приятная усталость разлилась по телу коня...

Люди радостно кричали...

Потом жеребенок услышал знакомое ржание...

Он отпрянул назад. Стал бить копытом о землю. Знакомая подрагивающая рука хозяина сняла повязку с глаз охваченного беспокойством животного.

Он успокоился. Его большие черные застывшие глаза уставились в поникшую и словно чуть искривившуюся морду гнедой... это была его мать... Зловонная мать повернула голову и устало, нехотя приблизила морду к голове жеребенка. Тот отпрянул в сторону, ноздри его раздулись и задрожали.

Собравшиеся люди пораженно смотрели на гнедую и ее жеребенка.

Жеребенок поднялся на дыбы и дико заржал. Спокойное небо вдруг точно расколола молния. Пушенной из лука стрелой взвился к небу жеребенок и со всего размаха бросился на землю. Голова его гулко ударилась об осколок скалы...

Из рта жеребенка потекла струйка крови.

Над набежавшей кровавой лужицей вскоре закружила мошкара...

Лошадь-мать тяжелой осторожной поступью подошла к жеребенку и склонилась над ним головой. Из ее помертвевших глаз капали крупные слезы...

Взволнованные голоса людей полнили округу.

Солнце стояло в зените.

До появления звезд на небе было еще далеко.

Издалека доносилось лошадиное ржание. Кажется, табун с летнего пастбища спускался к зимовью.

КОНЕЦ

– Слушай сюда, сосед, по-моему, худшего между людьми и быть не может. Говоришь мне, что лошадь – ничто, что же из-за нее ты такое безобразие творишь? «Это я-то творю безобразие?» – скажешь ты. Да, ты лжешь самым бессовестным образом... Ты весь с головы до ног лживый, фальшивый человек, сосед... Причем не сегодня ты таким стал, ты еще тот аферист. Может, я не прав? Вот ты – работник культуры, заведующий клубом – должен быть культурным человеком. Но в тебе культуры и в помине нет. Лично я ничего подобного в тебе не замечал.

Говоришь, что такое лошадь, чтобы из-за нее... Так дело же не в лошади... А даже если и в ней. Разве это не важно?

Ладно, лошадь оставим в стороне. А как назвать твои деяния до этого? «Какие деяния?» – спросишь ты. Не вилай, сосед! Как будто не знаешь, о чем речь!.. Хорошо знаешь... что сначала ее любил я. Да, да, ее... И она меня любила. Ты неправильно поступил, не по-мужски, когда перешел мне дорогу. А та неразумная девчонка влюбилась в твою крахмальную сорочку, наутюженные брюки и цветастый галстук. Она хорошо знала, как я люблю ее. Это знали все. Весь мир об этом знал. Говоришь, старый это разговор? Нет, такие разговоры никогда не устаревают. Не прикидывайся непонимающим, непонятливый мой, слушай... Мы с той девушкой обет друг другу дали... Если хочешь знать правду, я с ней каждый день встречался. У арыка, в поле, в лесу... Да где только не встречались... Если ты честный человек, зачем влез в наши отношения? Заморочил голову девушке. Разрушил высоченные дворцы, что выстроил я в сердце своем. Горем сдавил грудь мою...

Мы с самого детства были соседями... Что с того, что ты выучился? Что с того, что я не учился, оставшись здесь, сирот поднимал? Разве это не важно? Я вырастил и выучил всех своих братьев и сестер. А ты? Ни один из братьев, что тебя вырастили, помогли выучиться, сейчас с тобой не разговаривает. А сестры, как я слышал... Не буду говорить, чем они, сестры твои, занимаются... Ты сам это хорошо знаешь... Пусть казан кипит под крышкой.

Я хорошо знаю, что женщина, которую ты сделал своей женой, с которой спишь каждую ночь, не любит тебя. Она терпеть тебя не может. Откуда я это знаю?.. А что тут знать! Я вижу это по ее лицу, по поведению, по настроению. Мы ведь соседи. Каждый день встречаемся. Так, если хочешь знать, сердце ее по-прежнему принадлежит мне. Что с того, что у вас ребенок?.. Что с того, что и я женат? Любовь никогда не умирает. Это ведь не вопросы культуры, в которых ты что-то смыслишь. Это вопросы любви, сосед, любви!.. А что ты понимаешь в любви? Если бы понимал, не мучил бы ее, эту женщину. Ты же используешь ее вместо лошади, вернее, как лошадь: работать заставляешь по дому, по хозяйству. Она стирает твоё бельё, из леса дрова таскает, за скотиной твоей смотрит (о детях уже не говорю), чистит хлев, дышит водочно-сигаретным духом твоим. Я прекрасно все это вижу. И она меня видит. Видит, как я отношусь к своей жене, хоть и не по любви женился на ней. Не грузю ее непосильной работой. Пусть не было между нами любви, когда поженились, но сейчас я люблю ее как мать моих детей. Слышал, что ты кое-где посмешищем меня выставлешь. Якобы я дома и мужскую, и женскую работу делаю, чуть ли не пеленки детские стираю. Ну и что?.. Правильно делаю! Разве женщина не человек? Разве ты не читал нигде, не слышал, что женщина – наша мать, сестра, дочь?.. Чтобы знать это, не обязательно где-то учиться, заканчивать школы, быть заведующим клубом, обучаться культуре, сосед! Это у человека в крови должно быть.

А я тебя и человеком-то не считаю... Возможно, и ты со мной не считаешься; замечаю, что при встрече, как осел, склонив голову, проходишь мимо. Но перед приезжими из города или еще откуда-нибудь виляешь хвостом, юлишь, подхалимничаешь. Кое-что и мы в этой жизни понимаем. Я никому не кланяюсь. Сам себе голова и слову своему хозяин. Хоть и рубашка у меня не накрахмалена, и брюки не выглажены, а галстука в помине не было, стирку дома делаю сам и даже прибираюсь, но считаю себя настоящим мужчиной.

Потому что ни от кого не завишу, потому что хозяин своей лачуги – я. Я не набиваю себе живот, нахваливая то одного, то другого, а честно зарабатываю свой хлеб, сосед.

Что с того, что ты выучился? На самом деле, ты неуч из неучей. Я каждый день слушаю радио. Знаю, что где в мире творится. А ты? Поесть да попить – вот и все твои заботы. Хотя и лукавишь, подхалимничаешь ты, но не понимаешь. А я и людей понимаю, и птиц, и зверей. И деревья, и травы... Даже земли язык мне понятен. А ты?..

Я, сосед, может, и простил грехи твои, и никогда о прошлом не напомнил бы, но из-за этой истории с лошадью никогда тебя не прошу.

Чтобы заготовить на зиму дров, пришлось мне вывести лошадь свою на базар, выставить на продажу. Деньги такая вещь: то они есть, то нет. В тот год запасы иссякли. Ни дров купить было не на что, ни хлеба, ни муки. Нет, бедным человеком я себя не считаю. Но что поделаешь, если иногда запасы кончаются и у людей, не считающих себя бедными... В общем... Как назло, в тот день, ведя лошадь на поводу, у базара я встретил тебя... Помнишь, наверное. Лучше б не было того дня! «Как дела, сосед?» – спросил ты. Я же врать не люблю. Сказал, что привел вот лошадь на продажу. А ты ответил, что пришел как раз лошадь покупать. Честно говоря, удивился я: зачем тебе лошадь? Но ты сказал, что весь базар обошел, а подходящей лошади не нашел. Ищешь, мол, статную, молодую, спокойную, красивую лошадь. И бесстыже заявил, что давно заприметил мою, но сказать не решался. А потом стал уговаривать меня: «Зачем чужим да незнакомым продавать лошадь, продай лучше мне, деньги у меня при себе». Что-то кольнуло меня тогда в селезенку. Хотел сказать, мол, сосед, когда-то ты увел у меня любимую, а теперь и лошадь прибрать к рукам хочешь... Зачем тебе лошадь?.. Разве знаешь ты ей цену?.. Но смолчал, а потом и согласился. А что было делать? Платят деньги, покупают лошадь, ну и на здоровье! К тому же лошадь продаю, но мне остается ее жеребенок, ничем не хуже ее.

Только через неделю я узнал, для чего тебе нужна была лошадь. Вернее, убедился в том, что она тебе вовсе не нужна. Да, через неделю после того, как купил ты лошадь, я услышал, что у тебя гость, и сам увидел его: худой, длинный, лысый. Обычно лысыми бывают люди толстые, может, это и не так, я говорю о виденных мною толстяках, это был первый худой лысый человек, которого я видел. Лысина того человека, конечно, к делу никакого отношения не имеет. У этого худого, длинного, лысого человека была своя беда, какая-то болезнь одолела его (название ее говорили, но я позабыл), и врачи посоветовали ему поездить верхом. Тот человек, как оказалось, был твоим главным начальником в городе. И лошадь купил ты для этого худого, длинного, лысого человека. И деньги на лошадь дал тебе он. Твой гость каждый день садился на мою лошадь (правда, моей она уже не была), ездил по горам, пастбищам, свою болезнь лечил. Я в свое время от души и не поездил на своей лошади. А твой гость гонял ее нешадно. У бедной лошади живот к спине чуть не прилип. Название болезни твоего гостя я позабыл, но говорили, что она лечится верховой ездой, а после выздоровления чуть ли не в юношей мужчины превращаются. Вот и гость твой тогда у нас на глазах за несколько дней помолодел, поздоровел и скоро уехал в город. А после отъезда его до меня доходили кое-какие разговоры. Обычно в наших краях не любят такого рода разговоры, да и я не хочу углубляться в них, как бы там ни было, твою честь

я считаю своей честью, хотя бы потому, что женщину, имя которой связывали в тех разговорах с именем твоего гостя и которую ты зовешь своей женой, я когда-то любил... любовью, похожей на сказку.

После отъезда гостя полноправным хозяином лошади стал ты. По твоему поведению я понял, что тот худой, длинный, лысый гость больше не приедет в твой дом продолжать лечение, потому-то после отъезда гостя отношение твое к лошади (моей лошади!) стало поистине враждебным. Я, может, и это стерпел бы. Но вскоре ты сотворил такую подлость, которую я тебе никогда не прощу. И себе этого никогда не прощу. Ты уговорил меня свести лошадь с ее собственным детенышем. Я тебе не раз говорил, что это грех. Ты же, смеясь, отвечал, что животное – оно и есть животное, для них не имеет значения, мать то или ребенок, брат или сестра. Я этого золотистого жеребенка спас от смерти, от волчьих клыков и по-твоему наущенью сам же бросил его в лапы смерти. Бедный жеребенок... он после связи с матерью своей, бросился оземь и умер. (Не знаю, желают ли коням царствия небесного?..) По-моему, у него был инфаркт. (Не знаю, бывает ли у коней инфаркт?..) Я своими руками похоронил жеребенка, смертью смывшего свой грех. Среди родственников и соседей были такие, что осуждали меня, смеялись надо мной; хотели, чтобы чистейшее, цветами благоухающее мясо молодого коня я отдал их свирепым, здоровым псам. Я же своего жеребенка похоронил. Может, ты даже родных своих так не хоронил, сосед, как я его. Мое животное было гораздо благонравнее такого человека, как ты (не знаю, можно ли назвать тебя человеком?!), намного нравственнее. Ты хотел испробовать на животном свое хитроумие. Но животное не приняло твоих проделок, бросилось оземь и погибло, может быть, от инфаркта.

После того случая я долго не мог прийти в себя. Но ты даже после всего случившегося вел себя спокойно. То привозил из лесу дрова на лошади, то приставлял ее к сохе. Казалось, ты все это делал мне назло, сосед. Вероятно, и меня хотел довести до инфаркта, как моего жеребенка. Жена по лицу моему читала все, что я переживал. Она хорошо знала, о чем я жалею. Говорила, ну что такое лошадь, что ж я так из-за нее переживаю? Не мог же я сказать ей, что этот сукин сын, сосед, сначала увел у меня любимую, а потом и лошадь. Теперь же обеих использует, как скотину, бьет, ругает назло мне... И жена, и лошадь, имея глаза, лишены света.

Мне думается, что и жена, и лошадь – каждая воистину становится нам другом сердечным. И хорошая жена, и хорошая лошадь никогда не оставят человека в беде...

Постепенно у лошади начал расти живот – значит, моя лошадь (что с того, что теперь ты ее хозяин, сосед?) понесла от моего жеребца (что с того, что его уже нет на этом свете?) и родит теперь нового жеребенка. Но ведь это грех. Днем и ночью молился я Аллаху, чтобы что-нибудь случилось с этой гнедой. Ты только посмотри, я – мягкий, добрый человек, любящий лошадь не меньше жены своей, – прошу у Аллаха смерти для лошади. Честно говоря, пару раз было у меня желание взять старую двустолку и всадить пулю лошади в голову, отправить ее на тот свет. Но потом я отказался от этой мысли. Однако Аллах все-таки услышал меня... За несколько дней до того, как ожеребиться, лошадь у леса растерзали волки, естественно, вместе с приплодом. Сказать по правде, в день, когда погибла лошадь, я плакал, не знаю, от радости или от печали?

Видя, как ты, сосед, разозлился, когда узнал про лошадь, я подумал, что и ты, небось, всплакнешь. Но ты, раскрасневшись, ругал кого-то. Нет, не волка, загрызшего лошадь, ругал живых и мертвых из рода того, кто продал тебе лошадь, кто продал и пожалничал, продал и пожалел. А человеком тем был конечно же я, ведь я же лошадь продал. Так что ругал ты меня. Привязав останки лошади к трактору, ты приволок ее во двор, чертыхаясь, порубил на куски, в том числе и не родившегося жеребенка, и бросил собакам. Все это я видел и слышал со своего двора. Кровь у меня почернела, но я молчал. Думал: человек же он, сейчас зол, сердит, вскоре остынет, успокоится. Однако ты и не думал успокаиваться. Через какое-то время, как сумасшедший, с топором в руке ты бросился в дом. Из дома донесся крик. Я не выдержал и кинулся к вашему дому. Из открытой двери доносились крики и рыдания. Жена, твоя жена – моя бывшая любимая – билась в конвульсиях на полу в луже крови. В той же луже крови лежал окровавленный кусок чего-то. Женщина потеряла ребенка. Ребенок был мертвым. Расширившиеся от страха и муки глаза женщины напоминали кровавые плошки; увидев меня, она закрыла лицо руками. В это мгновение перед глазами моими почему-то появились вдруг твой худой, лысый гость и мой разбившийся о землю жеребенок. Тело мое пробрала дрожь. Схватившись за сердце, я упал на пол. Очнулся у себя дома в постели. И вот уже сколько дней лежу с инфарктом...

...Сосед, как только встану, я скажу тебе все, что думаю, все, что накопилось, прямо в лицо, прямо в глаза. Сколько же можно жить с этой болью, с этим горем, все это носить в себе? Я – создание Божье, никогда не знавшее, что такое болезнь, теперь понял, что человека до болезни, до инфаркта доводят скорбь, горе и печаль...

И хочу поведать тебе все свои печали, сосед. Даст Бог, поднимусь с постели... Не знаю, поймешь ли меня правильно?

* * *

– Теперь помянем покойного... Прошу соблюдать тишину. Ведь это поминки. Кто там дымит папиросой?.. А ты, брат, чего смеешься?.. Да-да, я к тебе обращаюсь... Кем ты приходишься покойному?.. Соседом?.. Близким соседом... От чего, от какой болезни умер покойный?.. Два раза подряд инфаркт перенес?.. Да, таков мир... Что поделаешь?.. Да упокоит его душу Аллах. Помянем его... Аминь.

Перевод с азербайджанского Медины ЭЛЬДАРОВОЙ.

Медина ЭЛЬДАРОВА. Прозаик, переводчик, член Союза писателей Азербайджана, автор повестей, рассказов, миниатюр.

Борис ГОЛЕНДЕР

ХРАНИТЕЛИ ШАРИАТА

29 мая 1919 года Туркестанский ЦИК вынес постановление о расстреле бывшего полковника Павла Павловича Цветкова будто бы за участие в руководстве так называемым Осиповским восстанием в Ташкенте.

На показательном процессе, который проходил в театре имени Свердлова, вина П. П. Цветкова доказана не была, о смягчении приговора ходатайствовали многие общественные организации, даже Верховный революционный трибунал. Но тем не менее П. П. Цветков, знаменитый ориенталист, знаток ислама и шариата, один из инициаторов создания Туркестанского Восточного института, был казнен революционной властью. Увы! В который раз возобладал самоубийственный тезис «Революция не нуждается в ученых», провозглашенный еще палачами великого французского химика Антуана Лавуазье!

Заслуги П. П. Цветкова перед наукой и обществом были очень велики. Труды его хорошо знал и рецензировал академик В. В. Бартольд. Например, книга П. П. Цветкова об исламе сохранила свое значение и в наши дни, недаром главы из нее публиковались в 1995 году в журнале «Звезда Востока». Но бывший штаб-офицер для особых поручений при военном губернаторе Закаспийской области и кавалер высшего турецкого ордена Меджидие, говоривший на семи языках (в том числе на фарси и узбекском) П. П. Цветков, прежде всего являлся юристом, и в этом качестве он, к сожалению, в наше время совершенно забыт. Еще в 1911–1912 годах в Ташкенте типография «Туркестанского товарищества печатного дела» выпустила в свет главный труд Цветкова – трехтомную книгу «Шариат и суд» – комментированный перевод применяемого в Османской империи Гражданского Свода. Надо ли говорить, что это было первое полное систематическое изложение кодекса мусульманских законов на русском языке. Таким образом, более века тому назад в Ташкенте П. П. Цветков познакомил русское общество с тонкостями огромной науки мусульманского права.

Специалисты насчитывают только 137 обязательных книг различных авторов на арабском, персидском и узбекском языках, которые должны штудировать студенты во время обучения в высшем исламском учебном

Борис ГОЛЕНДЕР. Журналист и писатель. Автор книг по истории и культуре Центральной Азии («Окно в прошлое», «Мои господа ташкентцы», «Ташкент. Шедевры Центральной Азии», «В этом городе камня и солнца», «Вечный свет куполов», «Polonia Turkestaniana») и сценариев 18 научно-популярных фильмов, из которых «Корни и ветви древа святого» и «Светя другим, страдаю сам» завоевали награды на международных телекинофорумах.

заведении – медресе. Большинство из этих трудов относится именно к ал-фихху, то есть к юридическим наукам и толкованию норм шариата.

«Шарий-а» в переводе с арабского означает «прямой, правильный путь». В широком смысле слова это – философия жизни каждого мусульманина, далеко выходящая за рамки конкретного вероучения ислама. Шариат одновременно является и формальным, и моральным правом, поэтому он глубоко проник в жизнь всех мусульманских народов, в том числе и в жизнь народов Узбекистана. Уже в XIX веке значительное число норм шариата, несмотря на их экзотическое своеобразие, воспринималось как общечеловеческие нормы общежития. Именно поэтому моральная, этическая основы шариата смогли дожить до наших дней, стали частью духовной культуры народа, мощным средством самозащиты семейных традиций, родственных отношений, главных событий в жизни людей. Такой стержень, обобщающий тысячелетний правовой опыт, присущ далеко не каждой современной национальной общественной культуре. В этом смысле народ Узбекистана обладает огромным богатством.

В период тоталитаризма, не имея книжного представления о шариате, люди стали пользоваться устной шариатской традицией, идущей от религиозно настроенных стариков, а также сохранившихся в некоторых семьях сейидов и ходжей.

Как известно, ходжами называют потомков первых двух праведных халифов – Абу Бекра и Омара ибн ал-Хаттаба. Так как и тот, и другой являлись родственниками Пророка Мухаммеда, то, по существу, ходжи, как и сейиды, – дальние потомки основоположника мусульманской религии.

Роды ходжей населяли в старом Ташкенте целые кварталы, например, махалля Ходжа-тупи в квартале Мергенчи. Немногие из ходжей к XIX–XX векам сохранили богатства и влияние, но народ всегда оказывал потомкам Пророка известное уважение. Жители Ташкента гордились правом приставлять к своему имени слово «ходжа» не меньше, чем французы дворянской частицей «де», а немцы частицей «фон».

«Как ни странно, – пишет великолепный знаток старого Ташкента Н. Г. Малицкий, – но титул “сейид”, по местным понятиям, ниже титула “ходжа”, хотя вообще в мусульманском мире “сейид” есть самое высшее и почетное родовое название; оно входило в титулы мусульманских государей Средней Азии и указывает на несомненное происхождение от Пророка».

Многие ташкентские ходжи имели самое прямое отношение к поддержанию и сохранению традиций и преемственности шариата.

Ко времени завоевания Ташкента Российской империей ташкентский вилайет, входивший в состав Кокандского ханства, управлялся несколькими должностными лицами, среди которых одним из главных был верховный судья вилайета – ташкентский казы-калян.

В 1865 году в этой должности состоял Хаким Ходжа сын Нар Ходжи. Было ему в то время около пятидесяти лет. Он принадлежал к древнему роду ходжей, служившему кокандским властям. Отец главного судьи – Нар Ходжа – был убит восставшими жителями бешагачской части города прямо на улице близ медресе Кукельдаш во время одной из многочисленных в середине прошлого века войн. Оба сына Нар Ходжи, поддержавшие законную власть, были вознаграждены высокими должностями в городской иерархии. Вот в каких словах характеризует официальный ханский ярлык Хакима Ходжу:

«Мы желаем, чтобы в это счастливое время высокая и редкая должность казы-каляна была предоставлена такому человеку, который, выполняя соединенные с должностью обязанности, всегда ставит на то благоволение Аллаха, не уклоняется с пути шариата и веры, не имеет в сердце своем ничего, кроме благочестия и воздержания от худых дел.

В этом веке редко, как птица Анка, встречаются люди с такими похвальными качествами и нравами, которые имели бы соответственные времени познания в законоведении и отличались бы воздержанием от дурных дел. Таким человеком, как видно с первого взгляда, оказывается ишан Хаким Ходжа».

В трудное время пришлось жить и работать казы-каляну Хакиму Ходже! В трагические дни осады Ташкента главный судья энергично искал выход из создавшегося положения. Именно он возглавил посольство горожан к бухарскому эмиру Музаффару – наиболее могущественному государю Средней Азии. Напомню читателям, что тогда в ставке эмира под Самаркандом ташкентцы получили обескураживающий ответ: эмир окажет помощь при условии выдачи ему малолетнего кокандского хана Султана Сейида (на верную смерть!).

В этих условиях ташкентскому казы-каляну ничего не оставалось, как поставить оттиск своей печати под известным текстом договора между командующим российскими войсками М. Г. Черняевым и выборными ташкентскими властями. Казы-каляна поддерживали его старший брат, престарелый шейх-уль-ислам Ай Ходжа, а также несколько крупнейших коммерсантов Ташкента.

Конечно, это был текст капитуляции. Но, оценивая труды Хакима Ходжи, дипломата и законоведа, следует сказать, что договор начинался такими словами:

«...Мы при сем сообщаем жителям города Ташкента, что они должны подчиняться согласно повелениям всемогущего Аллаха и исповедовать правоверную религию Мухаммада, за что на них и на их потомках будет Божие благоволение; не отступать ни на одну йоту от законов, установленных им.

Пусть все, поскольку они могут, действуют для выгоды и пользы этой страны...»

Доверие новых российских властей ташкентскому казы-каляну было столь велико, что начальствование в Ташкенте на время отсутствия русских войск М. Г. Черняев поручал не какому-либо своему офицеру, а ишану Хакиму Ходже. Столь же уважительно относился к Хакиму Ходже и «устроитель Туркестанского края» – генерал-губернатор К. П. фон Кауфман.

Резиденция Хакима Ходжи находилась при медресе Иса Ходжа Казий. Казы-калян умер в Ташкенте примерно в 1877 году и был похоронен в старинном мазаре в махалле Казий-куча Сибзарской части старого города. Ни этой махалли, ни медресе, ни мазара в настоящее время не существует.

По новым законам, принятым в России для Туркестанского края, должность казы-каляна была упразднена, а в Ташкенте выбирались четыре независимых судьи – по числу старгородских районов.

Но сам суд казиев, судивших по шариату, сохранялся вплоть до революции.

Казием Сибзарской части избрали сына последнего ташкентского казы-каляна Мухитдина Ходжу. Это был известный общественный деятель Ташкента.

В числе почетных граждан Туркестана казий ездил в Россию на коронацию Александра III, был удостоен личного внимания императора и пожалован российским орденом св. Станислава III степени. Туркестанские генерал-губернаторы не раз награждали его почетными халатами и медалями. В 1891 году Мухитдин Ходжа получил орден св. Анны III степени.

Это был истинный интеллигент. Его гостеприимный дом в старом городе охотно посещали знаменитые путешественники: исследователи Средней Азии, министры российского правительства, приезжавшие в Ташкент, ученые-востоковеды. Мухитдин Ходжа находился в числе первых основателей знаменитого Туркестанского кружка любителей археологии (он был принят в число действительных членов 22 января 1896 года). Вот что писал он в своей статье, посвященной Туркестанской выставке 1890 года:

Сул казиев.
Фото В. А. Тресвятского. 1912 г.

«По предложению начальствующих лиц и я представил на выставку много книг редкого письма с золочением и рисунками, родословную и документы древних времен (так, например, в числе книг и документов есть рукописи, писанные 500–600 лет назад, а также родословная). И были они разложены в особом павильоне... Генерал-губернатор рассматривал книги и другие предметы и о каждой вещи предлагал вопросы, а я отвечал; спрашивал он и о родословной моего отца, и я дал ответ».

Об образе мыслей Мухитдина Ходжи можно судить, например, по следующим словам из его речи, сказанной 29 июля 1888 года на торжественном открытии восстановленной после землетрясения главной ташкентской Джума-мечети Ходжи Ахрара:

«Повсеместно на земном шаре и во все времена у образованных народов наиболее почитаются две вещи: одна из них – религия, а другая – знание, и каждый человек, оказывающий покровительство этим вещам, более высокой милости оказать нам не может...»

Известный «Туркестанский календарь» под редакцией В. В. Стратонова (Ташкент, 1904) сообщает нам: «Мухаммад Мухитдин Ходжа Хаким Ходжа Ишанов, казий г. Ташкента, скончался 30 марта 1902 года в Ташкенте».

Сын Мухитдина Ходжи Сейид Махмуд-хан в 1895 году поступил в Ташкентскую классическую гимназию и был первым узбеком, окончившим ее. До революции, как и отец, Сейид Махмуд-хан был избран казием Сибзарской части старого города Ташкента. Он стал таким же, как Мухитдин Ходжа, хранителем шариата...

Сколько лет нам твердили, что прошлое: все эти нормы шариата, деятели старой мусульманской науки – казии, ишаны – не заслуживают внимания современности! Но подлинная жизнь распоряжается иначе. И сегодня мы с уважением вспоминаем забытые имена выдающихся ташкентцев, которых с полным основанием можно называть Хранителями шариата. Хранителями с большой буквы.

От себя никак не убежать...

Рыгор БОРОДУЛИН

* * *

Учить не надо молодых,
Ни восхвалять,
Ни бить под дых,
Пусть думают,
Решают сами.

Делить не надо молодых
На серых,
Рыжих
И гнедых, —
Пускай бы были лишь с глазами,

Где дерзость, чистота, горенье,
Как будто в первый день творенья...

* * *

В короткой жизни стольким задолжать...
Но все живое — тлен в глазах эпохи,
Но все земные
Вдруг мельчают боги,
Лишь от себя
Никак не убежать.

В понятии земного мураша
Останется
Христом
Или Ярилой
Лишь тот, чья беспокойная душа
Чужую душу
Светом озарила.

Рыгор БОРОДУЛИН. Народный поэт Беларуси, эссеист, переводчик. Родился в Витебской области. Окончил филфак БГУ. Работал редактором в издательствах, газетах, журналах. Член Союза белорусских писателей и белорусского ПЕН-центра. В 2006 г. был номинирован на Нобелевскую премию в области литературы. Автор множества поэтических сборников, критических статей, эссе, переводов.

Убегала зима от весны

* * *

Убегала зима от весны
По кустам чернотала рогатым, —
Ей кафтан оборвали они,
И на ветках мотается вата.

Убегала зима от весны,
Убегала по рекам, озерам.
Лед забыл свои зимние сны,
Затрещал —
и вода на просторе.

Только звон ледохода затих —
Ищут брода березы-беглянки,
Поднимая на ветках своих,
Как спеленутых деток,
дуплянки.

А весна догоняла зиму;
Заяц мчится, синичек пугая,
Потому что на хвостик ему
Наступила зима, убегая.

Убегала зима от весны,
Голубыми каплями пела,
Растеряла на тропках лесных
Снег последний свой
в ландышах белых.
Убегала зима от весны —
Убегала...

* * *

В поле в разгаре весенний день.
Дорога, словно ладонь от оваций,
Горит —
И хочет в зеленую тень
Спрятаться,
Не отзываться...

* * *

Летом или зимой
Все стучат сквозь тревоги
Звонкие пятки дороги
Той,
Что бежит домой...

Мир задыхался от тепла.
Ступал я в твой горячий след.
Была весна,
И ты была.
Как снег, кипел вишневый цвет.

Не знал я ни измен,
Ни ссор.
Созвездий распознал секрет.
Твой смех звенел,
Яснел твой взор
Весенний,
Как вишневый цвет.

Но осень наползет скорбья.
Лист желтый — в забытые билет.
Я звал весну,
Я звал тебя.
Как снег, опал
Вишневый цвет...

* * *

Ливень лету надломил плечо,
И надлом зеленой болью ноет.
Ну а лето —
Девочка еще —
Примеряет платье водяное.

В каплях платья отразился страх,
Сладость самой затаенной веры,
Смех,
Что остывает на губах,
Старых комнат
Запертые двери.

Ключ найти
И двери отворить,
В комнату войти...
Волшебник старый,
Словно в сказке,
Чудо сотворит,
Так,
Что чуб у ливня реже станет.

Перевод с белорусского Геннадия АВЛАСЕНКО.

ГЛЯДИТ ДУША В ГЛАЗА ТЕБЕ...

Жизнь народного поэта Беларуси Рыгора Бородулина – это десятки книг стихотворений и поэм, что увидели свет на белорусском, русском и многих других языках. А еще – тысячи строк переводов шедевров мировой поэзии на белорусский язык.

...Стремительно ворвавшись в белорусскую поэзию в 50-е годы XX века, Рыгор Бородулин более шестидесяти лет заставлял профессионалов и начинающих литераторов равняться на высокий уровень его поэтического мастерства, заставлял сверять эстетические убеждения с его формами и формулами. Иногда (чаще говорится это без злого умысла, а по причине непонимания высокой творческой планиды мастера) приходилось слышать незамысловатые читательские упреки: «И снова у Бородулина ничего не понять...» Как раз-то все и понятно:

*Прикоснись –
И, светясь,
Зазвучит
Слово в речи –
Как листья в кроне.
Напоили славянства ключи
Белорусских речений корни.*

Эти строчки – из стихотворения «Андрею Вознесенскому», написанного в 1974 году, – посвящение великому русскому поэту XX века – своего рода поэтический манифест Рыгора Бородулина. Из этого же стихотворения:

*Глазу острому –
Острый топор,
Только б шепки летели – т р э с к и .
Под корою веков –
До сих пор
Языков наших корни,
Как фрески.*

Бородулинская строка – даже в случае усложненной ее конструкции – обладает высокой степенью понятности и силы. Замечательный российский литературный критик Алла Марченко отмечала: «Есенин считал, что задача поэта не золотить заповедное слово, а дать ему возможность “проклянуться” из сердца самого себя птенцом». Рыгор Бородулин предложил более современный способ «реконструкции», но цель одна: отыскать ключ души народной и сохранить живое для живых, не уподобиться коллекционерам от искусства, собирателям словесной мертвечины. Больше того, плотник, вооруженный острым топором перед заросшими корой и коростой веков «языческими фресками», – это еще и воплощение, вернее, олицетворение не только живого, но свободного, не музейного отношения к ценностям! Впрочем,

для Бородулина те элементы «поэтических воззрений славян на природу», что сохранились еще в его Ушачах, на севере Беларуси, в Витебской области, никогда и не были «музейным добром», но всегда – живой жизнью, однако жизнью такого рода, которая, как и заповедная Беловежа, нуждается в Красной книге.

Алла Марченко вспомнила Красную книгу совсем не случайно. Рыгор Бородулин, выстраивая свое поэтическое мироздание, взял природный «сюжет» за основу, главный свой фундамент. Поэтому и органическими, понятными кажутся такие слова: «Я прислушался: сквозь меня проросла Беловежа».

Причем природа изначально обрела в его поэзии широту, выходящую за страницы нашего традиционного понимания существа Красной книги. «Природная» основа и в стихотворении Рыгора Бородулина «О моем языке»:

*Когда слово мое
Вольется в людской океан,
Оно на себя примет
Роль ручейка в Гольфстриме, –
И будет мне сердце греть
Возрождаемое снова и снова
Мое вековечное
Белорусское слово!*

...Мощность поэтического таланта Рыгора Бородулина особенно ярко проявилась в его лирике, посвященной войне. «Палату минеров» (стихотворение, написанное в 25 лет!) можно смело и сегодня включать в антологию произведений не просто об Отечественной, не просто о Второй мировой войне, а в антивоенную поэтическую антологию народов мира. В антологию, которая ярким поэтическим словом будет голосовать против войн во Вьетнаме и Афганистане, в странах Азии и Африки, против войн на Балканах и в Чечне...

*Ровесник мне руку свою подает.
О порох и марганец, впившийся в поры!
Культяпку пожму,
И тревожно дохнет
Районной больницей,
Палатой «минеров».
Катились на запад и пламя, и гром,
А мы еще в «наших» и «немцев» играли,
А мины таились под каждым кустом
И детские игры всерьез обрывали.*

Стихотворения о войне, увиденной и осознанной по-своему, привели Рыгора Бородулина к двум поэмам, что стоят, пожалуй, отдельно, выделяясь своим двуединством и общностью. Речь о «Блокаде» и «Балладе Брестской крепости». По словам Аллы Марченко, «"Баллада Брестской крепости" звучит так, будто написана очевидцем...»

От маленьких Ушач через БЛОКАДУ и память о БРЕСТЕ, вперед и вперед, шел Народный поэт Беларуси Рыгор Бородулин по пути, который открывал

перед поэтом все новые и новые перспективы высокой гражданственности. Сегодня уже нет с нами поэта Рыгора Бородулина – ушел из жизни в 2014, не дотянув до 80-летия... Но он по-прежнему идет впереди. За плечами – многогранная поэтическая судьба. Книги и книги. «Молодой месяц над степью» («Маладзік над стэпам», первая, рождением из 1959 года, привезенная в общем-то из целинной командировки в Казахстан), «Зеленеть, цвести, налижаться», «Нагбом», «Неруш», «Адам и Ева», «Линия перемены дат», «Возвращение в первый снег», «Праздник пчелы», «Амплитуда смелости», «Суровый выговор», «Апрель», «Мех серых, мех белых», «Экзамен», «Ай! Не буду! Не хочу!...» Издано четырехтомное собрание избранных произведений. Лирика, поэмы, стихотворения, адресованные детям, сатира, юмор, записи и обработка произведений родного ушачского фольклора...

Поэзия Бородулина звучит на польском, болгарском, чешском, словацком, испанском, туркменском, калмыцком, украинском и множестве других языков.

Рыгор Бородулин тоже много переводил на белорусский язык: произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама, Сергея Есенина, Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Марка Шагала, Пабло Неруды, Николаса Гильена, Адама Мицкевича, Стефана Паптоненева, Ду Фу, Ли Бо, Ивана Драча, Каюма Тангрыкулиева, Карлоса Шермана, Ганада Чарказяна... Настоящая библиотека поэзии! Библиотека, созданная, сформированная одним автором, талант, широта и многогранность творчества которого не могут не поражать, не могут не удивлять. Кстати, и сегодня, уже после смерти Народного поэта Беларуси, его переводы продолжают переиздаваться.

Алесь КАРЛЮКЕВИЧ,
член Союза писателей Беларуси,
Вероника КАРЛЮКЕВИЧ,
литературовед, переводчик

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Рассказ

Мунира БАБАЯРОВА

Из многочисленных родственников сильнее всех любила тетя Оля племянника Илюшу. Она учила его читать, неустанно выискивала в нем таланты, устраивала у себя на даче детские праздники с его участием. Он был первым слушателем ее рассказов для детей.

Со временем знаменитая детская писательница провозгласила его своим преемником, излив на него весь запас любви своего несостоявшегося материнства, коего хватало и на всех местных кошек и собак.

Доброта гостеприимной хозяйки была безгранична, ее внезапный уход для всех стал горестной неожиданностью.

Дачу она завешала своему любимцу, о чем задолго предупредила родных. И теперь Илья, новый хозяин, гнал на машине за город, чтобы осмотреть наследство.

Учеба в институте... друзья и подружки... он уже и не помнил, когда в последний раз был на даче.

Остановившись у старых ворот, молодой мужчина, не торопясь выходить из машины, задумался. Нахлынули воспоминания... Самые счастливые детские годы прошли здесь.

У забора сидел мохнатый пес, он гавкнул на незнакомца, поднялся и убежал.

«Совсем старым стал Шарик, не узнал меня», – подумал Илья, но звать пса не стал. Раскрыл ворота и увидел кинувшихся в разные стороны кошек. Тетины питомцы все еще ждали свою добрую хозяйку.

Дом встретил нового хозяина непривычной тишиной.

Солнце стояло в зените, когда Илья, оглядев дом и участок, прикидывая примерную стоимость «наследства», начал разбирать содержимое большого письменного стола.

В ящиках вперемешку были набросаны стихи, эскизы к декорациям, детские рисунки. В самом нижнем он нашел две папки. В одной – файлы с рассказами, во второй, толстой, судя по всему, роман. Выбрав самую тоненькую файловую папку, он прочитал: «Первое свидание», – и улыбнулся.

Он ни разу не слышал, чтобы у тети, маленькой, полной, курносой, веснушчатой, был с кем-нибудь роман.

«Наверное, что-нибудь ранее», – подумал он, пробегая глазами по печатным строчкам.

Мунира БАБАЯРОВА. Родилась в 1960 г. в Ташкенте. Окончила УзГИФК. Работала в профсоюзных ДСО, в системе автотранспорта и связи. Публиковалась в газете «Леди». В «Звезде Востока» публикуется впервые.

«Эта история произошла, когда мне едва исполнилось восемнадцать лет. Впервые увидев Павла Васильевича на литературном вечере, я почему-то подумала: «Наверное, таким был гоголевский Манилов в старости.»

Мы с подругой с любопытством разглядывали живую легенду – одного из лучших знатоков русской литературы серебряного века, который энергично вошел в распахнутые двери дома литераторов. Ему было за шестьдесят, но назвать его стариком язык не поворачивался. Моему дедушке было столько же – он давно уже больной, капризный и ворчливый. А этот держался молодцом.

Довольно высокий, подтянутый, живой. Выющиеся седые волосы живописно окаймляли его прекрасное лицо. Высокий лоб, прямой нос. Его большие выразительные глаза живо поглядывали на присутствующих из-под тонких бровей.

Отовсюду слышались приветствия:

– Павел Васильевич, добро пожаловать...

– Мы рады вас видеть!

– Идемте к нам... милости просим...

Он успевал подойти к каждой группе гостей, раскланяться, кому-то послать воздушный поцелуй, полными губами приложиться к женским ручкам. Почтенные дамы в шляпках млели от его комплиментов и лучезарной улыбки, которой он щедро одаривал всех.

Мы с подругой переглянулись и тихо захихикали: «душка», «любимец публики и женщин», «волшебник».

Но настоящее волшебство началось, когда после церемонии открытия вечера, перечисления регалий гостя ему, наконец, предоставили слово, и мы услышали его голос – негромкий, чуть приглушенный, но с такими переливами интонаций! Он читал Гумилева, знаменитого «Жирафа». Это стихотворение я знала наизусть, но в наступившей тишине слушала заворуженно, словно впервые.

Взор его был устремлен вперед, поверх наших голов. В глазах отражались все оттенки грусти, восхищение автором и признание того, что так написать дано не каждому.

Павел Васильевич был великолепен. Впрочем, как всегда. Сколько нам потом приходилось слышать исполнителей, никто так самозабвенно не сливался с читаемым текстом. Никаких излишеств, дешевого артистизма, желания произвести эффект, привлечь внимание к своей особе – нет ничего такого... только волшебные слова автора, его чувства, образы и тонкая душа чтеца.

В эти мгновения в него действительно можно было влюбиться.

Я несколько дней ходила под впечатлением от встречи. Его выступления собирали полные залы. Приходили старые знакомые, студенты, бывшие студенты уже со своими детьми. Всех поражали обширные познания мэтра и восхищала щедрость, с которой он ими делился.

Тогда я даже вообразить не могла, что наше знакомство продолжится.

Увлеченная бурными событиями и новшествами, молодежь здесь по большей части все-таки не задерживалась, растекаясь по всевозможным новомодным клубам. Переметнулась и моя подруга, с которой мы делили съемную комнату. А я оказалась среди тех, кто остался верен истинной поэзии, чем расположила к себе организаторов литературных вечеров.

Мне стали давать кое-какие поручения, включать в списки выступающих чтецов. Время от времени мы пересекались с мэтром, и я уже хвасталась подруге, что сегодня сам Павел Васильевич поцеловал мне ручку. Находясь рядом с такими людьми, нельзя было не заняться каким-нибудь сочинительством или хотя бы попытаться, как мне казалось.

И вот, когда наше знакомство переросло в приятельские отношения, после очередной встречи, набравшись смелости и дождавшись, когда Павел Васильевич останется один, я попросила его почитать мое первое сочинение.

Это был небольшой рассказ из студенческой жизни. Немного игривый и смешной вроде. Во всяком случае, моя подруга с ее новым другом оценили...

Павел Васильевич слегка удивился моей просьбе, но, как человек воспитанный, не стал ссылаться на свою занятость. Скользнув взглядом по небольшому тексту, согласился послушать меня тут же, присев в первом ряду.

Я смутилась, так как читать была не готова, думала, что он возьмет рукопись с собой. Но отступать было поздно. И, собравшись с духом, начала читать текст. К моему удивлению, мэтр не смеялся – наоборот, хмурился и наконец громко отчитал:

– Если вам не терпится продемонстрировать свое нижнее белье, это ваше личное дело! Вряд ли это интересно окружающим.

Его слова словно ошпарили меня. Какое еще “бельё”, о чем это он?

Стыд... нет! Позор!

“Дура, какая же я дура! – бежала я в тот день домой. – Как я могла?”

Подруга весь вечер меня успокаивала, называя Павла Васильевича стариком, маразматиком, который уже позабыл, что сам был молодым. Утром пришел ее друг. Сильно сомневаясь в кристальной непорочности мэтра, обозвал его ханжой. Отчего мне стало еще хуже. Мнением друзей я не дорожила, и продолжала себя корить: “Нет мне оправдания, я оскорбила дорогого друга чем-то недостойным, пошлым. Как теперь посмотрю ему в глаза при встрече?.. Он такой чистый, благородный, никогда ничего не позволял себе в отличие от некоторых...” – тут я вспомнила про Александра Кузьмича. Поэта и его друга. Вот кто мне нужен!

В следующую минуту я уже бежала к станции метро. Признанный поэт, от которого частенько попахивало перегаром, был, как это часто случается, полной противоположностью своему другу. Неопратно одетый лысоватый толстяк, смешливый хохотун, позволяющий себе подержаться за женский локоток и не только... Но при этом с такой гримасой на лице, что, заметив это, невозможно было не рассмеяться. Он и сам смеялся над собой. А еще подшучивал над моей затянувшейся целомудренностью, предупреждал, указывая на двух активисток клуба, что так вот и можно превратиться в одну из них, хронических старых дев... Учил, что юным девам надобно прежде любить поэтов, а потом уж их стихи...

Стихи Александра Кузьмича, особенно ранние, которые ему и принесли славу, нравились всем. Но теперь одни злословили, что он исписался, другие – что испился. Я так не считала. Его имя часто мелькало в периодической печати и поэтических сборниках. А когда мешковатая фигура в неизменном коричневом пиджаке появлялась на горизонте, я уже готова была посмеяться над его новым приключением, наполовину выдуманным, как правило, или над двусмысленным анекдотом. В присутствии мэтра это, конечно, было невозможно.

Я знала, где живет Кузьмич. Слава Богу, он был дома и абсолютно трезв. Прильнув к его полному плечу, обливаясь слезами, я рассказала про свой позор.

Ничего не понимая, он обеспокоенно водрузил очки на нос и углубился в чтение.

– Пф-ф-ф! Вот дуреха-то, напугала меня, – благодушно протянул он смятые листы и стал утешать, глядя на меня поверх очков: – Ну все, ласточка, успокойся! Нашла к кому идти... Яичницу будешь?

– Нет.

– А я буду, – выразительно продолжал смотреть он.

– Пожарить?

– Ну а ты как думала? – уселся он поудобнее в кресло. – Сваргань еще что-нибудь, как в прошлый раз.

В прошлый раз, я помню, впервые войдя в холостяцкую обитель поэта, едва оправившись от шока, я решила, что не уйду, пока не наведу хоть какой-то порядок. Уговаривать хозяина не пришлось, потому что Кузьмич быстро сообразил, кто попал к нему в сети, и не торопился расставаться. Я вытряхнула из всех пепельниц окурки, собрала разбросанные полотенца и вещи, вытерла пыль и уже хотела уйти, но не тут-то было! Сделав брови домиком и печально опустив глазки, поэт пожаловался, что давно забыл вкус домашнего обеда. Я растрогалась и пошла на кухню.

Пока варилась курица, перемыла всю посуду, выгребла из холодильника залежи продуктов, половину из которых можно было уже выбросить, нарезала салат, слушая рассказы хозяина про то, как он одинок, живет скромно, всеми брошенный. Вот если бы я сделала блинчики, они бы скрасили его существование. Тут же, словно “рояль в кустах”, нашлась банка сгущенки, и мне пришлось простоять у плиты еще час. Стало темнеть, и, пожалуй, это сыграло решающую роль в том, что хозяин воспрял духом: в конце концов, все не так уж и плохо, жизнь продолжается...

В тот день я ушла уставшая, но довольная тем, что помогла знаменитому поэту и милому старику.

Сейчас же я зашла на кухню успокоенная, почти счастливая, облегченно вздохнув и настроившись на блинчики, без которых, как уже знала, меня не выпустят.

Вернувшись домой, я радостно сообщила друзьям, что рассказ мой совсем не аморальный, и, если над ним чуть-чуть поработать, получится очень даже неплохо для первого раза...

– А про Павла Васильевича Кузьмич сказал, что тот всю жизнь просидел под юбкой жены, которая полгода назад умерла.

– Ну вот, а ты переживала, – улыбнулась подруга. – А, кстати, если этот Павел Васильевич так уж хорош, что же сам ничего не сочиняет?!

“Действительно, – подумала я, – при его-то знаниях!”

Но, когда я спросила об этом Кузьмича, тот чуть не поперхнулся и очень серьезно предупредил, чтобы я не вздумала заговаривать об этом с мэтром, спрашивать его о чем-то...

– Хорошо, хорошо, – тут же заверила я поэта, понимая, что затронула болезную тему.

Так вот в чем секрет этой безграничной грусти в голосе мэтра!..

А дальше... может быть, добряк Александр Кузьмич посодействовал, или мне показалось... Неожиданно позвонил сам Павел Васильевич. У него скопился материал для лекций, который необходимо было напечатать. Раньше всем занималась супруга, а теперь вот, мол, некому.

Я с радостью согласилась, и мы назначили встречу.

– Ему тоже блинчики печь будешь? – пошутила подруга, наблюдая за тем, как я старательно верчусь перед зеркалом.

– С ума сошла? Это же Павел Васильевич! – я закатила глаза.

У подруги уже был парень, и не один, она бегала на свидания, а я еще ни разу... Но я не завидовала, потому что знала, с какими недоумками она общается. Не то что я – с самим Мэтром. Мне хотелось выглядеть достойно, и я выбирала наряд.

Вглядываясь в свое отражение, круглое лицо в веснушках, я не находила ни одного подтверждения эпитетам, которыми мой высокий друг щедро меня осыпал. Впрочем, “богиней утренней зари” он называл многих! Тем не менее я посчитала, что сегодня выгляжу довольно привлекательно.

Чтобы не опоздать на свидание, вышла из дома пораньше.

Кирпичный дом старой постройки в тихом месте в самом центре города. Фасад дома скрывал разросшийся по его стенам зеленый плющ, подстриженный над окнами.

“О, недаром я все утро потратила, собираясь на встречу”, – подумала я, когда консьержка, внимательно оглядев меня, тут же пропустила. Ступив на ступеньку широкой лестницы, я увидела, что со стены, на которой висело большое зеркало, на меня смотрит хорошенькая раздумывавшаяся девушка с оживленно приподнятыми бровями и сияющими глазами.

“Как же мне идет розовое”, – побежала я, придерживая скользящий шелк нового платья.

У раскрытой двери меня уже поджидал улыбающийся мэтр, галантно приглашая в дом.

Да, именно такой я представляла его обитель. Вернее, покои. Высокие потолки, солидная мебель, обитые шелком стены. Окна прикрывали темные с изысканным рисунком шторы. Картины в массивных рамах, все остальное в просторной гостиной, куда меня завел хозяин, светилося достоинством и благородством.

Павел Васильевич церемонно усадил меня в широкое кресло и предложил чай. Я смущенно отказалась, выразив готовность сразу приняться за работу. Он согласно кивнул:

– ...И жить торопится, и чувствовать спешит...

Я была рада тому, что он ведет себя так, будто не было той ужасной сцены с моим литературным дебютом. Мы перешли в комнату поменьше, судя по всему, его кабинет. Обстановка здесь была более современная: удобный письменный стол с хорошим освещением, компьютер, готовый к работе. Я быстро освоилась и склонилась над текстом. К большому удовольствию Павла Васильевича, диктовать ему пришлось только в самом начале, дальше я уже сама разбирала крупный аккуратный почерк.

Автор прохаживался по комнате, с готовностью подсказывал непонятное, несколько раз выходил, повторяя при этом, как ему повезло, что встретил такую помощницу. А я старалась и была на седьмом небе от счастья, чувствуя свою причастность к чему-то значительному, великому. Мы сделали небольшой перерыв, хотелось немного отдохнуть, но вскоре, отказавшись от чая, я вновь принялась за работу.

Похоже, и сам хозяин устал. Решили – на сегодня хватит. Пока допечатывалась последняя страница, он объявил, что без чая меня не отпустит, и ушел на кухню.

Я потянулась, откинулась на спинку стула и стала оглядывать комнату. Небольшой диван мягко раскинулся у стены напротив, словно приглашая в свои объятия. Растянуться бы сейчас на нем! Светящийся монитор напомнил о себе. Наверное, уже можно выключить компьютер.

Не совсем осознавая, что происходит, я машинально прошла по клавишам. На мониторе побежали эротические картинки: грудастые девицы в призывных позах, негритянка с белокожим, потом наоборот, дальше больше...

Отвратительнее зрелища представить было невозможно. Я почти физически ощутила что-то скользкое, омерзительное, обволакивающее все вокруг. Я брезгливо нажала на клавишу и обернулась. В дверях стоял застывший мэтр, впившись в меня глазами, словно гипнотизер. Голова его медленно наклонилась вперед и влево, морщинистое веко прикрыло глаз. Дряблые щеки, подбородок, все черты белого, как у мертвеца, лица словно стекали в одну сторону, и только черная точка правого зрачка уставилась на меня, как дуло пистолета.

В этот миг сердце мое перестало биться. Не произнеся ни слова, схватив сумочку, я бросилась вон из квартиры.

Спускаясь, вновь увидела свое отражение в зеркале. Остановившийся взгляд, серьезное, вдруг повзрослевшее лицо, словно прошло не несколько часов, а несколько лет.

Ноги сами привели меня к Александру Кузьмичу, хотелось разобраться в собственных чувствах, выйти из этого шокового состояния.

Но я сразу поняла, что пришла не вовремя. Хозяин пил, и ему было не до меня. Я отказалась от приглашения выпить, топчась в коридоре и собираясь уйти. "Может, это и к лучшему? Никому ничего не надо рассказывать..."

Кузьмич не останавливал меня.

Оглянувшись на прощание, я увидела Ее. Музу. Она сидела в кресле у окна и поигрывала бахромой на старой занавеске. Бросив на меня холодный, из-учающий взгляд, капризно отвернулась. Я поняла, что задерживаю поэта, и поторопилась распрощаться, хотя ужасно хотелось хорошенько разглядеть Ее, прекрасную, как, наверное, надо было бы назвать гостью. Но какая-то сила не позволила мне задержаться. И я поняла: это она. Она не желает.

Это было мое первое свидание. Свидание с Музой. Тогда оно спасло меня, помогло пережить первые юношеские разочарования. На улице я оказалась с уже совершенно иными мыслями и чувствами. Сердце билось ровно, будто приняв хорошую дозу успокоительного.

Тихо зашептал дождь, я шагала по мокрому асфальту, наблюдая отражение освещенных окон и витрин магазинов. Словно в черно-белом старом кино: молодой красавец устраивается, договаривается, крутится и не замечает, кто стоит под его окном, собираясь посетить его. Павел Васильевич был женат на дочери очень влиятельного в свое время человека.

Можно было понять, почему Муза отказалась от просторов дома мэтра и прилетела сюда, в холостяцкую клетушку. Сидит в старом кресле, листая запыленные журналы. Она не простила мэтру, что он пренебрег ею в юности...

Мое разыгравшееся воображение рисовало картины раскаяния молодого человека. Сколько было неудачных попыток завладеть тобой, Муза! Бедный Павел Васильевич призывал, клялся, увещевал, отчаивался, ненавидел, угрожал, умолял... с годами все безуспешнее. Выстраданное смирение.

Дождь набирал силу, разгоняя прохожих.

"А как же тогда Кузьмич? – рассуждала я, не замечая холодных брызг. – Кузьмич, который, войдя в запой, крыл матом всех и вся. Ему она все прощает?"

Вот тогда-то я поняла, как строга и капризна в своем выборе Муза, а утверждение, что она выбирает наидостойнейшего – выдумка поэтов. Нет ориентиров и критериев, кого посетить, а над кем так ни разу и не сжалиться. Никто не знает, что влечет своенравную волшебницу к полотну художника или к белому листу бумаги, чем она ведома, когда перебирает ноты композитора. Никто не знает, никто...

На этом рукопись закончилась. «Неплохой рассказ, – подумал Илья, – хотя совсем не в стиле тети. Почему она его не опубликовала? Наверное, потому что герой мог быть узнаваемым, – догадался он, пытаясь выудить из детских воспоминаний, кто мог походить на Павла Васильевича. – Тетя Оля всегда боялась кого-нибудь обидеть. Возможно, поэтому и стала детской писательницей. Всю жизнь писала про каких-то цыплят-голубят, шарики-игрушки. Доброта выражается по-разному: горячим участием или вот так – неопубликованным рассказом».

Крик птицы за окном вывел наследника из задумчивости. Он раскрыл толстую папку с романом, но, взглянув на часы, захлопнул и безразлично бросил на стол.

КОРИФЕЙ МУЗЫКОВЕДЕНИЯ

Татьяна СЕДЫХ

Тухтасинбек Гафурбеков, заслуженный деятель искусств Узбекистана, доктор искусствоведения, профессор Государственной консерватории Узбекистана, член правления Союза композиторов и бастакоров Узбекистана, – крупнейший учёный с мировым именем, отличающийся уникальной эрудицией, корифей современной узбекской музыкальной культуры. За огромный вклад в музыкальную культуру и укрепление международного сотрудничества во имя мира и прогресса он удостоен ордена «Эл-юрт хурмати».

Позиция учёного относительно путей национального возрождения ясно высвечивается в его научных трудах, учебниках и учебных пособиях, методических статьях, лекциях, выступлениях на научно-практических конференциях, в интервью и беседах. Т. Гафурбеков исследует теоретические вопросы фольклористики, современного функционирования и развития народных традиций. Им разработаны терминология и понятийный аппарат в науке: изустно-профессиональное творчество, монообработка, интонационное самовыражение, «эстрадизация» узбекского фольклора, полимонодия.

Кандидатская диссертация «О фольклорных истоках узбекского профессионального музыкального творчества» (Ленинград, 1977) и докторская «Творческие ресурсы национальной монодии и их преломление в узбекской советской музыке» (Москва, 1989) – фундаментальные труды Гафурбекова. Они имеют важное методологическое значение в научно-исследовательской и музыкально-образовательной областях гуманитарных знаний, актуальны и востребованы сегодня, представляя собой комплексное исследование проблем эстетических, исторических, теоретических, творческих и практических.

Гафурбеков выявил глубинные связи закономерностей народного музыкального мышления, которые постигали узбекские композиторы и на которые они опираются в своем творчестве. По мнению Т. Гафурбекова, народное искусство является важнейшим источником обновления профессионального музыкального творчества, «золотые зерна народной музыки дают совершенные победы, когда к ним прикасается рука художника с утончённым вкусом и творческой фантазией, большим интеллектом и

Татьяна СЕДЫХ. Родилась в Ташкенте. Окончила ГКУз им. Мухтара Ашрафи по классу фортепиано, доцент ГКУз им. Мухтара Ашрафи. Автор ряда научных и методических статей в республиканских и зарубежных изданиях.

профессиональным мастерством». Раскрыв неисчерпаемые возможности национальной монодии и методы претворения, инноватику и технологию композиторских подходов и индивидуальных решений, Т. Гафурбеков рассматривает ее мобильные ресурсы в своей работе «Творческие ресурсы национальной монодии и их преломление в узбекской советской музыке». Материалы кандидатской и докторской диссертаций Гафурбекова применяются на всех уровнях научной практики и образовательного процесса как в Узбекистане, так и за рубежом.

В работе «"Эстрадизация" узбекского фольклора: pro et contra» (2003) после широкомасштабного экскурса Т. Гафурбеков чётко формулирует перечень факторов, которые логично выстраиваются им в последовательность проблем, и предлагает классификацию, базирующуюся на историческом опыте развития певческого искусства. Как её логическое продолжение даётся критический анализ сложившейся ситуации в современном эстрадном искусстве Узбекистана. Соединяются критические и рекомендательные элементы, придающие ей значимость и весомость. Особенно для молодых музыковедов, которым необходима чёткая и ясная ориентация в научной практике, выработке правильных идейных позиций.

Т. Гафурбеков справедливо считает, что глубокое изучение исконных ценностей, традиций, культуры, народной духовности лежит в основе формирования гармонично развитой личности и требует в курсах музыкально-исторических дисциплин глубокого и пристального изучения музыки, нотных партитур, аудио- и видеозаписей тех произведений, о которых студенты читают в учебниках.

Тухтасинбек Батырович любит повторять: «Студент не сосуд, который надо наполнить знаниями, а факел, который надлежит зажечь педагогу». И на протяжении всех лет своей педагогической деятельности он проявляет редкостный педагогический дар зажигать факел мысли у молодёжи.

Сам, будучи человеком сильной воли, целеустремлённым и настойчивым, основываясь на исторических реалиях, убеждённо придерживаясь стратегии национального возрождения, обладая мощным идеологическим иммунитетом, Т. Гафурбеков являет собой духовно-нравственный эталон человеческой личности, чья идейно-творческая позиция и многогранная деятельность могут служить не только примером бескорыстной преданности своему народу, но и подвигом великого труженика на благо развития узбекской национальной культуры во славу будущего.

ТИГРИЦА

Рассказ

Муртас КАЖГАЛЕЕВ

Я сидел в асане на балконе и напевал незамысловатую мелодию, когда зазвонил телефон. День шёл на убыль, все вокруг умиротворённо дышало весной. В это время молодая эффектная дама летящей походкой впорхнула в ворота отеля и через минуту появилась у распахнутой двери моего номера. Её лицо, раскрасневшееся от быстрой ходьбы, выражало беспокойство, постепенно переходящее в решительность.

– Привет, красавица, – приятно встретить под вечер столь неожиданную гостью. – Какой ураган тебя принёс?

– Здравствуйте, Профессор, – она смущённо улыбнулась и сказала: – Я хочу вернуться. Вы мне поможете?

Девушка, по прозвищу Тигрица, стояла в метре от меня, глядя в глаза долгим пронизывающим взглядом. Пространство большой комнаты старой гостиницы заполнили женские запахи. Сразу отвечать Тигрице не хотелось, и я стал смотреть на розовеющую от поцелуя вечернего солнца снежную вершину.

Молодая женщина умела говорить с мужчинами. Она просила о помощи так, будто оказывала королевскую услугу.

К сожалению, я слишком хорошо ее знал, чтобы сразу согласиться. Когда-то энергия и оптимизм юности поддерживали во мне безумную веру в грядущие успехи подопечных. Но жизнь научила смотреть на молодые таланты через бронированные стёкла неверия. Вчерашние дети казались милыми дохлячками – оттого, возможно, что и сам я не был гигантом. И, хотя полная авантюризма и надежд молодость часто служит предметом ностальгических воспоминаний моих друзей, их приключений не хватит даже на женский роман.

Как только Тигрица зашла в номер, я снова почувствовал это пламя, эту неодолимую жажду успеха, как в нашу первую встречу много лет назад. Но о чём она? Вернуться в шахматы? Сейчас, с маленькими детьми, беспокойным мужем и бизнесом, доставшимся по наследству от родителей и довольно активно развивающимся в последнее время?

В жизни шахматиста – и чем выше его уровень, тем сильнее – присутствует момент наркотического опьянения, вызывающий своего рода катарсис. Перед партией все мысли поглощены страхом перед игрой и соперником,

Муртас КАЖГАЛЕЕВ. Родился в 1973 г. в Уральске (Казахстан). Международный гроссмейстер по шахматам. Чемпион Азиатских Игр 2006 года в Катаре. Публиковался на сайте журнала «Эскавайр» и на российских шахматных сайтах ChessPro и Chess-News, в журнале «Звезда Востока» и альманахе «Междуречье». Живет в Ташкенте.

желаниями – от простейших до наполеоновских, – нетерпением начать игру. Всё вокруг: люди, предметы, разговоры – уходит на второй план. Со стороны не видно, но душа игрока витает далеко, в облаках приближающейся грозы.

Партия начинается. Проносится дебют, где противники избегают заготовленных ловушек. Фигуры выходят навстречу друг другу, как боксёры, то входя в клинч, то осыпая оппонентов ударами. Игра достигает кульминации: один из игроков бьёт из последних сил, другой замертво падает. Мир, существовавший для них двоих, навсегда исчезает. Интенсивная, насыщенная, с непредсказуемым сюжетом шахматная партия – идеальная жизнь в миниатюре – не будет давать покоя, затмит реальность, не позволит жить как «нормальные» люди. И через день, неделю, месяц в другом месте и при других обстоятельствах это состояние транса вернётся снова – как только начнётся новая партия.

Так, незримо для окружающих и неосознанно для самого себя, рождается шахматист. Не каждый, умело передвигающий пешки и разучивший какое-то число комбинаций и эндшпилей, становится шахматистом, как не всякий выпускник консерватории – музыкантом. Это как вера: или есть, или мимо.

Для людей, далёких от игры в шахматы, – нечто непонятное, пугающее своей сложностью, для начинающих – логическая задача со множеством неизвестных, но для мастеров восприятие игры выходит на совершенно иной уровень чувственности. Когда гроссмейстер делает решающий ход, он ошущает аромат розы...

Лет десять назад я начал заниматься с Тигрицей из любопытства, не веря в молодую шахматистку. Высокая, с короткой стильной стрижкой и лицом с обложки молодёжного журнала деятельная студентка из состоятельной семьи. Всё это прекрасно для карьеры и замужества, но абсолютно бесполезно для джунглей этого безжалостного интеллектуального спорта, где требуются годы беспросветного труда, пока придут серьёзные результаты. Возраст Тигрицы – девятнадцать лет – утро жизни, но приговор для шахмат. Кто не развил талант до первой серьёзной влюблённости и первого, всегда неловкого, поцелуя – опоздал навсегда.

Мы начали работать. Разумеется, я получил карт-бланш на всю её шахматную деятельность, но лишь несколько месяцев спустя мы заговорили на одном языке. Скрепленные магией древней игры, Профессор и Тигрица, как писали газеты, прожили четыре фантастических года безумной работы, громких побед и жесточайших разочарований. При всём желании девушка не могла стать послушной исполнительницей: проявлялся её бурный темперамент – и недели тренировок летели в тартарары. Ей никак не давались классические позиции Ферзевого гамбита, пробелы образования преодолевались с великим трудом.

Но время работало на нас. Снег моих знаний постепенно насыщал ее бурную горную реку. Игра шахматистки искрилась и вдохновляла куда больше собственной (чего ожидать от себя, я знал). Работа с девушкой создавала химию, которая напрочь отрицала математику: один плюс один давали три, а иногда – и четыре, и шесть... Мы упрямо двигались к недостижимому. Тигрица беззаботно верила, а я боялся думать – слишком высоко мы забрались.

А потом неожиданно, в одночасье, мы – бац! – и лопнули, как праздничный воздушный шарик. Реальная жизнь, от которой мы так долго и удачно прятались за забором черно-белых клеток, догнала, ударила, как сжатая пружина, и разлучила.

В следующие шесть лет Тигрица вышла замуж за обаятельного и глуповатого балагура-однокурсника, родила двух сыновей и занялась развитием семейного бизнеса. За неё нельзя было не радоваться. Клокочущая энергия, раздувавшая

огонь в безжизненных позициях на шахматной доске, проявлялась и в делах, заботах о детях и доме. Вот только в шахматах она всё чаще спотыкалась и падала. Парить подолгу не получалось – законы физики опускали на землю.

Я же, несколько лет назад перейдя пятидесятилетний рубеж, с головой ушёл в тот вариант буддизма, где созерцание и покой составляют главные радости жизни. С новыми учениками одержал несколько локальных побед и, удовлетворив остатки тщеславия, наконец, успокоился. Бытовых и финансовых трудностей не испытывал, жил комфортно и просто. Один семилетний ученик как-то нечаянно спросил:

– Вы правда гроссмейстер? Можно подумать, что кандидат в мастера. У вас даже еды в холодильнике нет!

Вместе с женой мы проводили долгие месяцы в горах, в индийских ашрамах, свободные от детей и прочих обязательств гражданского общества. Жизнь меня полностью устраивала.

И вот Тигрица – здесь, в отеле. Она хочет вернуться. Зачем?

– Зачем тебе это? У тебя ведь всё хорошо. Каприз?

– Да. – Она помолчала, что-то обдумывая. – Мне кажется, что в своё время я недоиграла. Не могу понять, но чего-то мне сильно не хватает. Хотя и семья замечательная, и новые увлечения, и хлопот достаточно.

– Я не смогу. Азарт борьбы мне уже неинтересен. За средой наступает четверг, но никак не вторник.

– Может, подумаете?

– Поздно. Я понимаю, что Игра тебя пока не отпускает, но это пройдёт.

– А когда я уйду из игры? – спросила девушка.

– Когда ожидание перестанет вызывать дрожь, это станет началом конца. Мастерство и опыт позволят держаться какое-то время, но это уже не игра – это доигрывание. Следом придёт равнодушие, и ни победы, ни поражения не будут вызывать сильных эмоций. Так работник офиса, не понимая убогости своего занятия, ежедневно ходит на службу и зачастую неплохо с ней справляется. Но тебе, красавица, до этого ещё да-ле-ко, – последнее слово я прои́знёс по слогам, чтобы не выдать собственной неуверенности.

– Спасибо за откровенность, Профессор. Жаль, что вы не хотите. – Усталость скользнула по молодому лицу.

– Не расстраивайся! Всё получится, раз ты хочешь, – уверенно сказал я, ни секунды не веря себе. – Пойдём лучше пить жасминовый чай.

Вскоре, попросившись с Тигрицей, я неожиданно заснул – поздно для снесты, рано для ночного сна. Проснулся в темноте, ночью. За открытым окном гремела гроза. Я сварил кофе и стал медленно потягивать, добавив в него коньяку. Вспоминал шахматистку и последний разговор, будто происходил он давно и с кем-то другим.

Дождь кончился, за окном посветлело. Вздмалось косыми лучами молодое солнце, кружили неизвестные птицы и о чём-то возбуждённо щебетали. Я смотрел на них и дивился своему покою и счастью.

Неделю спустя я сидел возбуждённый до крайности в полупустом вагоне скорого поезда, мчащегося на юг. Ночью меня осенило, что если заменить Ферзевый гамбит на Защиту Бенони, то можно решить многие проблемы Тигрицы. Прошлое настигло, и ни за какой буддизм на свете я не хотел его отпускать.

Алина Кутлучурина

КОМПОЗИТОРСКОЕ ТВОРЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ МОНОДИЙНОГО МЫШЛЕНИЯ

*...Монодия для современного Востока не этап,
который надо преодолеть на пути к многоголосию,
а самостоятельное, равнозначное с европейским искусство,
которое сохраняет эстетическую актуальность
своих исконных форм и в то же время
стимулирует рождение
новых, нетрадиционных.*

Н. Янов-Яновская

На современном этапе в композиторском творчестве Узбекистана наблюдается поиск новаторских идей и решений, неординарность в создании формы, а также формирование национального языка, национального стиля, национальной самобытности.

Что представляет собой сегодня узбекское композиторское творчество? Какие этапы развития прошла композиторская школа Узбекистана? Как развивается и существует композиторское творчество в контексте монодийного мышления? Отличаются ли современные сочинения композиторов республики национальным своеобразием?

Необходимо отметить, что под монодийным мышлением понимается мышление, сформировавшееся на базе устного творчества. В период зарождения и становления композиторских школ на Западе имелись две ветви – фольклорная и профессиональная, а на Востоке функционировали и функционируют три: фольклор, профессиональная музыка устной традиции и композиторское творчество (профессиональная музыка письменной традиции).

Проблема композиторского творчества в контексте монодийного мышления всегда находилась в центре внимания исследователей. Если в предыдущие этапы развития композиторского творчества главенствовал подход к традиционной музыке как своего рода материалу для создания тематизма композиторских сочинений (таким примером может служить макомная мелодия «Сегох», которая лежит в основе тематического материала в симфонии № 3 М. Таджиева, в симфонии № 5 Т. Курбанова, в симфонической поэме «Сегох»

Алина КУТЛУЧУРИНА. Родилась в 1991 г. в Ташкенте. Окончила Государственную консерваторию Узбекистана по специальности «музыковед-теоретик». Докторант ГКУз, работает над проблемами национального стиля, «национального мышления», «национальной самобытности» в композиторском творчестве.

С. Бабаева), то сейчас во главе угла – осмысление и отражение глубинных законов, составляющих ядро традиционного национального мышления. Н. Янов-Яновская отмечает: «Макомы, кюи, дестаны, куу, напевы бахши – это не сырье для композиторов, не мелодический материал, просящийся в композиторскую музыку, это самостоятельная система народно-национального художественного мышления, вбирающая вековой жизненный и эстетический опыт масс. И потому по мере своего роста композиторы стремятся увидеть не только фасад классического национального искусства, но и то, что за ним, – глубинные пласты самобытного национального миропонимания»¹. Однако в музыкознании проблема взаимодействия традиционной музыки и композиторского творчества не получила должного освещения. Работа Н. Янов-Яновской «Узбекская музыка и XX век» представляет несомненный интерес. Рассматривая проблему национальных традиций и современное композиторское творчество, автор отмечает этапы становления восточных композиторских школ. «Первая стадия связана с освоением языка многоголосия: поиск гармонии, фактуры, “выводимых из традиционного мелоса” (обработка монодийного напева как основная сфера приложения композиторских сил); вторая – познание закономерностей различных жанров. Проблема жанра отождествляется с проблемой формы, заимствованной из европейской практики как канон; третья – осознание жанра как такового, как типа содержания, естественное движение национальной “интонационной фабулы”».²

Сегодня в композиторском творчестве наблюдается новый этап в создании национального музыкального языка, связанный прежде всего с теми пластами традиционной музыки, которые были возрождены, архаические формы фольклора во взаимодействии их с новыми техниками композиции XX в. Е. Скурко отмечает: «Наиболее репрезентативными чертами неофольклоризма в национальных культурах бывшего СССР, как и в творчестве русских советских композиторов (Э. Денисов, Р. Леденев, Н. Сидельников, Б. Тищенко и др.), оказываются:

1) актуализация архаических форм фольклора и принципов раннефольклорного интонирования, расширение жанрового спектра фольклорных образов тематизма;

2) поиск путей взаимодействия, аналогия между лексическими принципами ФК (фольклорного канона) и ОЕМСК (общеевропейского музыкально-стилевого канона) XX века, представленного... хроматической тональностью, атональностью, додекафонно-серийной и репетитивной техниками;

3) возникновение на фольклорной основе новых типов тематизма, сопряженных с выдвиганием на первый план ритма, фактуры, регистра, тембра, динамики, разнообразных форм остиinato и др.;

4) работа по фольклорной модели».³

Как ни парадоксально, но именно эти слои традиционной музыки в значительной степени отвечают установкам новых композиторских техник письма в музыке XX века. В современной литературе этот этап развития национального композиторского письма получил название «неофольклоризм», он представлен творчеством А. Шнитке, А. Губайдулиной, Э. Денисова, И. Стравинского, Б. Бартока.

¹ Янов-Яновская Н. Узбекская музыка и XX век. Т., 2007, с. 74-75

² Там же, с. 69, 70.

³ Скурко Е. К проблеме интерпретации фольклора в современном композиторском творчестве. // Из панорамы музыкальной жизни России, с. 59.

Таким образом, в настоящее время в узбекском композиторском творчестве намечается тенденция взаимодействия (синтезирования) традиционных (монодийных) приемов музыкального мышления и новых техник письма музыки XX века, обусловленных бурным их развитием и сформировавших новое отношение к проблеме «национального».

Исследователь В. Джани-Заде, анализируя творчество К. Караева, отмечает, что одnogолосная музыка «обнаружила богатейшие интонационные и метrorитмические особенности», именно этим «можно объяснить все возрастающий интерес советских композиторов к созданию монодийских произведений».¹

Откликаясь на высказывание Джани-Заде, можно сказать, что и у узбекских композиторов есть огромный интерес к созданию сочинений, в которых отражен феномен монодии, а точнее, ее ресурсов (М. Бафоев «Соната – маком» для виолончели и фортепиано и цикл «Посвящение Тагору», «Соната в форме вариаций» Н. Гиясова, «Лакримоза» и «Импровизация и Токката» Д. Янов-Яновского, «Ильтижо» П. Медюляновой, «Музыка для гобоя и ударных» Н. Эркаева, «Акс Садо» и «Color update» Д. Шукурова, «Стены Древней Бухары» и «Мираж» Д. Сайдаминовой и др.). Что касается русских и зарубежных композиторов, то монодийное мышление весьма характерно для Г. Свиридова, В. Гаврилина, Г. Уствольской, Б. Тищенко, С. Слонимского, Ю. Буцко, К. Волкова, Р. Шедрина, В. Мартынова, А. Тертеряна, К. Штокхаузена.

Феномен монодии в целом и в контексте композиторского творчества всегда интересовал музыковедов-исследователей.

Под «монодией» понимается одна из систем музыкального мышления, на протяжении многих столетий представляющая собой целое художественное явление с богатейшим арсеналом выразительных средств и возможностей. Впервые в монодийном творчестве зародились и получили свое дальнейшее развитие базовые принципы музыкального искусства: например, осмыслен звук и его значимость, а также лад, мелодия и ритм.

Традиционная² монодия и отражение ее ресурсов в композиторском творчестве имеет много аспектов, которые можно развернуть в синхронном и диахронном параметрах.

Проблемы традиционной монодии рассматриваются в работах Х. Кушнарева, А. Коральского, Ю. Кона, Т. Вызго, С. Галицкой, А. Азимовой, О. Матякубова, В. Виноградова, Ю. Плахова, У. Гаджибекова, Т. Осиной, Е. Шмидта, Р. Штерна, Ч. Насыровой, С. Хисамовой, И. Кожабекова, К. Худабашян, Ф. Ульмасова, С. Фархадовой, А. Киваловой, Л. Вишневской, С. Матякубовой, Н. Янов-Яновской.

Х. С. Кушнарев в монографии «Вопросы истории и теории армянской монодийской музыки» так определяет монодию: «Монодия – музыкальное произведение, в образовании формы которого мелодическое начало выступает в качестве самодовлеющего»³.

Опираясь на эту дефиницию, С. П. Галицкая вводит своё понимание монодии. В работе «Монодия: проблемы теории» она отмечает: «...под монодией

¹ Джани-заде В. Об анализе национально-музыкального в советском композиторском творчестве. // Современные методы исследования в музыковедении. М., 1977, с. 33.

² Под традиционным искусством мы понимаем искусство, сформировавшееся на базе устного творчества. Традиционная музыка представлена фольклором, изустно-профессиональной музыкой (катта ашула, макомы) и творчеством бастакоров. [Абдуллаев Р. Узбекская традиционная музыка как часть современности // Узбекская музыка на стыке столетий (XX–XXI вв.): тенденции, проблемы. Т., 2008, с. 18.]

³ Кушнарев Х. С. Вопросы истории и теории армянской монодийской музыки. А., 1958, с. 3.

следует понимать не только каждое отдельное произведение соответствующего типа и их как бы арифметическую сумму, но и взятый целостно весь массив подобных произведений. Поэтому вполне возможно говорить о монодийном музыкально-художественном виде творчества, о *монодийном мышлении*¹. «Монодия – это понятие функционально-целостное, подразумевающее имманентное диффузное взаимопроникновение формально-структурных и функционально-содержательных, эстетических аспектов, принципиально множественное их взаимодействие».² Работа Галицкой – это первый в отечественном и зарубежном музыковедении труд, в котором формулируются базовые закономерности общей теории монодии, понимаемой широко, т. е. как *тип музыкального мышления*³.

Как тип музыкального мышления монодия рассматривается в исследовании азербайджанского музыковеда С. Т. Фархадовой: «Муга – монодия как тип мышления»⁴. В труде Фархадовой исследуются вопросы монодийной музыки как духовный фактор, по ее мнению, этот метод изучения создает предпосылку для более глубокого постижения сути монодии как явления, для формулировки ее значимости и роли в развитии азербайджанской музыкальной культуры.

Восточная монодия, определяемая не как тип мышления, а гораздо шире – как исторически сложившаяся, стилистически завершенная система музыкального мышления, рассматривается в работе Н. Янов-Яновской «Узбекская музыка и XX век»⁵. Ученый, сравнивая явление монодии с европейским многоголосием, приходит к выводу, что в условиях их взаимодействия зародились и получили развитие композиторские школы многих восточных республик. Н. Янов-Яновская акцентирует внимание на жизнестойкости монодийного пласта и пишет об идее сосуществования двух систем – монодии и многоголосия: «Традиционная монодия... не стала прошлым, она вошла в современную художественную жизнь как ее важнейшая составная часть, основа, фундамент. В восточных же культурах в силу иных исторических условий происходит не смена, а сосуществование старого и нового стилей в рамках национального искусства».⁶

Исследователь Л. А. Вишневецкая, пытаясь обобщить работы по монодийному искусству, в своей книге «Северокавказское вокальное многоголосие: типология певческих моделей» выделяет следующие принципы монодийного мышления: 1) принцип «повышенной неоднородности элементов» (С. Галицкая) на базе ограниченного и однородного круга интонационно-ритмических и ладовых средств; 2) специфичный тип интонирования в кругу мелодических структур узкого диапазона и «самоорганизация» на основе детализации, дифференциации и комбинаторики типовых попевок; 3) принцип варьирования как средство достижения «повышенной неоднородности элементов»; 4) фазовый тип раскрытия ладовой формы и ретроспективное осмысление ладового результата; 5) ладовая

¹ Галицкая С. П. Монодия: проблемы теории. М., 2013, с. 29.

² Там же, с. 35.

³ «Музыкальное мышление – сложный эмоциональный сенсорно-интеллектуальный процесс познания и оценки музыкального произведения», что, «по-видимому, послужило причиной того, что ни в музыковедении, ни в психологии и педагогике нет единого общепринятого термина для его обозначения ("интеллектуальное восприятие", "отражение человеком музыки", "освоение музыки" и т. д.). Наиболее адекватным представляется (...) термин "музыкальное восприятие-мышление" (В. В. Медушевский), который достаточно точно отражает специфику данного процесса в единстве его основных компонентов». См. об этом в: Музыкальная психология и психология музыкального образования. Теория и практика. Под редакцией Г. М. Цыпина. М., 2011.

⁴ Фархадова С. Т. Муга – монодия как тип мышления. Б., 2011.

⁵ Янов-Яновская Н. Узбекская музыка и XX век. Т., 2007, с. 5, 6.

⁶ Там же.

переменность на уровне функциональной градации опорно-устойчивой сферы лада; б) принцип координационного соподчинения элементов лада».¹

В монографии А. Н. Азимовой «Вопросы синтаксиса восточной монодии» предпринята попытка осмысления базовых сторон языка монодии: основополагающих единиц, организации и семантических параметров, а также комбинаторных свойств на примере традиционной музыки узбекского, каракалпакского и уйгурского народов.

Интересна монография Ю. Н. Плахова «Художественный канон в системе профессиональной восточной монодии», в которой рассматривается актуальная для музыковедения проблема художественного канона в системе восточной традиционной музыки, разработана каноничность в сферах содержания и структуры традиционной инструментальной музыки, исследована импровизация как форма реализации художественного канона средствами инструментальной монодии.

Названные труды внесли огромный вклад в изучение традиционного монодийного искусства, его теории и истории, его специфических свойств, в систематизацию некоторых принципов мышления, синтаксиса и семантики, а также художественного канона.

Рассматривая феномен монодии в современной музыке, следует отметить, что этой проблеме посвящено множество работ (И. Земцовский, Г. Головинский, Е. Скурко, Ю. Насырова, Т. Гафурбеков, Н. Шахназарова и др.).

Среди названных трудов базовыми являются работы Т. Гафурбекова Е. Теминой, М. Дрожжиной.

Каждый ученый предлагает свое видение и понимание монодии. Так, Т. С. Бершадская в «Лекциях по гармонии» рассматривает феномен монодии как одно из проявлений фактуры многоголосной музыки: «Монодический склад – склад принципиально одноголосный, в котором конструктивным элементом ткани является единичный тон, координируемый с другими тонами только в последовательности. Монодический склад получает очень широкое распространение в современной музыке. Тенденция к примату мелодии как организующего фактора, возникшая в XIX веке, естественным образом приводит к возрождению монодии – формы мышления, при которой мелодическое начало из ведущего фактора превращается в единственный»². Суждения Бершадской вполне убедительны и определяют роль монодического изложения в многоголосной музыке.

Монодия, определяемая как «модальная монодия», являющаяся типом лада, ладовой организацией, рассматривается в труде «Гармония. Теоретический курс» Ю. Н. Холопова: «Если взять всю музыку в целом, то окажется, что модальная монодия может быть признана количественно преобладающим типом лада, ладовой организации. Она свойственна древнегреческой музыке, древним восточным, африканским, европейским культурам, народной музыке всех стран, грегорианским мелодиям, древнерусским роспевам, а также – в составе многоголосной ткани – европейской полифонии и гомофонии. Новый импульс к развитию модальное одноголосие получило в музыке XX века».³ Холопов подчеркивает, что монодия – достаточно широкое явление, занимающее в современном композиторском творчестве особое место.

¹ Вишневецкая Л. А. Северокавказское вокальное многоголосие: типология певческих моделей. Автореферат дис. на соискание степени доктора искусствоведения. Саратов, 2012.

² Бершадская Т. С. Лекции по гармонии. 2-ое, доп. изд. А., 1985, с. 206.

³ Холопов Ю. Н. Гармония. Теоретический курс. М., 1988, с. 161.

А. В. Свиридова («Монодические принципы ладообразования в инструментальном тематизме Д. Шостаковича») исследует монодию с точки зрения ладового развертывания и приходит к следующим выводам:

1) ладовые связи обусловлены линейным сопряжением тонов мелодической линии; логика интонационного развития подчиняется координации тонов по горизонтали, тяготением к постоянно меняющимся опорным тонам;

2) характер функциональных отношений базируется на мелодическом импульсе, линейной активности движения;

3) ладовое движение в форме определяется свободным перемещением равноправных опор при их «автономности» на микроучастках длительного интонационного развертывания.¹

Ученый акцентирует внимание на специфике монодического развёртывания, опирающегося на ладовую переменность и ладовую драматургию формы.

Отечественный музыковед Т. Б. Гафурбеков («Творческие ресурсы национальной монодии и их преломление в узбекской советской музыке») прослеживает творческий потенциал монодийного искусства и его влияние на развитие в Узбекистане творчества бастакоров и композиторского творчества 70–80-х гг. В монографии исследуется явление монодии в двух направлениях:

1. Монодия в системе национальной творческой традиции, в которой рассматривается учение о монодическом творчестве, его генезисе и эволюции и имманентно-творческие ресурсы узбекской монодии.

2. Национальная монодия и современность, в которой представлены бастакоры как носители творческих ресурсов и преломление ресурсов монодийного искусства в творчестве композиторов Узбекистана.

В монографии феномен монодии проявляется на уровне общего (жанровый, образно-эмоциональный и драматургический) и конкретного (фактурный, тематический, интонационный, метро-ритмический) факторов.

Монодия оценивается Гафурбековым как равноправный с многоголосием тип развертывания музыкальной мысли. «Узбекская монодия – это всеобъемлющая художественная ценность. Ее образцы – всеобщее достояние, которое не может произвольно раствориться даже в самых современных средствах композиторской техники, скорее, наоборот, достояние это должно стать прочным гарантом последующих подлинно национальных сочинений».²

Делая экскурс в источники, отражающие феномен монодии в целом и в контексте композиторского творчества, можно сделать вывод, что, чем «дальше вглубь специфически монодийных возможностей погружается композитор, тем органичнее тяготеет он к современному профессиональному письму, и, наоборот, чем современнее художественное мышление автора, тем более зорко видит он творческие потенции монодического наследия».³

Традиционная монодия и композиторское творчество – это две самостоятельные области искусства, воплощающие в себе идею сосуществования и взаимодействия.

¹ Свиридова А. В. «Монодические принципы ладообразования в инструментальном тематизме Д. Шостаковича» // Актуальные проблемы ладогармонического мышления. Сб. трудов. Вып. 63. М., 1982, с. 91.

² Гафурбеков Т. Творческие ресурсы национальной монодии и их преломление в узбекской советской музыке. Т., 1987, с. 109.

³ Янов-Яновская Н. Узбекская музыка и XX век. Т., 2007, с. 75.

МУХАММАД АЛИ

АМИР ТЕМУР ВЕЛИКИЙ

*Роман-эпопея
Книга четвертая*

ШАХРУХ МИРЗА¹

Глава пятнадцатая

I

Прославленный философ и историк Валиуддин Абу Зайд Абдурахман ибн Мухаммад Ибн Халдун на машварате у султана Фараджа заявил, что наилучшим выходом из сложившейся ситуации будет перемирие с правителем Турана – Амиром Темуром. И верховный судья города Алеппо Шарафуддин аль-Ансари и Ибн аш-Шихна поддержали его.

Выслушав всех, Султан Фарадж, не проронив ни слова, встал, как бы давая понять, что машварат подошел к концу.

Во время беседы с султаном Ибн Халдун решил дополнить пятый том своей книги «Китаб ул-Ибар» (книга поучительных примеров), посвящённой истории Египта, некоторыми фактами. Он долго сидел, перелистывая страницы, вносил какие-то изменения, поправки, пока наконец не утомился и незаметно для себя не уснул.

Проснулся только на рассвете. Ему показалось, что весь город уже на ногах. По улицам сновали растерянные люди, то тут, то там слышались возгласы, царила всеобщая суматоха и паника: «Да что же это такое!», «На что это похоже?», «Совесть есть какая-то у них?», «Ведь бросил нас он всех на беду!», «Это же побег, побег!...». Вскоре кто-то вошёл и доложил, что около ворот медресе собрались казии и богословы, представители улема и городской знати. Всем не терпится увидеть Ибн Халдуна. Тот быстренько завершил утреннюю молитву и вышел навстречу людям.

– Посмотрите, какие испытания выпали нам! Подскажите, что делать? Поддержите нас, мавляна! – слышались голоса.

– Султан бросил нас! Ночью, не сказав никому ни слова, бежал со всех ног из Куббату Ялбуга в сторону Египта...

– Нет-нет! Так не говорите! Просто он отступил немного, вот и всё!

– Да-да! Отступить – не убежать...

– Если это не «убежать», так что же тогда называется побегом?

– Говорят, некоторые амиры-заговорщики вернулись в Египет с намерением совершить там мятеж, воспользовавшись отсутствием султана. Хотят народ поднять против него... Вот султан, испугавшись, и отправился куда-то срочно...

На улицах поток людей. Толпа около ворот становилась всё больше и больше.

Несколько мгновений Ибн Халдун стоял молча, ошеломлённый новостью. Оказалось, что и его султан бросил на произвол судьбы!

¹ Журнальный вариант. Продолжение. Начало в № 5, № 6, 2018, № 1, 2019.

– Слышали мы, что султан Турана справлялся о вас, интересовался вами. Он осведомлен о вас. Да кто только вас не знает?! Всему миру вы – известный учёный, все вас уважают. Да благословит вас Бог! Станьте для нас, несчастных, защитником, чтобы сохранить наших детей и наш край! – стал просить кто-то из богословов.

– Да, это верный путь! – поддержал его Ибн аш-Шихна. – Кроме вас, никто не может быть в этом деле посредником.

– Амир Темур – правитель справедливый, чрезвычайно чуткий и благоразумный человек, – вмешался в беседу Шарафуддин Ансари. – Нас приглашали к нему в Алеппо. Запомнилось, как внимательно он выслушивает собеседника... Это и есть добродетель настоящего человека. Главное для него – справедливость! Он повелел, чтобы ни один человек не причинял зла другому. Тех чиновников и наукеров, которые нарушили фирман о бережном отношении к городу и заставили людей страдать, в людном месте распяли на глазах у всех...

– Неужто?.. – изумился Ибн Халдун. – Хотя я тоже слышал, что он – справедливый падишах. Говорят, у него на кольце выгравированы слова: «Сила – в справедливости».

Ибн Халдун, разочарованный последними действиями султана Фараджа, и сам хотел встретиться с Амиром Темуром, а слова богословов и казиев подтолкнули его к этому. К тому же предназначение своё – быть заступником для людей, попавших в беду, просить у власть имущих мира сего великодушия – принимал он за великое счастье.

Не считая случайной встречи с Сахибкираном на одном большом собрании, случая спокойно побеседовать с ним у него еще не было. Чтобы купить подарки, он отправился к книжному базару и лавкам сладостей, заглянул в магазины... Купил редкие вещи и сложил в цветной мешочек. Поверх высокого продолговатого с нежной каймой головного убора, называемого бурнусом, он надел легкую чалму тёмного цвета и в прекрасном настроении отправился в путь, в крепость Аблак к Амиру Темуру.

Мухаммад Чурага-дадхах, знавший о том, что Сахибкиран давно хотел встретиться и побеседовать с этим учёным, сразу же повёл его на прием.

Через красивые резные двери они прошли в зал аудиенции, где располагался Амир Темур. Он сидел на курпаче, покрытой золоченой парчой, оперевшись на локоть левой руки. Перед ним был расстелен дастархан, накрытый изысканными угощениями. По правую руку от него, присев на колени, сидел хан Турана Султан Махмудхан. С левой стороны – неизменный спутник Пири муршид Мир Саййид Барака.

– Известный философ и историк, моликийский¹ казий Магриба² Валиуддин Абу Зайд Абдуллахман ибн Мухаммад!

– Ассаламу алейкум, Ваше величество Амир Темур Кураган!

Амир Темур поднял голову и, ответив на приветствие, протянул ему руку, которую Ибн Халдун поцеловал, склонив голову. Затем присел с краю от дастархана. Прочитали суру «Фотиха» и благословение.

Ибн Халдун взял свои подарки из рук слуги, что стоял, ожидая, у двери, и с доброжелательной улыбкой обернулся к Сахибкирану:

– Хазрат Амир Сахибкиран! Эти скромные дары прошу вас принять как искренние символические подношения...

– Дары и подарки – украшение человека... – вмешался в беседу Мир Саййид Барака.

Ибн Халдун открыл свой мешочек и достал из него рукописную книгу. При виде священного писания Амир Темур тут же встал с места, а получив рукопись в руки, трижды поцеловал ее и, прижав к глазам, сказал в волнении:

¹ Моликия – название одной из четырех сект ислама.

² Магриб – Тунис.

– Это слова Аллаха!..

– Это знаменитая ода «Аль-Бурда» – восхваления Посланника Аллаха...

– Кто сочинил? – спросил Амир Темур.

– Египетский соловей Мухаммад ибн Саид аль-Бусири. Этот сладкоголосый поэт жил сто лет тому назад. Рассказывают, что больные люди находили исцеление, прочитав эту книгу, и могли устоять с ее помощью перед искушениями шайтана.

Ибн Халдун вновь обернулся к подаркам. Все ждали, что же он, похожий на волшебника, который показывает чудеса, опять вытащит из своего заветного мешочка, расшитого цветами. Подошёл черед молитвенного коврика, на котором был вышит алтарь, затем очередь дошла до сладостей. По обычаю он сам отведал понемногу сладостей из каждой из четырех коробочек и лишь потом протянул угощение Сахибкирану.

– Сладости... сладости... – сказал Амир Темур. В голове у него промелькнула мысль: «А ведь он прав: если читаешь священную книгу, с молитвой склоняя голову в земном поклоне, жизни твоей быть сладостной». Он воздал должное пронизательности, благородству и уму моликийского казия. Лицо его выражало удовлетворение от встречи с гостем.

– Хвала и честь вечному Творцу!

Ибн Халдун чувствовал, что хазрат доволен.

Отведав немного сладостей, Сахибкиран повелел угостить ими представителей знати, чтобы все узнали их вкус. Неожиданно Амир Темур обратил внимание на чалму учёного:

– А почему вы надели на себя чёрную чалму? Какая тому причина? – спросил он, вспомнив давнишнюю беседу с известным хамаданским шейхом на ту же тему.

Ибн Халдун вообще не любил чалму и был очень далек от того, чтобы придавать какой-то тайный смысл своему наряду. Просто его белая чалма немного поизносилась. Он выбрал чёрную лишь потому, что та была поновее.

– Я убил свой нафс¹ и теперь ношу по нему траур... – произнес учёный одну из премудростей, известных среди суфиев.

Он был уверен, что ответ достаточно удачный, но следующий вопрос привёл его в полное замешательство. Амир Темур спросил:

– Так какова же судьба этого нафса? И можно ли его вообще убить или он бессмертен? Если неубиваемый, так для чего же тогда его убивают? А если его можно убить, то зачем по нему траур?..

Ибн Халдун постиг суть, заключенную в вопросе Сахибкирана: достигшие совершенства люди всегда стараются сдерживать свой нафс, победа над ним – наивысшее достижение, они радуются этому. А вы, мол, обратили это в траур... Да, он полностью убедился, что перед ним сидит человек широкого пронизательного ума! Нет другой силы и другого могущества, кроме как у Аллаха!..

Он слышал, что Амир Темур является сильным шахматистом. А шахматист должен знать десять-пятнадцать ходов наперёд.

Ибн Халдун понял, что его ответ был опрометчив и постарался теперь найти более логичный:

– Жизнь простых смертных состоит из потерь, по которым мы носим траур, мавляна Амир Темур. Даже о всяком дне, что уже прошел и никогда не вернется, даже о нем... как же нам не печалиться?

Он сам удивился своим словам, внезапно пришедшим в голову. Амир Сахибкиран бросил на него быстрый взгляд, и Ибн Халдун понял, что тот остался доволен услышанным.

¹ Нафс – 1. душа; 2. чувственность; 3. цель; 4. плотское желание; 5. стремление; 6. страсть к богатству, к еде и т. д.

– Откуда пожаловал к нам гость? – спросил Сахибкиран Пири муршида, видимо с целью изменить тему беседы. – Какие у него тут дела?

– Я из среднего Магриба¹, – поторопился ответить Ибн Халдун. – Тунис расположен на южном побережье Шамского² моря. Близкие к нему страны: Ифрикия, Тилмисан, Занната. Приехал сюда с целью совершить священный хадж. Сначала прибыл в Александрию спустя неделю после восхождения Султана Баркука на трон.

– А что сделал для вас султан Баркук приятного и полезного?

– Встретил доброжелательно, помог совершить хадж. А после того как я вернулся, конечно, все от Аллаха, он поддержал меня – я жил в достатке. Назначил меня моликийским казием. Видимо, надеялся, что не возгоржусь своей высокой должностью, буду правдивым и справедливым.

– Вы сами себя считаете таким человеком? – спросил Амир Темур.

– Это известно только Аллаху. На этой земле безгрешен только Аллах... – глядя в землю сказал Ибн Халдун. – Но после смерти султана Баркука, видимо, государственных мужей я не очень устраивал. Меня сместили с должности, отодвинули от дел. Стал я ненужным человеком...

– А что говорят о нас в Тунисе? – спросил его Сахибкиран.

Философ с самой первой минуты ждал этого вопроса. С чего же ему начать? Рассказать о том, что могущество Туранской державы возрастает в этом мире? О том, что на самых разных языках ходят притчи о храбрости, смелости, и о том, каким опасным становится Великий амир, когда гневается? Может, рассказать о легендах, возвеличивающих его славное имя? Или сообщить о предзнаменованиях известнейших провидцев о том, что Сахибкиран захватит все страны на западе?..

– Ваша слава достигла и магрибских земель, Амир Сахибкиран! Мне приятно сообщить вам об этом. Но, к сожалению, встреча коротка, всего не расскажешь. Ни среди моих предков, ни в кругу моей дорогой семьи, ни в моем роду, ни в моей стране, ни среди моих друзей и знакомых, ни среди моей родни, ни среди правителей мира и падишахов не смог я повстречать человека, подобного вам. Я очень сожалею о том, что невзрачная жизнь моя прошла напрасно. Отчего же случилось так, что служил я не Вашему величеству, но другим людям? Почему не суждено мне было наслаждаться сиянием лучей ваших глаз, не мог я напоить целительным их светом свои очи? Что ж, так было предначертано... Но теперь – довольно! Не променяю я правду на безмятежный покой. Всю оставшуюся жизнь до последнего дня посвящу я службе вам. Меня смущает то, что, так безрадостно прожив всю жизнь во имя иных правителей, жемчужины своих знаний, которыми владел, я потратил на то, чтобы описать историю, натуры и характеры падишахов, царствовавших на землях Магриба и Машрика³, проводил бессонные ночи, а днем все силы тратил на то, чтобы завершить те несчетные книги. А жаль. Если бы мы повстречались раньше, я изобразил бы Ваше величество как жемчужину в том ожерелье правителей.

– А почему у вас такая мечта?

– Во-первых, со времен Адама и до сегодняшнего дня мир еще не видел такого падишаха, как вы. Я убежден, что вечное существование салтаната зависит от того, насколько самоотвержен, предан и любит народ свою страну и своего падишаха. Это называется асабият. Мошь и сила салтаната зависят именно от таких преданных людей. Ученые между собой пришли к согласию, разделив живущих на земле на две большие группы: арабов и тюрков. Все знают, насколько окрепли арабы, после того как объединились вокруг религии, принесенной Посланником Аллаха. Что же касается тюрков, об их мощи свидетельствуют их походы и борьба против шахов Ирана.

¹ Магриб – в средние века под этим названием подразумевались Тунис, Алжир, Марокко, а также Ливия, Мавритания.

² Шамское море – ныне Средиземное море.

³ Имеется ввиду Запад и Восток.

История завоевания Хорасана туранским падишахом Афросиабом – свидетельство его несказанного могущества, проявление силы асабията. Но ни Хосров, ни Кесарь, ни Искандар, ни Бухтаннаsr¹ не могут сравниться в мощи и отваге с вами.

– А почему вы Бухтаннаsr упомянули среди великих падишахов? Они ведь правители. Бухтаннаsr – полководец. Из какого он рода?

– Этот вопрос не совсем прояснен. Некоторые полагают, что он из набатиев, а те были вавилонянами. То есть он – из последних падишахов Вавилона. Некоторые утверждают, что он происходит от древних иранцев.

– Так кто же из них прав?

– Если я не ошибаюсь, Бухтаннаsr – самый последний царь Вавилона, как писал Табари.

– Думаю, в этом споре правы как раз эти, – слова Амира Темура прозвучали твёрдо. – Можно привести серьёзные доводы, если опираться на книги по истории Аравии и Аджама.

«Амир Темур умный и знающий, уверенный в себе, хорошо подготовлен к дискуссиям», – подумал ученый.

– А где в Магрибе находится город Танжа? – изменил внезапно тему беседы Сахибкиран.

– Между Умманом и Шамским морем, там, где пролив Зукок. Его еще называют Гибралтарским проливом.

– А Сабата?

– На расстоянии одного дня езды от Танжи. Там на берегу всегда стоит роскошный корабль, готовый отправиться в Андалусию.

Халдун был удивлён его знанием городов Магриба и неплохим представлением о тех местах. Сабата, Фас, Силжимас... Учёный чувствовал: задавая вопросы, его собеседник не столько хочет что-то узнать, сколько проверяет гостя на знание тех мест.

– Фас – столица династии маринидов, Силжимас же находится на юге, среди песков.

– Я не удовлетворен... – сказал Амир Темур немного разочарованно. – Опишите Магриб: все большие города – и ближние, и дальние, – деревни, горы, реки, низины и возвышенности... И притом, так опишите, чтобы я, читая, будто видел бы их перед глазами.

– Я обязательно подробно опишу для Вашего величества, – поторопился ответить ему Ибн Халдун.

Жители Дамаска просили его при встрече попросить у Сахибкирана прощения за их грехи, но беседа завершилась так неожиданно, что Ибн Халдун не успел этого сделать.

Несколько дней спустя ему неожиданно довелось самому убедиться, насколько глубоко Сахибкиран разбирается в сути дела, прежде чем принять справедливое решение в деликатных вопросах. В тот день он как раз закончил географическое описание Магриба и поставил точку.

Проблемы возникли при описании решения султана мамлюков Захира Бейбарса, правившего более ста сорока лет тому назад. Один из потомков халифов заявил Амиру Темуру притязания на престол.

Амир Темур тут же вызвал представителей улема, богословов и казиев, ученых.

– Это совещание – совет правосудия. Выскажите всем ваши требования! – сказал Мир Саййид Барака, обращаясь к истау.

– Как наследник халифа, я претендую на престол Халифата. У меня больше оснований для этого по сравнению с тем, кто сейчас занимает трон Египта, –

¹ Бухтаннаsr – Навуходоносор, царь Вавилонии.

спокойно сказал высокий статный человек лет пятидесяти. Было очевидно, что он достаточно уверен в себе и своей правоте. – Есть такой священный хадис, – продолжал он, – согласно которому халифатом должны править Аббасиды. Так что престолонаследие халифата досталось нам от предков! Я пришел сюда просить вас решить мой вопрос по совести. И назначить меня халифом...

Воцарилась мертвая тишина. Никто не решался вымолвить ни слова. Только ветерок шелестел листвой да голубое знамя с изображением трех колец, водруженное на макушке падишахского шатра, трепетало на ветру. Отсюда были видны палатки двенадцати тысяч воинов охраны, расположенные вокруг огромной площади с северной стороны от Хумаюн Урду.

– Что скажете об этом хадисе? – спросил Амир Темур, глядя на собравшихся.

Поднялся глухой гомон, все стали говорить разом. Кто-то утверждал, что пророк – посланник Аллаха – произнес этот хадис после битвы при Ухуде, другой настаивал на том, что до сих пор не видел такого хадиса в «Сахих аль-Бухари». Общего мнения не было.

Ибн аш-Шихна тихо прошептал сидевшему рядом с ним Ибн Халдуну:

– Ну скажите же хоть что-нибудь!

– Хазрат Сахибкиран, это ложный хадис, – сказал ученый с расстановкой.

– Кто это еще такой?! Какие у него основания отрицать благословенный хадис? – недовольно загалдели вокруг.

– Если это ложный хадис, почему же тогда Аббасиды были халифами? – спросил Амир Темур, нахмурив уже тронутые сединой брови, слегка развернувшись влево, откуда доносились голоса.

– Пусть вам Аллах будет в помощь! – сказал Ибн Халдун. – Хадис этот неправильный, поверьте. После кончины Пророка Мухаммада – да благословит его Аллах и приветствует, – возник спор о том, нужен ли мусульманам какой-то правитель? Одни говорили, что правитель нужен, другие, – мол, не нужен. Шииты настаивали: «Пророк – да благословит его Аллах и приветствует, – оставил это право Али!» Но они не смогли прийти к согласию в вопросе о том, представитель какого рода Али должен быть имамом. Мнения разделились.

Сунниты, которые не соглашались с упоминаемым завещанием утверждали: главным для руководства сунны является прилежание и старательность. Поэтому среди наиболее усердных мусульман нужно выбрать правдивого, справедливого и мудрого, чтобы передать ему правление. Вроде вопрос был решен, но увеличение количества сторонников Али повлекло изменения: правление халифатом перешло от ханафитов А ббасидам. А началось всё с того, что Абу Хашим ибн Мухаммад аль Ханифия – внук Хазрата Али – завещал передать халифат Мухаммаду ибн Али ибн Абдуллаху ибн Аббасу. С этим указом в руках сподвижники Мухаммада ибн Али захватили Ирак и Хорасан и сделали амиром сына своего предводителя Абулу Аббаса ас-Саффаха. Шииты и сунниты пришли к согласию и признали его халифом. Вот вам и все основания для правления династии Аббасидов. Первым их халифом был Абула Аббас. Потом он передал халифат своему брату аль-Мансуру, а тот по наследству передал его своему сыну Аль-Махди... Так образовалась цепь халифатства династии Аббасидов. Иногда по наследству, иногда по решению людей, но вот так оно до сих пор и продолжается...

Воцарилась тишина.

– Из слов господина Ибн Халдуна вывод таков: нет у тебя никаких прав ни наследовать халифат, ни претендовать на правление, ни быть халифом, – сказал терпеливо выслушавший всех Амир Темур. – За твои безосновательные притязания надо бы наказать тебя палками. Но... и ты тоже раб Божий, ступай себе дальше своей дорогой!

«Верно!», «Правильно!» – слышались отовсюду одобрительные голоса.

Ибн Халдуна поразила последовательность и справедливость Сахибкирана. Когда Амир Темур пригласил его на прием, он улучил момент и сказал:

– Если позволите высказаться, есть у меня к вам просьба. Сейчас в городе находятся богословы, казии, муфтии, городская знать, ученые мужи, не успевшие сбежать отсюда с египетским султаном, все они сейчас – в вашей власти. Велик ваш салтанат, и повсюду в нем есть потребность в добросовестных служителях, казиях, исполнителях власти... Хотел бы попросить у вас прощения за народ Дамаска. Хотел бы нижайше просить вас, чтобы вы дали им свои письменные гарантии безопасности и доверия...

Амир Темур удивлённо переглянулся с Мир Саййидом Баракой:

– Мой Пир! Не переводите сейчас мои слова. Я поражен... этот учёный – он ведь тоже чужестранец, он и сам нуждается в помощи. Но, не говоря ни слова о себе, думает сейчас о других. Вот это и есть благородный раб Аллаха. Вот таких людей следует ценить. Когда должен я кого-то наказать, жду, не заступится ли кто-то за этого человека, не будет ли просить простить его вину... Вот таких-то заступников я и ценю.

Амир Темур вновь повернулся к Ибн Халдуну:

– Говорят, нет дыма без огня... Двадцатого раби ул-охира восьмьсот третьего года хиджры¹ в мечети Нури города Хамо приказал я выбить такие слова на мраморной плите – поскольку мрамор вечен – и повесить на той стене, где расположена кибла: «Тангри Таоло счел нас достойными того, чтобы завоевывать страны. Мы покорили Ирак и другие дальние края. Расширив границы, мы стали соседствовать с султаном Египта. Пророк – да благословит его Аллах и приветствует! – говорил так: “Джабраил повелевал быть всегда в дружбе и в согласии с соседями”. Продолжая обычаи своих предков, мы отправили соседям приветственное письмо и подарки. Однако безо всякой причины они убили наших посланников. А ведь наша цель была проявить доброжелательность и установить дружеские связи между двумя странами». Некоторые же туркмены людей наших, попавших в их руки, схватили да и отослали к египетскому султану Баркуку. Султан поглумился над ними и заточил их в зиндан... Вот и пришлось нам отправиться в путь, дабы спасти сограждан наших из плена... – Амир Темур остановился и, подумав, продолжил: – Но пусть египетский султан не забывает: на всякое дерзкое требование есть отпор, на всякий указ – решение, всегда найдется выход из трудного положения – поворот... вот так и для всякого фараона найдётся свой Мусо.

Изумленный Ибн Халдун не мог не признать правоту слов Сахибкирана:

– Вы правы, Амир Сахибкиран, – подтвердил он.

«До чего же это мудрый человек! Ведь то, что он делает сейчас – на века. Он принимает в расчёт время грядущее, – подумал учёный. – Действительно, правда о сегодняшней истории должна дойти до грядущих поколений, правда как она есть, без извращений. Какая же огромная разница между Амиром Темуром и султаном Фараджем!»

– А ведь верно, когда был я в городе Хамо, видел эту самую плиту. На ней на белом мраморе действительно выбиты ваши слова, Амир Сахибкиран! – сказал Ибн Халдун. – И я прошу прощения за недавновидные поступки египетского султана...

– Ведь это Создатель вложил нам в душу – даровать всем свободу... Мамат! Передайте секретарю, чтобы он составил гарантийные письма безопасности для правоверных. Амир Шахмалик! Казиям, муфтиям и богословам, имамам мечетей – надеть почётные халаты!

¹ 20 декабря 1400 г.

II

Амир Темур узнал, что его внук амирзаде Султан Хусейн Мирза перешёл на сторону врага, а позже попал в плен своему же туранскому войску.

Сахибкиран тут же вызвал к себе Шахруха Мирзу, находившегося тогда в городе Хумс. Как же наказать нечестивого Султана Хусейна Мирзу, который по своему обыкновению сначала совершал поступки, а потом задумывался об их последствиях: безрассудно перешел на сторону врага и воевал против своего деда? Нельзя оставить это страшное событие без внимания.

Самое неприятное – опозориться перед миром. Теперь Сахибкирану стыдно будет смотреть людям в глаза. Могушественный султан, оседлавший норовистых тулбаров своего времени, поставивший многих гордецов на колени, если нужно, горы способный свернуть... сейчас был не в силах вынести этого позора! Готовить измену и заговор против своего же предка – предать самого себя... Это не что иное, как посягать на свою родину! Для таких людей нет ничего святого, и что страшно – они и других сбивают с пути.

Задыхавшемуся от гнева Сахибкирану неожиданно пришло на ум страшное слово: «Казнь!!» Когда приключилась беда с Мираншахом Мирзой, он так же был настроен, но тогда сам Бог его вразумил. Теперь похожая ситуация... Нет, нужно оградить себя от шайтана. Нужно просить Бога вразумить... Что вообще творится с его детьми? Чего им не хватает? Разве они не видят, как вели себя их предки? Их дед? Разве не понимают, какой род они представляют? Видите ли, лишённый права наследования Миранша Мирза высечен был палками. А внук Пир Мухаммад Мирза ибн Умар-шайх, испугавшись, отказался от боя, лукавил: мол, больной был я... Он тоже был жестоко выпорот. И это произошло прямо на глазах Сараймульханум, Ханзады-ханум, Улугбека Мирзы, амирзаде Умара... Очень неловко, стыдно было Сахибкирану.

На нём самом тоже лежит вина за все, что происходит. Это он признаёт. Занятый делами салтаната, он не знал покоя ни днем ни ночью, во имя отчизны отказался от человеческих радостей и наслаждений...

Пятнадцать лет вдаль от родных и близких!

А теперь удивляется: зачем же он, обременённый заботами мира, поручил воспитание детей женам да дядькам, передоверил им? Ведь это же он сам должен был заниматься детьми, сам! Эх, как жаль!

И вот грянула беда, случилось самое злое из всего, что только могло случиться, когда его собственная кровиночка, его строптивый и непослушный внук Султан Хусейн Мирза стал вероломным предателем!.. Он горько сожалеет об этом. Зеленый подросток, желторотый юнец! Не обижай людей, не рань их сердце, – учил он его! Всё без толку, всё бесполезно оказалось... Да, «я говорю одно, а кобuz мой поет другое», – сетовал один из рабов Божьих. Не дай Бог, чтобы мужчина, отец, увидел, как стоит перед ним провинившийся его сын или внук, низко склонив голову...

Но внуки бывают разные. Хвала Аллаxу, есть у него такой наследник, как Мухаммад Султан! Не слазить бы: хорошо воспитан, благороден, дальновиден, умен и сообразителен. Любое дело в руках у него спорится. Он опора Сахибкирана. Когда такие у тебя внуки, радуешься и гордишься. А Султан Хусейн Мирза не подумал о своем деде. Говорят же: кто не знает правил кураша, тот соьвет с ног своего отца!

– Ведь дед его Амир Муса тоже был подстрекателем! Обещания свои не выполнял, слово не держал, – сказал Амир Темур Шахруху Мирзе. – Увы-увы, и внук его оказался таким же. Злоба, ненависть передаются через поколения – говорят в священных хадисах. Неужели же пороки, страсть к интригам и козням тоже передаются по крови?

– Да нет же, достопочтенный Сахибкиран! Так суждено было случиться, – сказал Шахрух Мирза, сдвинув густые брови, ставшие от этого ещё тяжелее. – Вы присядьте на сури, передохните немножечко.

– Да, предательство, подстрекательство, распри, козни – всё это передается по крови! Наследуется! Ваш покойный старший брат Джахангир Мирза – кровинушка моя – о таких недостойных людях часто говорил: сын ишака будет ишаком, от собаки родится собака. А я не был тогда с ним согласен. Он был прав, сыночек мой... Сын заговорщика будет заговорщиком, у бесчестного и ребёнок будет бесчестным, у ребенка того, чья душа чёрная, душа будет точно такая же! И хоть его душистым мылом мой тысячу раз, хоть суши на солнце тысячу раз – ничуть не побелеет его душа!..

– Да, от своей участи уйти трудно, – сказал Сахибкиран. – Слушайте внимательно, мой сын! То, что слышите вы, – это наука, то, что вы проницательно соображаете, – мудрость, а то, что видите и переживаете, – вот это жизнь как она есть. То, что я вам сейчас скажу, запомните, и это будет вам наукой. Во-первых, не допускайте этого никудышнего подростка мне на глаза. Пусть не участвует в собраниях салтаната. И ещё: мальчишескую косичку вы ему срежьте! Он хотя взрослый юноша, но ошущает себя ребенком. Я-то надеялся, срезав косичку его в свое время, устроить большой пир, праздник и всем дать понять, что амирзаде уже вырос. Но он сам себя лишил всего. Да и нас тем самым обездолил... И ещё. Выплаты ему из казны срезать, пусть попробует пожить как дервиш...

Шахрух Мирза видел, как мучился и переживал Сахибкиран, когда произносил эти слова. Он будто сам был во всём виноват, однако не смог найти ни одного подбадривающего слова, чтобы поднять дух отца.

Через месяц Шахруха Мирзу вновь вызвали на приём.

– Завтра в Хумаюн Урду созывается большой машварат, – сказал Сахибкиран. – В присутствии всех бросьтесь мне в ноги и умоляйте простить гнусный грех нечестивца амирзаде... Я откажусь. Вы вновь повторите все сначала...

Шахрух Мирза стоял, склонив голову, буквально не дыша. Он так и не решился спросить, каким же будет окончательное решение?

Сложно проходивший машварат затянулся. Все внимание было приковано к отношениям с Йылдырымом Баязидом.

После им было написано письмо:

«Поскольку истинный Хазрат Всевышний приносит дары из своих сокровищниц тем, кому доверяет, одарил он троном и царственной одеждой того хазрата, коего счёл более всех достойным среди других. Мы смиренны и послушны. А, если до сей поры были допущены с нашей стороны кое-какие неучтивости вопреки правилам, от сего момента послушание и преклонение сделаем мы главным нашим делом».

Слушая это письмо, Мир Саййид Барака думал: «Наверное, услышал правитель Рума, какого страха нагнал Амир Сахибкиран на египетского султана, который бежал во весь дух с поля брани без оглядки. Оценив силу Сахибкирана, решил прийти к миру».

Довольный Амир Темур сказал посланнику Рума:

– Я не раз слышал, что ваш падишах – образованный человек, воспитанный и умный. Всё это оказалось правдой. Он всегда боролся с гяурами фаранга¹. Мы тоже ваши друзья, у нас в душе и в помыслах нет, пойти на вас войной и разгромить вилайет Ислама, обрадовав тем самым гяуров. Но кесарь поддерживает Кара Юсуфа, который заставляет страдать мусульман, сеет смуту и занимается бузотерством, грабит караваны тех, кто совершает хадж. За такие злодеяния нужно его связать и отправить к нам, поскольку согласно небесной книге Коран суждено ему наказание –

¹ Фаранг – подразумевается Европа.

смерть. Повешение, или лишение рук и ног, или же изгнание. Если наше требование его не устроит, тогда пусть Кара Юсуф просто покинет вашу страну. Если вы примете хотя бы одно из требований, между нами будут установлены сердечные родственные отношения, восстановятся дружба и согласие. Мы будем наших девушек отдавать замуж за ваших джигитов и ваших красавиц будем брать в жены. А если пойдете на газават, будем стоять с вами плечом к плечу. Ждем ответа от султана Рума. Если ответ положительный – будем считать, что достигли желаемого...

«Да! Пожелаем же румскому правителю совестливости!», «Пусть всё разрешится поскорее, да и дело с концом!», «Домой вернёмся, домой!» – поддержали его участники машварата.

Приближалось время вечернего намаза. Все ждали, что вот-вот с минарета мечети Умавия раздастся голос муэдзина, призывающий к молитве.

Машварат шел к завершению, и тут, к большому изумлению всех присутствующих, правитель Хорасана Шахрух Мирза, внезапно встав с места, подошел к восседавшему на троне Амиру Темуру и бросился ему в ноги.

Послышался шепоток: «А что случилось-то?», «Всё ли в порядке?», «Амирзаде был с виду таким спокойным...» Всё внимание было приковано к трону.

– Хазрат Амир Сахибкиран! Не велите меня казнить, велите слово молвить...

– Что случилось? – спросил Амир Темуру, холодно глядя на сына.

– Племянник наш Султан Хусейн Мирза совершил неверный, недостойный поступок... мы все тому свидетели... я хотел бы просить вас простить его вину... Если только...

– Вы совершенно зря беспокоили себя, амирзаде! Даже и не думайте заводить об этом разговор! – резко сказал Сахибкиран, не давая Шахруху Мирзе продолжить. – Выбросьте эти мысли из головы! Есть проступки, которые можно простить, но есть такие, которые прощать нельзя. Наши далекие предки родились и жили на этой святой земле, и мы за нее отдаем свою жизнь... А среди нас, оказывается, есть такие, кто совершает преступления по отношению к родной земле, не ценит ее. Что скажут праведные мусульмане, глядя на таковых? Предательство по отношению к своей родине – это величайший грех! Не только совершить его, но даже и подумать об этом – уже грех! Да разве же можно простить такое, амирзаде?

Лоб у Амира Темура покрылся мелкими морщинками, выражающими его недовольство. Он отвернулся и стал смотреть вдаль, всем своим видом давая понять: «Все, разговор окончен! Я не желаю слышать более ни единого слова!»

Наступила тишина. В присутствии всех была отвергнута просьба правителя Хорасана, тот, обескураженный, возвратился на место, Мухаммад Чурага-дад-хах, как и многие в зале, сочувствовал Шахруху Мирзе. Мир Саййид Барака не знал, что и сказать. Амир Шахмалик, у которого от волнения зашемило сердце, хотел было поддержать амирзаде, но не отважился. Шахрух Мирза, брови которого сошлись в одной точке, вернулся на свое место.

– Порой на скользких ступенях событий всякий ум может потерять свое равновесие, Амир Сахибкиран... – не смог далее хранить молчание Пири муршид. – Человек слаб, ему свойственно ошибаться. Ведь есть же у вас очень мудрое высказывание, которое я так люблю: «Грех, который можно исправить, – это не грех, а заблуждение».

Все молчали. Никто из присутствующих не произнес ни звука. И только Шахрух Мирза, похоже, увидев новый довод в словах Пири муршида, вновь вызвал удивление всего зала. Он встал с места и... опять двинулся в сторону трона.

– Достопочтенный Сахибкиран! – взмолился амирзаде. – Не велите меня казнить! Мудрецы говорят, что султан Турана в гневе своем подобен Зухалу¹,

¹ Зухал – планета Сатурн.

в одаренности – древнеперсидскому царю Джамшиду, в силе и моши – Мирриху¹; он подобен Искандару Зулькарнаину, в любом деле идущему вперед, никогда не возвращающемуся, как выпущенная стрела, всегда достигающему цели. В милости, говорят, он равен Муштари². И правы те мудрецы, слова их верны! Мой племянник Султан Хусейн Мирза – умный юноша, поверьте. Но он допустил ошибку. Я прошу вас простить его грех! И, ежели надобно, буду ручаться за него! Отныне за каждый его шаг я в ответе! Поверьте мне. Простите грех амирзаде! Дозвольте ему участвовать в машваратах, явиться пред вашими глазами...

Амир Темуру довольно долго смотрел на Шахруха Мирзу. В зале дворца повисла тишина. Все ждали, чем же разрешится это труднейшая ситуация.

Многие были изумлены тем, что правитель Хорасана, несмотря на то что ему один раз уже было отказано, осмелился вновь начать тот же разговор. Некоторые стали беспокоиться: ладно уж, бог с ним, с недостойным амирзаде... Как бы теперь Шахрух Мирза не навлек на свою голову беды своей настойчивостью.

По непроницаемому лицу Сахибкирана трудно было понять, гневается он или же немного успокоился... Он провел рукой по короткой бородачке... потом заговорил:

– Да... Вы – мой любимый сын, моя опора... Грех бессовестного амирзаде очень тяжкий... Но вы сейчас просите, чтобы племянника вашего я простил... хоть и сказал я вам «нет». То, что вы настаиваете на прощении, свидетельство вашего отношения к близким. Да не осудит рука ваша, сын мой! Я даже слышать об этом не хотел! Хотел, чтобы он осознал, испытал свою вину. Но вот ведь как вышло. Тут вы вмешались... Переживая за родную кровь, страдая, говорите, что берете его на поруки. Ну как ж мне отказать вам? Скажите, как? Я верю в вас, сын мой, верю! Вставайте! Вставайте с колен... Хорошо, мы простим грех вашего племянника...

Все собравшиеся вздохнули разом, будто сказали в один голос: «Слава Алаху!»

Шахрух Мирза был весьма поражен мудростью и прозорливостью отца, который сумел найти тот единственный достойный путь прощения Султана Хусейна Мирзы. Он с любовью смотрел на Сахибкирана и гордился им...

Никто даже сдвинуться с места не успел, как в дверь, всхлипывая, с плачем вбежал Султан Хусейн Мирза. Бросившись на колени рядом с Шахрухом Мирзой Сахибкирану в ноги, он стал целовать подол халата Амира Темура, прикладывая его к глазам и причитая:

– Мой дедушка! Мой дед!.. Дай Бог ещё много-много лет вам здравствовать и править нами! Ошибся я! Разум потерял... Эх, как же я ошибся! Но теперь я понял! Иншалла, никогда больше не принесу я вам огорчения!

Амиру Темуру вспомнилась его дочь Ока-бегим. Та, что ушла из жизни в самом расцвете лет, в двадцать три года. Да, это сын его покойной дочери... «Пусть дух её теперь возрадуется», – подумал он, прижал к груди Султана Хусейна Мирзу и поцеловал его в лоб, что был так похож на лоб коварного Амира Мусы. Мухаммад Чурага-дадхah увидел слёзы на глазах Сахибкирана.

Расходясь по домам, участники машварата тихо переговаривались, находясь под впечатлением от увиденного, счастливые тем, что всё разрешилось благополучно.

Амиру Темуру и самому полегчало, когда все разрешилось. Будто бы камень с души свалился. Камень, тяжёлым грузом лежавший у него на сердце...

...В это время в самом центре Европы – в роскошном дворце Парижа Лувре – проходил срочный совет европейских королей.

– Если будет позволено, хотел бы выразить свою благодарность Его величеству Карлу VI де Валуа, королю Франции, за приглашение всех нас в Париж! – взял слово

¹ Миррих – планета Марс.

² Муштари – планета Юпитер.

человек лет сорока пяти – Римский папа Бонифаций IX. Он был в высоком головном уборе в виде короны (и от этого казался еще выше). – Многоуважаемые господа! Нам грозит большая беда: на нас, на Европу наступают янычары Баязида! Настигло нас проклятие! Господь проклял нас! Неужто окончательно разоримся? Неужели европейские сады, которые считаются украшением мира, будут уничтожены?.. Мы будем лишены всего! Допустить этого нельзя! Помните, мы начали борьбу против иноверцев еще в XI веке, совершив восемь крестовых походов... Но не достигли желаемого.

– Недавно произошел девятый поход, – продолжил венгерский король Сигизмунд I, с виду лет сорока. – Ваш покорный слуга направил послания европейским королям. Я постарался объяснить всем, что беда не имеет границ, горе общее у нас... Всего-навсего пять лет назад в Болгарии под Никоподем произошла страшная битва, я сам командовал сражением, всему сам свидетель. Хотя знаменитые отважные воины – французские, английский, немецкие, чешские, валахйицы и другие – воевали самоотверженно, к сожалению, мы не устояли и проиграли бой янычарам...

– Так было... – подтвердил Бонифаций IX, глядя в землю.

– Вот Йылдырым Баязид в течение семи лет воюет с Константинополем, завоевал Болгарию, Сербию, теперь угрожает Венгрии! Да-да, угрожает!.. – продолжил тряся раздвоенной бородой Сигизмунд I. – Высокоуважаемые гости! Помните: Венгрия является крепким щитом Европы!

Старавшийся всегда казаться величественным, задумчиво сидевший король Кастилии Энрико де Трастамара III, которому исполнился всего двадцать один год, степенно включился в разговор:

– Султан Рума – бич Европы! Надо объединиться! В настоящее время на Востоке объявился Самаркандский султан – завоеватель Темурубек, только он может устоять против Баязида. Нам надо поскорее направить послов Амиру Темуру, установить с ним дружеские связи!

– Существует много противоречий между османским и туранским султанами, – включился в разговор дож Генуи. – Это может быть полезно нам. Темурубек поставил условие Баязиду, чтобы тот передал ему Сивас, Малатию и Кемах. Баязид не согласен.

– Еще вот что добавлю, – вмешался дож Венеции. – Темурубек требует, чтоб Баязид передал ему его ярых врагов Кару Юсуфа и правителя Ирака Султана Ахмада-жалайира или изгнал их из Рума. Но султан Баязид издевательски высмеял его требование. Между ними вражда, и надо воспользоваться этим.

– Разногласия между ними нам на руку, – сказал Энрико III. – Мы уже планировали отправить послом в Самарканд камергера дворца короля Кастилии Руи Гонсалеса де Клавихо... Дружба с Темурубекем очень важна для Европы!

– Да, господа! Нам нужно искать путь к объединению. Если объединимся, никто нас не сможет победить! – изрек король Англии, обратив на себя внимание окружающих. – Мы должны дать знать Темурубeku, что, если он начнет воевать с Йылдырымом Баязидом, мы будем вместе с ним, рука об руку, окажем ему помощь. Здесь решается не только судьба Англии, Испании, Франции, но и Европы, судьба всего мира!

– Правильно говорил Его величество Генрих IV Ланкастер: мы должны протянуть руку дружбы Темурубeku. Пусть он знает об этом! Ваш покорный слуга думает, кого бы послать послом к Темурубeku, надеюсь, вы поддержите, – Карл VI де Валуа посмотрел на каждого из участников. – Посол должен быть хорошо осведомленным об утонченной восточной культуре и этикете. К примеру, архиепископ города Султаньи Иоанн III является одним из таких людей. Он хорошо понимает не только в отношениях между людьми, но и в межгосударственных отношениях тоже. Он точен и обязателен.

Призадумавшийся Сигизмунд I, король Венгрии, поглаживая кончик раздвоенной бороды, тихо сказал:

– В одном мы должны быть осторожными, господа... Если поддержим Темурбека... победив Йылдырыма... не обратится ли он потом против самой Европы... против нас самих, к примеру, подобно Атилле?..

– Но я достоверно знаю, что Темурбек давно мечтает совершить поход в Китай, – возразил король Англии. – Он не собирается в Европу.

– Иоанн III очень достойный кандидат в послы к Темурбеку! – поддержал Римский папа Бонифаций IX. – Ваш покорный слуга как раз думал о нем.

– Весьма благодарен за Ваше великодушие, снисходительность и доверие! – произнес с глубоким поклоном Иоанн III.

Глава шестнадцатая

I

Шахзаде Мухаммад Султан остался доволен положением дел в Ашпаре и вообще в тех краях. Он вновь убедился, что крепость неприступна, как железная гора, и может выстоять любую осаду. Бог даст, когда Сахибкиран возвратится из Сирии (похоже, ждать осталось уже недолго), начнётся поход на Чин, и, когда победа в той войне будет за ними, править Китаем будет он... Он вспомнил, как Амир Темур Кураган сказал в одной из их бесед в Куксарее: «Иншаллах, возьмёте сами управление Чин-Мачином».

Неожиданно ему вручили фирман о том, что ему передаётся трон Хулагу-хана. Он особо тому и не удивился, ему показалось, что это еще один шаг по длинной дороге к желанной цели. Амир Сайфиддин-некуз не скрывал, что очень доволен высоким назначением:

– Весьма справедливое решение! – сказал он. Оттого, что он задыхался, голос его был каким-то приглушенным, тихим. – Расстояние между тронном Хулагу-хана и Чин-Мачином такое большое, что кажется, и связи никакой тут нет. Но это не так! Прежде чем подступиться к такому краю, как Чин-Мачин, научитесь сначала управлять этим богатым краем. Вы осмотритесь там, наберётесь опыта, приобретете навыки, станете смекалистым. Все пригодится. Та-а-ак-с... А если на то пошло, и магрибские территории наши тоже остались незащищенными. После печальных событий с Мираншахом Мирзой салтанат стал похож на дом с обветшавшими, обрушивающимися стенами, открытый со всех четырех сторон... Сюда и волк может забрести, и собака забежать, и муха залететь. Сильная рука тут нужна...

Шахзаде это и сам понимает.

– Если вы будете рядом, будете советом мне помогать, и если Аллах соблаговолит... – и он посмотрел в глаза преданного друга своего незабвенного отца добросердечного Амира Сайфиддина-некуза. На лице его уже не было аккуртно подстриженных черных, как смоль, усов, которые так ему шли. Если не считать двух-трех чёрных волосинок, борода совершенно побелела. Отвислый подбородок, лоб избородили глубокие морщины... Но глаза были все те же – светились улыбкой и добротой. Благородный характер, мудрость, красота души – всё было налицо. Принц очень уважительно относился к Амиру Сайфиддину-некузу, очень дорожил своим опекуном.

Вот и у деда возраст потихонечку берет свое. Оттого что ранено было когда-то правое колено, он не может много ходить. Теперь его носят на передвижном троне. Сколько шахзаде себя помнит, столько мучается дед от этой боли в колене. Но говорит ему об этом только Её величество. А вот Сахибкиран никогда

и виду не подает. «Да, старость – такая болезнь, от которой лекарства нет», – сказал ему как-то дед. Проклятая немощная старость старается ухватить своими крепкими жилистыми руками с набухшими венами. Порой и прихватывает, мучает... Пусть Аллах не пожалеет для них своей милости!

Только теперь он чувствует, какой опорой для него является Амир Сайфиддин-некуз, словно его дед. Потому и в Султанию направились вместе.

Амир Аллахдад был очень рад этому. С короткой бородкой, подстриженными усами, нахмуренными бровями, настолько густыми, что, когда он смотрел, людям казалось, будто он отчего-то на них злится, старше сорока лет, этот амир всегда старался быть поближе к шахзаде.

– Очень верно сказали, брат! – поддержал Амир Аллахдад Амира Сайфиддина-некуза. – Трон Хулагухана – не только высокая должность, но большая ответственность... Не каждому это доверяют.

Амир Сайфиддин-некуз кивал головой в подтверждение слов своего брата.

Амирзаде Халил Султан, прислушиваясь к их разговору, старался не выдавать свое недовольство этой новостью. В голове у него промелькнуло: вместо лишённого за свои проделки права правления отца Мираншаха Мирзы трон правителя Хулагухана должен был быть пожалован его сыну – Халилу Султану.

– Поздравляю вас с высоким назначением, шахзаде! – сложил руки на груди Халил Султан. – Это высокая честь...

– Благодарю!

Когда обоз Мухаммада Султана прибыл в город Нишапур, случилось непредвиденное. Видно, Амир Сайфиддин-некуз изнемог от мытарств в дороге, к вечеру он почувствовал себя очень плохо, не сомкнул глаз ночью, мучился, а на рассвете... отдал душу Вечному владельцу.

Событие, которого никто не ожидал, застало всех врасплох. Человек только вчера разговаривал, давал советы, ободрял... А сегодня его уже не стало.

– Мой брат завещал: если вдруг отдаст Богу душу в дороге, чтобы тело его не оставалось на чужбине. Просил доставить его в Самарканд, там и захоронить, – сказал Амир Аллахдад, уныло глядя на Мухаммада Султана. – Если будет на то ваше позволение, я доставлю тело моего брата в Самарканд... Хазрат Сахибкиран далеко. Но возглавить похороны может амирзаде Халил Султан. Это будет достойно того высокого почёта и уважения, который имел наш брат.

– Я сам должен поехать... – начал было Мухаммад Султан, но Амир Аллахдад отважился его прервать:

– Прошу прощения, мой шахзаде... На всё воля Аллаха! Вы ответственны за исполнение фирмана Сахибкирана. Дела салтаната не терпят отлагательства. Вы продолжайте свой путь. Амирзаде будет с нами, этого достаточно.

– Рад буду служить! – поклонился Халил Султан. – Вы несколько не тревожьтесь. Похороним и догоним вас...

Сахибкиран, услышав о смерти своего дорогого и верного друга, громко зарыдал.

– Какой же друг у меня был! – причитал он. – Бросил меня, оставил... Да, «все мы рабы Аллаха и непременно вернемся к нему»,¹ – утешал он себя. А когда узнал, что амирзаде Халил Султан будет возглавлять похороны, успокоился и сказал: – Любимый внук мой сделает все так, что никто не заметит моего отсутствия.

Когда носилки с телом покойного выносили из его дома, Халил Султан невольно взглянул в сторону горящих женщин, одетых в черные одежды, что провожали усопшего плачем и причитаниями до двери дома. Они были похожи

¹ Коран. Сура «Корова», 156 стих.

на сирот, которые лишились своего защитника и покровителя, на встревоженных цыплят, оставшихся в разоренном гнезде. Единственное знакомое лицо среди них – Халдана-биби. Потом... цепкий взор амирзаде выделил неземную красавицу, что стояла рядом с Халданой-биби, обливаясь слезами. Да, охваченная горем девушка смотрела безутешно взором, полным слёз, прямо ему в глаза... Острые стрелы любви, сверкнув в лучах солнца, пронзили целомудренное сердце юноши! Да-да, они пронзили спокойное до сих пор сердце его насквозь! В пустом сердце безмятежная голубизна небес вдруг разверзлась, загрохотав громом и засверкав молниями... Как бы то ни было, он ошутил, будто все существо его содрогнулось! Кто же она?..

Амирзаде Халилу Султану было всего семнадцать лет: хорошего сложения, белолицый, привлекающий внимание своею внешностью, красивый, будто легендарный Юсуф, всеми любимый; щёки его ещё ни разу не были тронуты бритвой, ему очень шли чуть наметившиеся мягкие юношеские усики, будто бы пробивающаяся нежная травка на берегу прохладного ручейка с родниковой водой; и глаза, и губы он унаследовал от матери, широкий лоб, густые брови, крепкую кость – от своего отца.

О небо! Так кто же она, эта неотразимая красавица?! Смуглая лицом, с раскосыми глазами, будто пугливая птица, до чего же приятная, сладкая, удивительная... Оторвать глаз от нее невозможно. Она очень отличалась от других женщин, сверкая, будто бы солнечный луч во тьме и словно бы говоря: «Вот она я!» Амирзаде казалось, что он давным-давно знает её! Будто бы когда-то видел ее, но потерял. А теперь она вдруг нашлась, сверкающая, лучистая...

Амирзаде казалось, что юная прелестница не была рождена на этой земле, скорее, прилетела, как фея, с горы Кухи Каф¹. Огонь, что зажегся в его сердце, продолжал пылать, разгораясь все пыше, охватывая все его существо. Что же за напасть этот огонь? Если и захочет он погасить его, так ведь не удастся! Наоборот, разгорится еще сильнее! Откуда это на него нашло? Хотя бы можно было выговориться кому-нибудь, может быть, стало бы ему легче! В муках и страданиях любви сам собою родился такой бейт:

О турчанка, о фея, что похитила сердце моё, не мучай!

Соблаговоли отдать рубиновые губы, исполни желание души...

«Немудрено, что фея эта превратит меня в поэта!» – вздохнул погруженный в свои мечты амирзаде.

Обратившись к Халдане-биби, он узнал, что зовут фею Шадимульк, родители ее живут в самаркандской махалле Кок масжид, неподалеку от летней усадьбы Амира Сайфиддина-некуза. Она является невольницей Амира Сайфиддина-некуза...

Пока не провели поминальную «семидневку», безутешная прелестница всё время была на глазах. После всех поминок амирзаде, уже утратив всякую надежду увидеть невольницу (да и как же им свидеться?), отправился готовиться к отъезду. Выйдя со двора Амира Сайфиддина-некуза, он пешком направился в Боги Чинар.

И вдруг неожиданно маленькая дверца в торцевой части дома открылась... и навстречу ему вышла какая-то женщина в чёрном. Сердце его неистово заколотилось: это была именно она – красавица Шадимульк!

Они, не отрываясь, безмолвно глядели друг на друга... Вблизи Шадимульк оказалась еще прелестнее: смугляночка, с раскосыми глазами, обладательница небесной красоты...

– Ассаламу алейкум... – только и смог сказать ей в смятении амирзаде.

– Ва алейкум ассалам... – с легким поклоном ответила она на его приветствие.

¹ Кухи Каф – мифическая гора, где живут феи-ангелы.

В этот момент Халил Султан заметил, что где-то шагах в пятидесяти позади него появилась чья-то тень. Оказалось, что за ним шел его опекун Худайдад Хусейни, на расстоянии сопровождая амирзаде. Он понял, что при всем желании не сможет задержаться здесь, он не хотел, чтобы его опекун знал о его тайне. Халил Султан тогда ещё не знал, что Худайдад Хусейни чувствует даже движение змеи под землею.

– Я... я вернусь! – сказал он торопливо и как-то доверительно, обращаясь к невольнице.

Довольная Шадимулък не произнесла ни слова, не спуская с него своих прелестных глаз, пленивших его сердце, она сомкнула веки, взмахнув длинными ресницами, потом вновь открыла глаза. Это означало: хорошо, я буду ждать вашего возвращения.

Халил Султан стремительно пошел дальше. Невольница тут же исчезла.

Вместе с Амиром Аллахдадом амирзаде должен был как можно скорее ехать в ставку Сахибкирана. Только поэтому он пересилил себя и отправился в путь. Но на сей раз ему никак не хотелось покидать Самарканд. Будто бы часть его души оставалась здесь... В тот момент он был похож на тигренка, которого насильно вытаскивают из теплого логова. Царапая лапами землю, озираясь, извиваясь, он бьется, стараясь вернуться назад, но какая-то невидимая и могучая сила мешает этому. Всё дальше и дальше удаляется он от логова.

Еще по дороге в Карабах ему вручили срочный фирман из Хумаюн Урду, где пространно изложено было положение дел. В связи с тем что в Ираке поднимаются мятежи, времена беспокойные, Пир Мухаммад ибн Умаршайх вместе с Амиром Сулейманшахом должны направиться в Луристан и Хузистан. Амирзаде Султан Хусейн с Халилом Султаном, возглавив войско, должны идти на Багдад. Где бы ни настигла их весть о вражеских происках, пусть не успокаиваются до тех пор, пока не расправятся с врагом окончательно.

Правитель Ирака Султан Ахмад-жалайир, опасаясь грозной мощи Амира Темура, задолго до этих событий в страхе за свою жизнь бежал из страны. В конце концов он просил убежища у румского султана Йылдырыма Баязида. Однако в скором времени разнеслась весть о том, что Амир Темур собирается идти на Рум, что вот-вот будет он со своим грозным войском на этих землях... Султан Ахмад-жалайир, сетуя на то, что, мол, страна осталась без покровителя, испросив разрешения у Йылдырыма Баязида, возвратился в Багдад и приступил к восстановлению разрушенного города. Благо, что его сын Султан Тахир усердно помогал ему. Постепенно, по одному, все, кто ранее в испуге убежал из Багдада, стали возвращаться назад.

Правитель Ирака, отдавая сыну поручения, невольно обратил внимание на его побелевшие виски. Зашемило сердце. Да-а, сколько испытаний выпало на долю его сына, несмотря на то что он ещё совсем молод!

Сахибкиран, получив известия из Ирака, был сильно разгневан и поручил злые силы, что заставляют мертвых змей вновь шевелить головами, изрубить в их же гнезде. Именно поэтому Халил Султан был направлен в Ирак. Амирзаде Султан Хусейн присоединился к нему в Кирмане.

Когда они приближались к Багдаду, Мухаммад Чурага-дадхах, которого Сахибкиран отправил из Карабаха разведать обстановку в Ираке, приехал проведать Халила Султана.

– А в Карабахе был такой праздник, мой амирзаде! – сказал Мухаммад Чурага-дадхах, не скрывая радости.

– Говорите, праздник? – приятно улыбнулся Халил Султан, неосознанно повторяя слова дадхаха. Надо же было что-то отвечать ему... Ведь все его мысли были там, вдалеке... и все – о его красавице. – Э-ге...

– Праздник, да, праздник! Ведь Амир Сахибкиран как услышит имя наследника Мухаммада Султана, так у него прямо на душе светлеет, скажу я вам! На все воля Аллаха! Ведь не просто так он его наследником своим назначил. А сам-то шахзаде каков! Красавец! Да-да, возмужал, повзрослел!

– Вы правы, – вступил в разговор Султан Хусейн Мирза, – шахзаде действительно возмужал.

Султан Хусейн Мирза был похож на своего деда Амира Мусу: невысокого роста, с редкими бровями, глазами навывкате, с выпуклым лбом... После египетских событий он ещё более замкнулся, стал сторониться людей, ходил всё время задумчивый, не вмешиваясь в разговоры окружающих.

Его покойный дед Амир Муса, балуя его, говорил всегда: «Придет время, мой внук станет султаном всего Турана! Не зря же я дал ему такое имя. Я всегда стремился к трону, но не смог его достичь. А вот у него получится!» Он часто повторял эти слова. Во время осады Дамаска султан Фарадж тайком послал к нему своего человека (а пришла такая идея в голову Ёшбеку аш-Шайбани). Тот, конечно же, был прекрасно осведомлён о жизни при дворе, о настроениях всех детей Сахибкирана и передал: «Совершенно очевидно, что Темурленг будет вскоре разбит. Положение его пошатнулось, потому что с севера наступает румский правитель Йылдырым Баязид со своими янычарами, которые и огня не боятся, и в воде чувствуют себя как рыбы, а сам Фарадж с войском, объединяющим несметное количество воинов Египта, Ирака, Персии, Сирии... надвигается на него с юга. Нет никакого сомнения, что, объединившись, они разобьют туранское войско в пух и прах! Если... Султан Хусейн Мирза сейчас со своими воинами перейдет на сторону Египта – ему достанется туранский престол!..»

Султан Хусейн Мирза на мгновение представил себя восседающим на троне... Все заглядывают ему в рот, амирзаде Мухаммад Султан, Халил Султан и другие, обращаясь к нему, называют «Ваше величество!», «Хазрат!», «Достопочтенный!» Возвышают, заискивают. Ему наверняка достанется титул «Сахибкиран». На приём к нему будут спешить послы разных стран... он построит Золотой дворец – свой гарем, где будут обитать живые феи и ангелы... почти неземные существа... одним только взглядом пленяющие сердце... А у Амира Сахибкирана и гарема-то, считай, нет... Хо-хо-хо! У амирзаде будет роскошный гарем!

Погрузившись в такие мечты, увлекшись трешанием пустых орехов, Султан Хусейн Мирза сам не понял как, на свою беду, перешел на сторону врага. Перейти-то перешел, а вот дальше события разворачивались неожиданно. Иначе не в честь Мухаммада Султана, а, наоборот, в честь Султана Хусейна Мирзы было бы празднество в Карабахе... Неужто он не сможет исполнить извечную мечту своего деда Амира Мусы? Да, Амир Сахибкиран его простил, но пусть будут уверены все, что от своей мечты он никогда не откажется!

«Там они меня с таким почетом встречали бы», – подумал Султан Хусейн Мирза.

«Ну до чего же она живая... пленительная! Беда, прямо беда...» – вздыхал про себя Халил Султан.

– До того все обрадовались! Все были довольны, говорили добрые слова, поздравляли друг друга... Потом пошли оказывать почет и уважение Сахибкирану. Шахзаде крепко обнял Сахибкирана... так красиво поприветствовали они друг друга... он преподнес хазрату свои подарки.

– Подарки преподнес?... – невольно спросил Халил Султан. «Эх, сердцу моему неymeтcя. Вот бы мне увидеть сейчас возлюбленную...» – горестно вздыхая, думал он.

«Те подарки дарил бы я...» – шептал про себя Султан Хусейн Мирза.

«Эх, как всё вокруг засверкало, когда я увидел свою любимую...» – думал Халил Султан.

«И скакуны, и ремень золотые были бы моими, а уж золотая корона – точно моя! И золоченый халат носил бы я...» – сожалел Султан Хусейн Мирза.

– Потом приехала Туман-ока с внуками и внучками: Сабь-Ваккасом, Ибрахимом Султаном и Бекой Султан. Глаза Сахибкирана прямо наполнились светом и радостью от новой встречи...

«Да она еще моих внуков будет нянчить, эта Туман-ока, матушка наша...» – иронично хмыкнул про себя Султан Хусейн Мирза.

Мухаммад Чурага-дадхак был поражен. Он тут старается, рассказывает все последние новости салтаната... А амирзаде невнимательны и рассеянны. Султан Хусейн Мирза сидит, нахохлившись, будто бы чем-то обижен. Абсолютно ясно, что новости пришлись ему не по душе. Есть же пословица: целую бочку масла может испортить всего один маленький катышек помета! Он всегда задумывает что-то недоброе... Да и Халил Султан сегодня его удивил: вроде как бы смотрит в лицо, а мысли его где-то в другом месте. Как человек, умудряющийся спать с открытыми глазами.

II

Временами отношения между туранским султаном Амиром Темуром и правителем Рума Йылдырымом Баязидом становились спокойными, подобно чистому, безупречно-прозрачному утреннему небу, души при этом светлели; порой они внезапно ухудшались, становились, как вечер, окутанный туманом, и тогда сердца погружались во мрак. При этом, пытаясь распутать сложный узел проблем (а они-то были не шуточными, от них зависела в тот момент судьба мира!), обменивались несколькими посланиями, послами, визитами... Но казалось, что при этом не столько распутывались проблемы, скорее... создавались условия для писарей демонстрировать умение образно выражаться, шеголять искусством письма, хвастаться своей грамотностью, утонченностью, осведомленностью...

Послания содержали кучу необоснованных требований, неуместных притязаний, чрезмерного самолюбования. На скакуне своего гнева, дав волю языку, та сторона называла, к примеру, воинов Сахибкирана гайриддинами (иноверцами), другая взывала: «Ведь мы с вами – люди одной и той же веры, одного рода-племени, так почему бы не воздержаться нам от вольностей? Почему вы обращаетесь столь неуважительно, когда мы по возрасту старше?..» На это отвечали, что просить у кого-то прощения, склонять голову свою, или же, развернувшись, бежать с поля боя – не в их обычаях. Ведь человек увидит только то, что у него написано на лбу. Так чего же бояться, раз всё будет так, как велит Аллах...

Требования Амира Темура были очень просты и конкретны: передать в его руки пристроившихся под защитой Йылдырыма Байзида иракского правителя Султана Ахмада-жалайра и Амира Кару Юсуфа, которые доставляют немало страданий мусульманам, превзойдя в злодействе своем фараонов, грабящих караваны, которые идут из Хиджаза, Египта и Сирии, не давая житья купцам и странникам... Если же это невозможно, тогда достаточно, чтобы эти двое просто покинули Рум. Поскольку, куда бы они ни пришли, везде начинаются несчастья, вьют гнезда заговоры и измены. Напоминалось также об отправке в Арзинджан семьи Тахуртана, желательно – поскорее... Если не хотите, чтобы настигли вас несчастья, беды, лучше вам одуматься, поостеречься от недоброжелательных действий, потому что к тем, у кого намерения плохие, в душе нашей не найдется сострадания...

Ознакомившись с письмом, рассвирепевший правитель Рума вскочил с места:

– Что? В этом мире нашелся-таки человек, который, не смущаясь, может выставить такому султану, как я, свои мелкие претензии? Сын какого-то амира, про которого никто никогда и не слыхивал, степняк, несведущий в том, что в происходит в мире, да к тому же ещё и хромой... он, видимо, понятия не имеет о мировой славе и могуществе правителя Рума? Что он о себе возмнил? Думает, достиг возможного и невозможного в этом мире? Набив себе за пазуху пустой ореховой скорлупы, ходит счастливый, слушая ее шуршание? Он что, принял нас за одного из мелких падишахов Аджамы? Или перепутал румских воинов с растерявшимися сирийскими солдатами? Или мы ему показались бедными татарскими племенами из пустыни, которые и слова толком не могут сказать? Или же принял он нас за разрозненные войска, подобные ораве из Хиндустана и своре из Ирака, что бегут сломя голову, не разбирая дороги? Или же он думает, что его войско огромное, а наше маленькое?.. Еще пока мир не забыл, как дед наш Эртугрул всего-навсего с тремя сотнями воинов разгромил десяти тысячное войско хулагуидских татар! До сих пор хорошо помнят, как великий Усман Гази с небольшим войском (не более пятисот воинов) отправился на земли Сельджукидов, высоко подняв знамя священной войны!

Йылдырым Баязид ещё много чего говорил.

– Ваше величество! – включился в беседу Амир Кара Юсуф, воспользовавшись тем, что правитель остановился, дабы перевести дух. – Вы обратите внимание: ведь Темурленг сначала захватил Сивас, Малатию, Гурджистан, иракский Араб и Аджам... потом – Египет, Иран, Персию... затем взял крепость Кемах... Это значит, что он потихонечку окружает территорию вокруг Рума и хочет присвоить ее. Да, он, как змея, берёт вас в кольцо и, подобно змее, готовится поглотить Румский салтанат! Почтеннейший султан, он хочет указать вам недостойное вас место... Неужто же мы будем под его ногами, подобно пыли? Неужели такой известный на весь мир падишах, как вы, станет это терпеть? Всё-таки...

– Довольно!! – вскричал Йылдырым Баязид, вспыхнув гневом от слов Амира Кары Юсуфа. – Немедленно подготовить ответ Темурленгу!

«Требование, чтобы я схватил и отправил Вам Султана Ахмада-жалайира и Кару Юсуфа очень категорично... Однако правителям мира хорошо известно, что, когда Хулагухан, захватив Даруссалам, подчинил себе Иран, окружение и родные халифов бежали в Египет. Правитель Каира Бейбарс оказывал им всевозможную поддержку. Он даже отправил большое войско в арабский Ирак. В сражении с хулагуидом Карой Букой Нувином, наместником Багдада, египтяне, потерпев поражение, едва спаслись бегством. Но потомки халифов ведь и поныне находятся в Египте. Хулагухан ведь не беспокоил тогда Бейбарса требованием выдать всю родню халифа... А если так, что же делать опасающимся когтей беркута двум безруким и бескрылым – мухе, попавшей в мед, и голубю, лишенному своего гнезда? Ставить в зависимость отношения между двумя большими салтанатами от судьбы двух несчастных нам явно не к лицу...»

Вопрос о выдаче Султана Ахмада-жалайира и Амира Кары Юсуфа, а также о возвращении семьи Тахуртана в соответствии с требованиями Амира Темура был оставлен на суд времени.

Письмо завершали роковые слова, положившие конец переговорному процессу и навлекшие впоследствии немало несчастий и бед на головы людей:

«Мы боремся лишь за то, чтобы слова Тенгри ценили превыше всего. И сам я, и люди наши готовы жертвовать жизнью своей и всем, что у нас есть, дабы попасть в рай по заветам Аллаха. Наши пехотинцы страшнее конников в бою.

Они подобны львам, которые одним ударом лапы дробят камни. С них могут брать пример отважные барсы, могучие медведи, хищные волки... Топоры их отточенны, а когти остры... Одним словом, ежедневные дела, заботы и действия наши – всё ведет к нерушимому порядку в этом мире. “Мы будем сражаться по воле Аллаха. И не убоимся мы порицания порицающих”.¹

Впрочем, довольно. Нам ясно, что Вы со всей определенностью собираетесь на нас! Если же не придёте... пусть получают Ваши жены троекратный развод! Если же я уйду от сражения с Вами, пусть получают мои жены троекратный развод!»

Когда в Хумаюн Урду зачитали письмо, все просто окаменели. Состояние можно было сравнить с чувствами людей, на которых вылили по ушату ледяной воды в ту минуту, когда те и так дрожали от холода в рассветной прохладе осеннего утра. Люди переглядывались друг с другом с немим вопросом в глазах: «Неужели же других клятв не осталось?», «Ну для чего женщин-то нужно было сюда вmeshивать?», «Язык без костей, что только не скажет человек!»

– Да... Поспешил Йылдырым Баязид набросить на свои плечи рубище безумца! – сказал с сожалением в голосе Амир Темур. Было видно, что он ожидал другого ответа. – Увы-увы! Аллах тому свидетель, мы послали ему несколько писем, направили к нему послов... Девять государственных дел из десяти мы решаем через машварат. Очень странно, мы высоко ценили честь и достоинство Йылдырыма Баязида, желали наладить хорошие отношения, не собираясь захватывать его земли. Теперь, получается, он ждёт, когда мы выступим в поход... Мы не собирались посягать на его вилайет.

Низамиддин Шами, летописец, всегда ходивший с карандашом и тетрадь, буквально схватился за ворот от удивления. «О Создатель! – подумал он. – Неужели можно дойти до такого безумия, восторгаясь собственным могуществом? Столько спеси, кичливости по отношению к такому хазрату, как Амир Сахибкиран, которому повинуются именитые султаны, родовитые правители, столпы нашего времени... Как же посмел Йылдырым Баязид послать ему такое неучтивое, бесцеремонное письмо?...»

– О Всемогуший Аллах, что же ты творишь? В какую же сложную ситуацию ты поставил нас!..

Встав с места, поскольку от волнения ему не хватало воздуха, Амир Темур направился к выходу. В такие минуты он предпочитал остаться наедине с самим собой, чтоб поразмыслить, поостыть... Ни один из присутствующих не сдвинулся с места.

Сахибкирана более всего задело в проклятом письме слова «талок-с-салоса», или – «трижды талак»! Когда они прозвучали вслух, он буквально не мог места себе найти! Настолько было ему неловко перед дворцовой знатью... В тот момент ему показалось, что в пятидесяти шагах от него младшая его жена Тукал-ханум из царского шатра укоризненно смотрит на него долгим и горестным взглядом своих прекрасных глаз... Гарем, семья – священные, об этом говорить всуе... использовать беспардонные выражения недопустимо! Не от большого это ума.

Когда Амир Темур думает о гареме, о семье, сердце его наполняется гордостью. Ни одного неосторожного слова в адрес семьи он не воспринимал, старался нечаянно не запятнать их честь. Гарем – место, где радуется сердце человека, где восстанавливается его дух. Там отдыхает он от непростых загадок своего времени, от тягот и обязанностей жестокого мира. Да, гарем, семья – для Амира Темура это свято. И когда начинают обсуждать такие темы во всеуслышание, это посягательство на его честь. Правителю Рума придется это понять!

¹ Коран. Сура «Трапеза». 54 стих.

«Врождённое благородство натуры Сахибкирана не позволит оставить без внимания оскорбительные слова румского султана», – подумал Низамиддин Шами.

Сахибкиран долго смотрел в направлении Рума... Огромный, просторный мир сжался в его глазах сейчас в какое-то тесное маленькое пространство. Потом сказал, будто ни к кому не обращаясь:

– Ведь если ты потеряешь друга, то обретишь нового врага. Если же врага ты обратишь в друга, тогда одним другом у тебя станет больше, а одним врагом – меньше... Да и есть ли вообще в этом мире друзья? Где они? Бывает, что друзьями становятся бывшие враги... Вот и на Йылдырыма Баязида были у нас надежды сделать его другом своим. Увы-увы...

Внезапно развернувшись, он быстро шагнул в падишахский шатёр:

– Да, господа! Такое оскорбление стерпеть нельзя, когда задевают честь женщин! У джигита ведь нет другого богатства, кроме как достоинство и честь. Беречь имя свое, самоуважение – долг каждого мужчины! Мужчина живет ради достоинства...

Под впечатлением непристойного письма Мир Саййид Барака невольно сказал:

– Да, жаль... Солнце румского султана с востока справедливости покатилося на запад обмана...

Сахибкирана сильно задело, что Баязид, будто стоя на вершине высокой горы, направил письмо находившемуся у ее подножия, даже и не у подножия, а на дне какого-то глубокого оврага. «Не услышал ты наших слов... теперь готовься к войне!» – подумал он с досадой и объявил фирман:

– Подготовить победоносное войско к смотру! Да так, чтобы показать его стать и силу на всей сивасской степи! Для послов султана отвести места на возвышении, дабы воочию увидели они наше могучее, прославленное на весь мир доблестное войско – крепкое, как горы, бесчисленное, как пески! Да... Они нас не знают, но когда узнают, будет поздно...

Каждый раз, когда военные отряды приближались к возвышенности, командующие, спрыгнув с лошади, не выпуская вожжи из рук, бежали в сторону Сахибкирана. Преклонив колена, они возносили ему хвалу и присягали на верность. Затем, повинуясь знаку, наукары дружно кричали: «Жизнь посвятим Аллаху, Родине и падишаху!»

К падишахскому шатру, сверкая яркими знаменами, шли вооружённые войсковые отряды, сотенные, тысячные, десятитысячные кошуны... Наблюдавшие за парадом не могли оторвать глаз. Сахибкиран нетерпеливо поглядывал влево, поджидая, когда же настанет черед для войска наследника Мухаммада Султана. Наконец оно показалось. Огромное войско, состоящее из четырёх подразделений, приближалось ровными рядами. Рослые, стройные наукары отличались друг от друга цветом своей формы, джигиты были одеты в красную, зелёную, жёлтую и белую форму. Приблизившись к шатру, шахзаде, спрыгнув с лошади, поклонился Сахибкирану, глаза которого светились радостью и гордостью, и сделал подношение. Потом, отступив на один шаг и положив руку на сердце, он сказал:

– Достопочтенный Сахибкиран! С тех пор как возник из небытия и существует небосвод, не было такого справедливого и мудрого султана, как вы. На грядущую битву мы идём под знаменами вашего государства. Мы победим Рум, и это известно Аллаху!

Сахибкиран ответил вдохновенными словами, что пришли к нему по наитию:

– Эй, мой шахзаде, которому справа сопутствует победа, а слева – удача, украшенные красой веры! Мои руки благословляют вас, а язык возносит молитвы. Аллах всегда с вами! Ангелы его пусть благословляют мои слова. Пусть сам Создатель сделает жизнь вашу длинной и оберегает вас от злых глаз!..

В ту минуту из ровного ряда амирзаде вышел один из молодых беков и быстрым шагом направился в сторону Сахибкирана. Одетый в железный шлем и кольчугу, с красивым оружием, поправляя меч, что висел у него на боку, этот «бек»... оказался его невесткой Согинч-ханум!

Она быстро подбежала к Сахибкирану и низко ему поклонилась. Он вновь порадовался сильным движениям невестки, которая была сейчас так похожа на храброго джигита! Даже военный отряд сама собрала, организовала... Вот ведь и его покойная супруга Ульжай Туркан-ока была как раз из таких женщин. Когда Темурбек блуждал в пустыне Кызылкум после тяжёлой битвы за Карши, она была с ним, его поддержкой и опорой. И дочь его – Султан Бахт-бегим была такой же сильной и бесстрашной, в возрасте Согинч-ханум занималась военным делом и в битвах участвовала... «Вот они – дочери – потомки великого полководца!» – с гордостью подумал Сахибкиран. Из рода амиров, откуда происходил и сам Сахибкиран, того славного рода, представители которого издавна были известны смелостью и отвагой. И сами они, и дети их – сыновья и даже дочери, внуки и даже невестки – у всех у них в крови это есть!

– Да благословит вас Аллах! Чтобы вы росли и процветали, наступали и никогда не отступали, дочь моя! Придёт время, когда верну я свою жизнь Вечному владельцу... и храню надежду я на Аллаха, что родной Туран возглавит тогда шахзаде Мухаммад Султан, с ним наша Родина прославится на весь мир. А рядом будет такая сильная женщина, как вы, – помощница его, опора, советчица... С вашим умом и отвагой будет только расти уважение к роду Темуридов, иншалла! – благословил Согинч-ханум Амир Темур от всего сердца.

Смотр войск, начавшийся на рассвете, продолжался до самого вечера. Наконец, непрерывное движение войск стихло.

Амир Темур поручил уважить послов и набросить им на плечи золотошвейные халаты. После этого он, обратившись к Карали-паше, сказал сдержанно:

– Передайте Его величеству Йылдырыму Баязиду, что, несмотря на неуважительное письмо, мы по-прежнему стоим на стезе благородства, будем идти по пути добрых отношений. У нас нет намерения воевать. Румский султан выйдет на поле боя под белым знаменем, не надо забывать, белый цвет – знак доброты. Если твёрд он в вере, пусть вышлет к нам семью Тахуртана и пришлёт как залог кого-нибудь из сыновей своих, чтобы мы оказали ему такие почести, каких ему родной отец никогда ещё не оказывал. Принимая его как родного сына, все румские страны вручу Йылдырыму Баязиду с тем, чтобы занозы зла и взаимных обид между нами исчезли полностью. Народы жили в спокойствии и здравии. И пусть все это зачтётся нам на том свете.

– Мы признательны вам, Ваше величество Сахибкиран! – поклонился ему посол Карали-паша, один из сильнейших полководцев Рума.

В тот же день румские послы отправились в обратный путь из Сиваса к Бурсе.

Глава семнадцатая

I

Момент, когда история входит в сложную и запутанную фазу, не сразу осознаётся людьми. Хотя все происходит по воле людей, все делается их усилиями, в порыве чувств, отваги, или... но ум впоследствии затрудняет осмыслить результаты содеянного. По логике печальные результаты возникают тогда, когда события выходят за отведенные для них рамки. Как ни прискорбно, именно тогда происходящие процессы и начинают развиваться неконтролируемо, спонтанно. Да, течение жизни, ход исторических событий, восходы и закаты, сияние звезд, порывы ветра, скопление туч, дожди, жемчужными каплями орошающие степь,

поля, сады, горы, буквально из небытия возникающие мириады кристалликов снега, покрывающие белоснежными коврами поля, пробивающиеся на ветках почки, превращающиеся в зеленые листочки или распускающиеся крупными цветами небывалой красоты, коим равных нет в мире и прочие подобные события происходят независимо от человеческой воли.

Исторические события тоже непредсказуемы: человек не в силах управлять ими, это за пределами его возможностей. Человек в этом мире – простой исполнитель, ну... в лучшем случае... зритель. Если где-то происходят сражения, возникают военные столкновения, возгораются великие войны... человек может осознать происходящее, но предотвратить большую войну он далеко не всегда в состоянии. Уже позже, через века, ученые-историки проанализируют события и скажут: «Вот если бы сделали не так, а вот эдак, если бы к этому вопросу подошли с другой стороны, вот если бы чуть-чуть отступили, вот если бы посоветовались, если бы имели согласие... было бы лучше, и не дошло бы дело до войны, не пролилась бы кровь, и земля превратилась бы в цветущий сад...» Но их дискуссии и разговоры никак не могут повлиять на свершившиеся события, хотя они надеются, что для последующих поколений они послужат уроком. Происходящее называют «участь», «судьба», «рок», «то, что написано было на лбу». И судья тут – сам Создатель.

Однако человек не в состоянии осознать, к чему может привести его собственное поведение. Последствия остаются за завесой таинственных предположений. К примеру, разве не понимали Сахибкиран Амир Темур и султан Османской империи Йылдырым Баязид – самые великие полководцы Тюркского улуса, – какой тяжелой трагедией обернется война, грозившая вот-вот начаться? Неужели не могли они предотвратить такое несчастье?.. Разум мучается, не находя ответа на этот вопрос... А мудрец скажет так: «Что должно было случиться, то и случилось».

Амир Темур, поджидавший посланника из Рума, был очень разочарован: вместо послов пришла неприятная весть. По донесениям караульных румский султан уже прибыл в город Тукат с невиданно бесчисленным войском! А у Сахибкирана были совсем другие планы: слишком уж затянулся поход на Магриб. Он думал о том, чтобы, пожелав Йылдыриму Баязиду удачи в войне с фарангами, которую тот давно уже собирался начать, поскорее вернуться на родину и готовить поход на Китай... Если Баязид попросит, он готов был добавить ему своих наукеров.

И вот в это время на небе неожиданно появилась хвостатая звезда¹. Люди места не находили себе от страха, глядя на нее. Всех охватила паника. Наукеры были взбуждены.

– Подожди... – сказал внезапно Учкора. – Слышал я, где-то неподалеку от Хумаюн Урду звездочеты какие-то собрались и обсуждают происходящее. Несколько беков отправились туда. Давай и мы к ним рванем, черт побери...

– Поехали, дух твоего отца!

Друзья прибыли как раз в разгар спора среди звездочетов. Круг был достаточно большой и шумный. Учкора узнал издаലെка некоторых амирзаде; заметил там Мухаммада Чурагу-дадхаха и Ахия Джаббара-бахадра.

Завершая речь, один из звездочетов сказал:

– ...Итак, появление хвостатой звезды с запада предвешает, что затевать войну с Йылдырымом Баязидом – рискованное дело.

– Как раз наоборот, – возразил ему другой.

Разные слухи, кривотолки расплозились, увеличиваясь в сотню, а то и в тысячу раз.

– Эти астрологи из воздуха слона спят, – сказал Сахибкиран запыхавшемуся Мухаммаду Чураге-дадхаху, хмуρο выслушав его рассказ о предсказаниях

¹ Хвостатая звезда – комета.

по звездам. – Ты лучше скажи, что доносят осведомители? Для меня одно такое донесение дороже предсказаний десяти астрологов! Значит, румское войско сейчас расположилось в Тукате, верно?

– Да, там. Все верно. Расположилось в городе и его округе, Амир Сахибкиран! – сказал дадхах. – На всех переправах по реке Юлгун выставлены посты. Там никто не пройдет, наукееры охраняют... Дороги узкие. Везде леса да заросли кустарника.

– И никаких послов так и не было, Мамат?.. – спросил Амир Темур. По его неуверенному голосу можно было понять, что его всё ещё не оставляла надежда: вот-вот появится гонец от Йылдырыма Баязида с добрыми вестями.

– Нет, не было, Амир Сахибкиран...

– Не было, значит... – вздохнул Амир Темур. Настроение у него упало. Рука невольно потянулась к подбородку и стала тереть кончик короткой бородки. – Да... от судьбы не уйдешь... Опять нам братья за меч? Опять копыя пойдут в ход? Копьё... само-то оно хоть и прямое, да вот дела его кривые...

Когда все заговорили, что враг близок и битва состоится у города Тукат, Сахибкиран издал фирман, предписывающий двигаться в противоположную от Туката сторону – в Кайсарию. Решение это повергло всех в изумление. У него была своя цель – увести туранское войско подальше от реки Юлгун через переправы, не охраняющиеся воинами Йылдырыма Баязида, успеть добраться до просторных равнин Анкурии. Одновременно он хотел перерезать путь подкреплению Баязиду во время боя со стороны Египта и Багдада. Еще одна тонкость: на узких дорогах Туката, среди лесов преимущество будет на стороне пехоты румского султана, это точно, и враг рассчитывает на это, чувствуя себя там как рыба в воде. А летучей коннице Амира Темура нужны просторные равнины, открытые со всех четырех сторон до горизонта. Такие места как раз в Анкурии.

Чтобы запутать противника, двигаясь из Сиваса в сторону Кайсарии, туранское войско резко повернуло влево и восемь дней шло по межгорью. Лазутчики румского султана не могли понять: туранское войско сквозь землю провалилось или улетело на небо...

Предполагавший сразиться с неприятелем подальше от своей родины, где-то в окрестностях Сиваса, Йылдырым Баязид, услышав об исчезновении туранского войска, торжествующе воскликнул:

– Ну вот! Видите? Видите?! Враг испугался нашей моши! Боится встретиться с нами лицом к лицу! А теперь даже тень его пропала... Убежать хочет, жизнь свою сохранить... Нет! Никуда не сможет он от нас уйти. Мы его догоним!

У Амира Темура не было намерения задерживаться в Кайсарии. Но Мухаммад Чурага-дадхах сказал:

– А здесь всё поспело: хлеб, овощи, фрукты – самое время урожая, Амир Сахибкиран! Колосья пшеницы к земле склонились, фрукты в садах осыпаются, на бахче поспели дыни, арбузы... Сами в руки катятся, сами в рот просятся...

Амир Темур сказал:

– Хвала и честь вечному Творцу! Сейчас войску именно это и необходимо, Мамат! – и тут же издал указ: «Войску самостоятельно запасти себе провиант!» Воины запаслись и съестными припасами, и кормом для лошадей и за четыре дня, успев покрыть сто двадцать вёрст, достигли города Киршехр.

Тут же был созван машварат.

– Такому исламскому султану, как я, поднять оружие против проповедующего ислам правителя – не лучшее дело! Хорошо бы не допустить столкновения. Но... если уж на то воля Аллаха, то другого выхода у нас нет... – сказал Амир Темур.

– Сие есть истина... – подтвердил его слова Мир Саййид Барака.

– Есть два пути, – продолжал Сахибкиран. – Первый – повременить здесь и дать возможность войску передохнуть. Второй – продолжать идти, пока не выберем открытое ровное поле для битвы, и вынудить врага принять бой в той стороне. Йылдырым Баязид приготовился к большому сражению. Он собрал всю свою силу и мощь. Вознамерился сокрушить нас одним махом. Мы же начнём сражение небольшими силами, но со всех сторон будем его отвлекать. Для начала выступают тысячники; отряды по пятьсот, по сто воинов. Так мы потихоньку сломаем его напор. В каждом направлении небольшими атаками будем изматывать войско врага, а после этого атакуем в самую сердцевину и разобьем его! В основном у него наукаеры-пехотинцы, хотя есть и конница. Поэтому, когда и захотят нас догнать, – не смогут. Уставшие уже будут, измотанные. Вдобавок, как донесла разведка, румский султан давно ничего не платит своим наукаерам. Значит, воины недовольны... Думаю, нам следует идти в сторону Анкурии.

«Да! Пойдем в Анкурию! В Анкурию!» – слышались голоса.

– Ведь если Аллах захочет отдать нам победу, так он и врага самого помощником в этом деле сделает... – сказал Мир Сайид Барака.

Сахибкиран одобрительно посмотрел на Пири муршида... и именно в ту минуту его осенило: переманить на свою сторону отважное племя кара-татар! Времени было в обрез. Нужно было спешить! Тут же вызвал к себе писаря Мавляну Хайбатуллаху и начал диктовать послание:

«...Да будет вам известно, что мы – один народ, племя; ваш сан, чин – мой сан, чин; ваша участь – это моя участь; хлеб насущный, данный нам Богом, слава Богу, един; ваши предки – это мои предки, все мы происходим от одних и тех же корней, мы – притоки одной и той же реки, мы – ростки одного и того же дерева. С древних времен наши праотцы росли и жили в одном гнезде. Если где-то царство завоевывают с оружием в руках, вы его заслужили по праву родства, поскольку отцы и деды наши с древних времен были падишахами туранской земли... Были времена, когда самый большой правитель румского края был подобен самому маленькому вашему мамлюку. Хвала Аллаху, нет изъянов в вашей силе, и ваш разум не имеет недостатка, воля ваша неприкосновенна, неуязвима. Так как же случилось, что склонились вы и согласились прислуживать? Зачем же взвалили вы на себя такие унижения? Ведь в действительности вы – великие из великих, как же случилось, что стали вы ничтожными из ничтожных? Почему вы, когда-то свободные, стали теперь рабами тех, которые сами происходили от рабов? Вы, чьи предки занимали высшие чины на этой земле, подобно прародителям вашим, должны быть на уровне хакимов этого государства! Но случится это, лишь когда мы победим врага, когда на этой земле установится дух ваших предков, но не Ибн Османа. Случится это, когда край перейдёт в наши руки, и мы будем свободно ходить по дорогам Румского государства. И когда воцарится здесь справедливость, оружие отдам я в руки того человека, который его создал, дома отдам я во владение тех, кто их возводил! Повернув воды в свое первородное русло, назначу я вас всех управлять кишлаками, поселениями, крепостями и городами. Для каждого из вас найду должность, подобающую вашим заслугам. Для этого нужно, чтобы вы в бою перешли на нашу сторону, соединились с нами.. Делайте вид, будто вы с Ибн Османом, но в глубине души не забывайте: вы – с нами... Потому что и ликом, и корнями мы – едины...»

Амир Темур вызвал своего племянника Мирзо Алибека, поручив ему осторожно тайно переправить это письмо татарам.

Тут подошел начальник караула и доложил:

– На горизонте, там, где небо сходится с землёй, со стороны города Киршехр появилась тень гигантского румского войска!

– Амир Шахмалик! – приказал Сахибкиран сразу, будто заранее ожидая этого. – Направьте спозаранку тысячу человек, чтобы привели нам «языка», только пусть идут с правой стороны. Амир Сулайманшах нападет с пятьюстами воинами в полдень с левой стороны!

Тем временем воротились копатели колодцев, направленные несколько дней тому назад рыть колодцы в маловодных местах по дороге в Анкурию.

В жаркие летние дни туранское войско приступило к осаде Анкурии. Запели карнай-сурнай, загрели литавры, наполняя шумом-гамом всю округу. Начали рыть ров вокруг городской стены. Куда ни посмотри, повсюду на стенах наукары, издаലെка похожие на мурашей, приклеившихся к висающим канатам и упорно ползуших вверх. Вот-вот они проникнут в замок, одолев крепостную стену... Скрытая цель заключалась не столько в том, чтобы сразу захватить город, но испугать румское войско, ослабить дух, лишить уверенности, а потом уже ринуться в атаку!

Действительно, услышав, что неприятель изменил русло, развернув воду, текущую в Анкурию, в другую сторону, и начал рыть ров под крепостной стеной, Йылдырым Баязид срочно выделил часть отрядов, перебросив их на защиту города.

– Хазрат Сахибкиран! Караульные донесли: румский султан идет прямо на нас! Всей армией... – сообщил запыхавшийся Мухаммад Чурага-дадхах Амиру Темуру, наблюдавшему сверху за осадой крепости. Лоб его покрылся капельками пота, карие глаза были полны тревоги. – Они уже вышли из Киршехра, находятся на расстоянии четырех верст, бессчетная орда! Идут, как грозовые тучи, полные сверкающих молний!

– Ага... Султан идёт, как грозовая туча, наполненная молниями?... – спокойно переспросил его Амир Темур. В голосе не было ни гнева, ни растерянности, ни радости. – Хвала и честь вечному Творцу! Наступило время, назначенное самим Создателем. Здесь в большом поле Чобукабад и разразится битва! Да будет вам известно, именно здесь когда-то знаменитый румский полководец Помпей разбил наголову войско понтийского императора Митридата. Это поле будто бы специально создано для великих сражений. Я и задумывал вступить в бой с Йылдырымом Баязидом именно здесь. Столько дней мы делали вид, будто избегаем боя, хотим предотвратить его. Ждал я: вдруг прибудет гонец от султана Рума с доброй вестью. Теперь мы находимся в Анкурии.

В этом и есть наша военная хитрость. Любая война предполагает хитрости! Но если мы и теперь не вступим в бой... тогда действительно в глазах всего мира будем выглядеть как войско, бежавшее от врага. А такой удел никак не вяжется с нашей честью. Ведь лев, когда он бросается в бой, назад не оглядывается!

Он тут же приказал приостановить осаду Анкурии, и всем бахадурам воротиться в военный лагерь, а ранним утром войску выстроиться в боевом порядке. Вызвав главу копателей колодцев, он приказал:

– Большой источник в горах закрыть! Иначе враг может воспользоваться им! Завалить пнями, сухими ветками, утрамбовать, замаскировать. Запечатать так, чтобы доступа к воде не было. Понятно?

– Понял! Будет исполнено, Амир Сахибкиран.

В войске чувствовались беспокойство и тревога. Все ошушали, что надвигается что-то ужасное, что нависла опасность... Но никто и представить себе не мог, до какой степени она велика! До какой степени сила противника смертоносна и ужасающа... От неведения ныли сердца.

Наступили сумерки. Природа готовилась ко сну, горы тихо прилегли на землю в надежде немного вздремнуть. Не считая охранников, на привале все погрузились

в сон... Только Сахибкирану не спится. Прижав благословенное лицо к земле, стал молиться, просить небеса принести ему победу в предстоящей битве:

– О великий Создатель! Ты, от кого нет тайн у простых смертных, мудрейший из мудрейших! Ведь всё, чего достиг я до сих пор – благодаря и по велению, предначертанному Тобой, по великой милости Твоей. Тебе, конечно, известно, сколько раз призывал я румского султана идти по пути Твоего учения – звал к перемирию! Терпел, выжидал... Но он пошел против Твоего веления, ослушался Тебя. Дай мне возможность отомстить! Накажи его!.. Пусть получит по заслугам, да воздастся ему. Признавая свою слабость, склонив голову в мольбе, надеюсь на покровительство, доброту и милосердие Твоё! Не оставь меня, бедного, без надежды... Ведь «кто же выслушает мольбы и молитвы бедных людей, если не Ты?..»¹

В смирении, покаянии, мольбе встретил он рассвет. Когда же закончил он утреннюю молитву, с доброй вестью пришел к нему Пири муршид Мир Саййид Барака. Для предсказания он открыл Коран и увидел неожиданное пророчество!

– С раннего рассвета кричали совы, каркали вороны, муэдзин вместо утреннего призыва к намазу читал аят: «Алеф. Лям. Мим. Очень близко к этому месту был побежден Рум»². Амир Сахибкиран, этот год – год Лошади. Вы в этом году на горячем скакуне. Видит Аллах, победа будет на вашей стороне! Хвала Аллаху, Господу миров!

Амир Темур почувствовал, что просьбы и молитвы его услышаны. Со спокойной душой, бодрый, невозмутимый, он начал приводить в порядок свое войско. В эти минуты он не был похож на пожилого человека, прожившего большую часть своей жизни, погруженного в подведение итогов, поскольку осталось ему совсем немного... Невозможно было дать ему шестьдесят шесть лет. Казалось, это крепкий человек в расцвете сил, подвижный, энергичный, полный надежд и отваги... Речь его была резкая, движения – четкие, все было гармонично. Он обдуманно ставил задачи, давал распоряжения, определяя порядок и места расположения важнейших частей войска, таких как чагдовул (арьергард) и хировул (авангард), напоминая задачи жавонгара и баронгара (левый и правый фланги)... Только после четкой расстановки станет понятна численность и соотношение частей войска.

Несмотря на жаркий летний день, на нем была железная кольчуга, на шлеме бросался в глаза большой красный рубин, отражающий солнечные лучи. Исключительная мощь, харизма, стройная осанка, то, как он держался в седле скачущего арабского гнедого с шеей, похожей на дутар, – все это придавало особую красоту и блеск Сахибкирану.

До небес возносились звонкие голоса, слышались клятвы верности. Будто по морю воинских частей, простиравшемся до самого горизонта, катились волны. Ловко, быстро одни бежали направо, другие – налево, отряды наукеров занимали свои места, соблюдая порядок. Вот справа выстроились в круг Мираншаха Мирзы, готовые броситься в бой brave бахадур. С левой стороны за войском пристально наблюдает Шахрух Мирза, ещё и еще раз осматривая свои отряды.

Все как один одеты в красивую военную форму: в руках луки, за плечами колчаны со стрелами, в ножнах сбоку мечи. Все в полной готовности, ждут: вот-вот будет дана команда о начале битвы.

Солнце хоть и поднялось всего в рост стрелы, но лучи его уже обжигали лица.

Сахибкиран расположился в самом центре войска. Здесь под знаменем около сорока подразделений. Наследник Мухаммад Султан, Пир Мухаммад-бахадур, Искандар Мирза и другие военачальники выстраивали своих наукеров ровными рядами. В центре сначала шли тридцать два огромных слона в железной

¹ Коран, сура «Муравьи», 62 аят.

² Коран, сура «Рум», 2 и 5 аят.

броню, на их широких спинах расположились опытные лучники, одним своим видом уже наводящие ужас на врага. Конца и края нет туранской армии: если сверху бросить иголку, так она и на землю не упадёт...

В те минуты Сахибкиран будто воочию видел, как издалека – из иракского Араба, из Турана и Ширвана, из Хорасана – спешат в сторону Анкурии к нему на помощь воины, подобно крови, что торопится по сосудам попасть в сердце. И это придавало ему сил.

Бесчисленная армия румского султана Йылдырыма Баязида заполонила весь горизонт на юге... Можно было подумать, что свободного места не осталось на земле, всюду воины, воины... Румский правитель спешно наводил жесткий порядок, определяя место каждому военачальнику. Да, наступил долгожданный момент. Со всех сторон неслись крики, приказы, команды... Глашатаи, стараясь побыстрее донести указы султана, носились между отрядами, будто маятники или челноки.

Правое крыло держал сын короля Сербии князь Стефан. Левое крыло армии держал старший сын султана храбрый и бесстрашный Сулайман Чалаби со своими беспощадными янычарами. Свое название янычары получили от «йени черик» – новое войско. Так оно за ними и закрепилось. Это были непобедимые, отважные воины, от одного слова «янычары» трепетали от страха сердца врагов. На их плечи красиво ниспадали кисточки высоких квадратных шапок, ходили они в широких голубых шароварах, ярко-алых накидках из толстой ткани, все были вооружены мечами, кинжалами, обоюдоострыми топорами, луками с большим набором стрел. Янычары, славившиеся своей сноровкой, быстрые, как ветер, сильные, как львы, были гордостью армии.

– Ещё никогда не было такого, да и не будет, чтобы выходец из каких-то дальних азиатских степей, сын простого амира мог одолеть султана, что держит в страхе весь мир! – сказал Эврунус-бей. – Ну неужели же Темурленг не мог этого понять, а?

– Ну завидует он... Ишь ты чего захотелось... – искренне засмеялся Якуб-паша. – А ведь мог спокойно жить у себя в степи, на лошадке себе скакать... Так не-е-ет! Потому что с румским султаном Йылдырымом Баязидом сразиться в битве – это большая слава! Говорят же: если цепляешься, так уж цепляйся за высоко повешенную верёвку...

– Ну да, Темурленг действительно хочет высоко зацепиться, – иронично добавил Мукбил-паша. – Как только схватим мы султана Турана, наш султан Баязид тут же повесит его на длиннющей верёвке!

Единственный, кто хранил молчание среди них, не участвуя в беседе, был Карали-паша. Он побывал у Амира Темура в Сивасе в качестве посланника и сейчас стоял, не вмешиваясь в разговор, глубоко погружившись в свои мысли, предвидя ужасные последствия этой битвы...

II

С наступлением рассвета только что кишмя кишевшие на небе звезды вдруг исчезли, подобно детям, которые, резвясь, бегали по улице, но по зову матери забежали во двор. Одинокая луна, свернувшись калачиком, уныло смотрела на происходящее.

Но прошло совсем немного времени, и, как обычно, взошло солнце, наполнив весь мир сиянием. Однако это был не обычный день. 28 июля 1402 года в восьми верстах на юге от Анкурии, на широкой ровной открытой местности разразилась одна из самых больших битв в истории: могучее туранское войско сошлось с непобедимой армией Рума. Это было жестокое побоище, по своей численности невиданное доселе. Великая битва, произошедшая когда-то между иранским и туранским войсками, поблекла в сравнении с тем сражением, как напишут потом историки.

На южной стороне поля, у Чобукабада, со стороны города Тукат, выстроилось румское войско, преследовавшее туранскую армию. С северной стороны взвились к небу флаги Турана. Две непобедимые, яростные армии стояли стена на стену... В тот момент они были похожи на молодых жеребцов, вольных, без узды и стремени, готовых вот-вот броситься друг на друга.

Амир Темур приказал музыкантам трубить в трубы, бить в барабаны! Похоже, враг ещё не знает, что над нашими головами реют флаги, на которых вышиты аяты победы!

Трубы затрубили, будто в судный день. Такой поднялся грохот, от которого буквально уши глохли!

По громкому гвалту, что доносился с поля боя, достигая неба, Йылдырым Баязид понимал, насколько горячо сражается румская армия!

Сверху можно было наблюдать следующую картину.

Поле битвы подобно гигантскому баркашу¹, битком набитому безжалостными солдатами и янычарами... Баркаш сотрясается, готовый вот-вот перевернуться и... Когда с вершины текут два горных потока: один – чистой воды, а другой – грязевой красноватой, сливаясь в «баркаше», грязевая проникает в чистую воду, а чистая вода, не желая принимать муть, отталкивает ее от себя. А то вдруг чистый поток стремится поглотить грязевую, но... ничего не получается. Они то смешиваются, то вновь разделяются... Борьба не прекращается, продолжается бесконечно.

На поле брани та же картина: то войско Амира Темура врзается в середину вражеской армии, то отважные янычары Баязида со страшным рычанием набрасываются на вражеские полки и разбивают их! Но следом в битву вступают новые и новые отряды... Не в состоянии выдержать ответный удар, янычары наконец отступают. Копья издают звук «шув-шув», булавы – «чак-чак», соединяясь со звоном мечей. С обеих сторон вопли, ахи, стоны... Повсюду валяются трупы, мечутся лошади, потерявшие всадников... Поле усеяно исфаханскими мечами, утратившими хозяев, колчанами с рассыпавшимися стрелами; в землю уткнулись арабские копья, колющие булавы... Отрубленные руки, головы, кровь ручьем, раненые воины, что находятся между жизнью и смертью... Эх, не трогают сердца человеческие их стоны, не внимает им никто... нет здесь ни милосердия, ни даже простого внимания... Во-о-он там сидит янычар, насквозь пронзенный копьем, сидит прямо, будто живой...

А жестокое сражение достигло своего апогея. Можно сказать, баркаш вовсю похлал огнем. В абсолютном хаосе, в непрерывном бою, когда дело дошло уже до рукопашных схваток, ни туранские наукары, ни румские янычары уже не понимали, откуда ждать беды. Как только воин поднимал меч против своего противника, тут же в спину его поражало копьё, сбрасывая с седла...

Несмотря на огромные жертвы, огромное число убитых и раненых, никто не думал о том, чтобы отступать или бежать с поля боя. И румское войско, и туранское сражались стойко и героически! От криков, стонов, от звона оружия небеса буквально оглохли...

Спустя некоторое время стало ясно: чаша весов победы медленно склоняется в сторону туранского войска.

Солнце уже покатилося на запад.

Амир Темур, находясь в центре туранского войска, был доволен тем, что бой идет по рассчитанному плану. Да, место он выбрал удобное для своей конницы, удалось заманить сюда неприятеля, и силы врага на исходе, невыносимая жара и мучительная жажда были только на руку армии Турана. На поле боя по поведению румского войска ощущается слабость врага: поражение близко. Сахибкиран отдал приказ:

¹ Баркаш (узб.) – полуплоское блюдо.

– Шейху Ибрахиму Дербенди перекрыть дорогу к Бурсе, не допускать подкрепление, если оно будет с той стороны! Пусть помогает ему Ахий Джаббар-бахадур.

Находившийся на возвышенности румский султан, не мог усидеть на месте, ощущая, что ситуация ухудшается. Он рвется туда, в самую гущу битвы, хочет показать пример! Его буквально сжигает это желание, он не ведает страха, не думает, что в него может попасть копье, что можно погибнуть в этой страшной схватке!

После многочасового сражения поле стало похожим на долину, накрытую густым туманом.

– Мой великодушный султан! – приветствовал его князь Стефан, кланяясь на ходу. – Увы, случилась беда! Мы не равны по силе с нашим проклятым врагом! А самое главное – татары перешли на сторону врага...

– Что ты сказал? Татары?.. Перешли?!

– И еще: Сулайман Чалаби направился в Бурсу. Он будет оборонять ее от врага. Хочет удержать этот город... для вас! Враг, оказывается, и туда направил свои войска.

– Что ты сказал?! Сулайман? Мой сын? Тот, кому я верил больше всех? – взревел в ярости румский султан. – Вместо того чтобы быть со мною рядом... он... он оставил меня одного на поле боя?! Не сказав мне ни единого слова? Да разве же он не знает, какая участь ждет сына, огорчившего своего отца? Да что тут вообще происходит?! О великий Тенгри!.. – Йылдырым Баязид схватился за голову.

– Мой султан, вы только посмотрите на их копья, они словно кричат: «Я – победитель!» – сказал князь Стефан. – Вынужден добавить: нам трудно что-то противопоставить этой нападсти, этой грозе! Муса, Иса, Мустафа давно уже разбежались в разные стороны.

– О великий Тенгри!.. – беспомощно стонал надломленный румский правитель.

– Мой великодушный султан! Остаться здесь сейчас очень опасно! – попробовал объяснить ему князь Стефан. Он шел сюда в надежде убедить султана быстрее воротиться в Бурсу, помочь Сулайману Чалаби оборонять город, а потом вновь собрать войско... – От моего двадцатитысячного войска осталась только половина. Десять тысяч моих воинов уже погибли!!! Даже если Анкурию сейчас мы потеряем – это ведь далеко не весь Рум, мой дорогой султан! Рум – огромная страна. Бежать – не значит потерпеть поражение. Да мы и не бежим. Мы отступаем. Сейчас мы отступим и вновь соберем армию! Мы вернемся, мы восстановимся, мой султан! И разнесем врага, да мы его просто раздавим!

– О великий Тенгри!..

– Мой великодушный султан! – взмолился князь Стефан, становясь на колени. – Ваша драгоценная жизнь нужна Руму, она нужна нам! Я не могу оставить вас здесь... одного! Я молю вас, повелевайте, пока армия не разбита окончательно! Нужно бежать отсюда поскорее...

– Что-что?! Бежать?! – будто внезапно пробудился ото сна Йылдырым Баязид. В его голубых глазах вспыхнул огонь! Ястребиные ноздри носа раздувались от гнева. – Бежать, поджав хвост... да ведь это повадки трусливых собак, ты понял?! В истории Османов ещё никогда такого не было, чтобы мы показали спину, бежали с поля боя! Я что... я буду первым, кто побежит, да? Я должен буду повесить себе на шею такое проклятие, да? Ну уж нет!! Меня зовут Йылдырым Баязид!

– Вызвать сюда моих преданных янычаров! Собрать необходимое войско! Я сам вступаю в бой, в бо-о-ой!!

От волнения на кончике его ястребиного носа выступили капельки пота.

Отступавшие янычары стали воссоединяться. Румская армия будто снова ожила, потому что теперь с воинами был их султан Йылдырым Баязид – их опора, сильный, жизнелюбивый, темпераментный человек с железной волей,

не раз восхищавший солдат своим мужеством! Издавая громкие крики, они направились в то крыло туранского войска, которое возглавлял наследник Мухаммад Султан. Разгоралось беспощадное сражение.

Сахибкиран был вынужден признать: «Да, этот султан оказался настоящим воином! Труссы в такой момент бегут с поля боя. Только отважные сражаются до последнего вздоха!» Он вдруг ощутил неловкость, оттого что сидит сейчас в укрытии. Повелев амирзаде немедленно отправиться в сторону румского султана и тут же оседлав тулпара, он в сопровождении Шахруха Мирзы, Мираншаха Мирзы и Султана Хусейна Мирзы бросился на поле битвы!

А там... наступило светопреставление! Так же, как если в затухающий огонёк вновь подбросить дров, пламя разгорается сильнее прежнего, разгорелась битва не на жизнь, а на смерть... Тут и стрелы, пронзающие сердца и забирающие душу, мечи, сверкающие в воздухе, поражая воинов; копыта, будто большие змеи, вытянувшие вперед свои ядовитые жала, несущие беду. Султан сражался, ни секунды не помня о том, что ему угрожает опасность... И его отвага воодушевила воинов! Войско янычар вновь и вновь дружно нападает... румский султан, не помышляя об отступлении, отчаянно бросается на противника... Не выпуская меч из рук, сражался он самозабвенно, не замечая, что наступает вечер. Неожиданно он обнаружил... что его окружают! Приглядевшись, увидел: справа и слева ряды противника стали сгущаться, а число бесстрашных янычар значительно уменьшилось... При виде их красных квадратных шапок, валявшихся в пыли, сердце султана больно сжалось. Всюду трупы, отрубленные головы, земля обгажена кровью... От пыли, поднимавшейся от копыт коней, почернело небо... Иылдырым Баязид посмотрел на солнце: только что ярко освещавшее все вокруг, оно теперь уныло катилось на запад...

«Упорно сражался я, но... победа мне не далась... Солнце моё закатилось. Да... Пришла пора нам отступить! Погибнуть здесь ни за что, ни про что – небольшое достоинство. Вернусь в Бурсу, найду князя Стефана, Сулаймана... Мы с ними вновь соберём большое войско и вернемся... Вот тогда-то уж я достану врага!»

Под прикрытием янычар он, с невероятным усилием прорвав окружение, выскочил, стремясь как можно быстрее удалиться от проклятого поля.

– Направить беков вдогонку! – приказал Амир Темур. – И чтоб не какой-нибудь наукер, и даже не амир, но согласно чести султана пусть задержит его сам хан Турана – Султан Махмудхан, задержит и приведет ко мне!!

Целый отряд бахадуров бросился правителю Рума вслед. День был до такой степени жарким, что трудно было дышать. Арабский буланый султана, оставляя далеко позади других коней, летел как ветер, не выбирая дороги. Румскому правителю оставалось совсем-совсем немного до Эскишехра... Туда, именно туда стремился он, то и дело поторапливая коня камчой.

И тут... что-то попало коню под ноги. На полном скаку он споткнулся! Султан вылетел из седла и улетел аж шагов на пять! Верные янычары бросились ему на помощь. Стена, он поднялся на ноги. ...Раздался крик хана Турана Султана Махмудхана:

– Надеть на руки оковы!

Шахзаде Мухаммад Султан, Шахрух Мирза и Халил Султан вместе с другими беками, подступая с разных сторон, вступили в единоборство с окружением правителя Рума...

Все были несказанно рады: страшной войне пришел конец.

Продолжение следует...

Перевод с узбекского Диноры АЗИМОВОЙ.

ЖИВОПИСЬ, ВДОХНОВЛЕННАЯ СОЛНЦЕМ

НИГОРА ЯДГАРОВА

Истории искусств известны художники, творчество которых сформировалось далеко за пределами их родины. Для многих русских художников XX столетия Узбекистан стал второй родиной, где их художественному таланту было суждено раскрыться в полную силу. Живописная природа и культурная среда Самарканда служили для художников источником вдохновения и новых впечатлений, необходимых для творчества. Творчество Надежды Васильевны Кашиной (1896–1977) вызывает интерес у современного зрителя широтой художественного диапазона, в нем отразились все метаморфозы времени. Четыре десятка лет, посвященные самосовершенствованию и требовательному, самокритичному познанию мира, нашли отражение в произведениях мастера. О её жизни, посвященной искусству, были написаны статьи, создана монография (Такташ Р. Х. «Н. В. Кашина». – Т., 1982). Ещё при жизни Н. В. Кашиной состоялось несколько персональных выставок: в 1932 году в Самарканде, в 1946 и 1958 гг. в Москве, в 1957 году в Ташкенте. Творческое наследие Н. В. Кашиной позволяет более четко представить картину развития изобразительного искусства Узбекистана XX столетия.

Уже в таких ранних произведениях, как «У чайханы» (1928–1929 гг.), «Предсказание судьбы ребенку» (1929) и «Переправа через Сырдарью» (1930) Кашина, выпускница ВХУТЕМАСа, проявила себя как сильный график и талантливый художник, последователь авангардного искусства Роберта Фалька. После переезда в Узбекистан она несколько лет изучала местный быт и обычаи, осваивала новый для нее мир Востока.

Первая персональная выставка художника, состоявшаяся в Самарканде в 1932 году, была разгромной. Как вспоминала сама Кашина, ей «были предъявлены жесткие требования – работать только непосредственно с натуры» (Такташ Р. Х. «Н. В. Кашина». – Т., 1982, с. 20). Отныне она много писала с натуры на открытом воздухе. В стенографической записи диспута в Союзе художников УзССР (1939 год) работы Надежды Кашиной оценивались как жизнерадостные, но несерьезные, в которых «есть что-то

Нигора ЯДГАРОВА. Родилась в Ташкенте в 1985 г. Окончила Национальный институт искусств и дизайна им. К. Бехзада (отделение искусствоведения). Докторант Института искусствознания АН РУз. Имеет научные публикации в отечественных журналах и зарубежных изданиях.

от импрессионизма не только в смысле понимания света, формы и т. д., а в смысле импрессионистического мироощущения!¹

В конце 40-х – начале 50-х годов Кашина писала разноплановые картины: яркие натюрморты, солнечные пейзажи, жанровые сцены на пленэре. Среди них стоит отметить «Натюрморт с петуниями» (1948), пейзаж «В саду» (1957) и жанровую картину «Урок танца» (1958).

Отдельного внимания заслуживает живопись Н. В. Кашиной, в которой отразилось своеобразное импрессионистическое видение художника – стремление уловить и передать на холсте свежесть первого впечатления. К таким её произведениям можно отнести портрет «Девушка с бубном» (1945). Образ юной узбечки, играющей на дойре, в картине Кашиной весьма показателен для изучения импрессионистических поисков художника. Портретируемую с художником связывали близкие, дружеские, отношения, поэтому портрет написан искренне и смело, без преувеличенной экзотики.

Композиция с фигурой сидящей девушки, мастерски вписанная в почти квадратный холст, полна гармонично созвучных линий. Изяшные изгибы тела и легкость движений создают ритмичность, сочетаясь с круглой формой бубна. Живописный колорит произведения усиливается благодаря естественному преломлению дневного света и солнечных бликов. Она написана лёгкими мазками, по свежести и прозрачности напоминающими акварельную живопись. Н. В. Кашина достигает эффекта первого впечатления не только с помощью колористических или пластических приемов, но и акцентируя внутреннее состояние девушки. Перед нами портрет, который, являясь результатом долгих сеансов работы, сохранил первоначальную свежесть и лёгкость. Картина Н. В. Кашиной «Девушка с бубном», обладающая основными качествами импрессионистической живописи, была результатом поиска новых возможностей реалистического искусства.

Импрессионизм (фр. *impression* – «впечатление»), течение в живописи, появившееся во Франции в конце XIX века, становится темой жарких искусствоведческих споров вплоть до нашего времени. Новаторство основоположников импрессионизма Клода Моне и Эдгара Дега заключалось не только в стремлении уловить и передать прелесть мимолетного состояния природы, но в революционном обновлении живописных приёмов, в их демократичности.

Понимание импрессионизма как транснационального явления (но специфического, ограниченного местом, временем и персонажами)² допускает однако утверждение о существовании немецкого или русского импрессионизма. Более того, можно говорить о формировании и развитии узбекского импрессионизма, основоположником которого был Павел Беньков (1879–1949).

Вопрос о своеобразии узбекского импрессионизма долгие годы замалчивался, неоднозначное отношение к нему было связано с идеологическими ограничениями прошлой эпохи. Понятие «импрессионизм» в отечественной нормативной эстетике оставалось если не всегда вполне негативным, то, во всяком случае, сомнительным и спорным вплоть до 80-х годов XX в.³ Связь импрессионизма с реализмом и пленэризмом обеспечила терпимое

¹ Центральный государственный архив Республики Узбекистан, фонд 3-20, опись 1, дело № 116, с. 22.

² Герман М. Импрессионизм. Основатели и последователи. – М., 2017. С. 8.

³ Там же. С. 6.

отношение к нему. В творчестве Павла Бенькова и таких его учеников, как Рахим Ахмедов, Юсуфхай Елизаров и Тимур Рашидов, импрессионизм проявился наиболее сильно.

В последующих жанровых картинах Н. В. Кашиной, таких как «Успех звена» (1948) и «Обеденный перерыв» (1949), наблюдается утрата той чистоты мазка и первоначального впечатления искренней радости, которые присущи портрету «Девушка с бубном».

Обращаясь к жанровым композициям на пленэре, Н. В. Кашина создаёт картину «Урок танца» (1958). Здесь изображены музицирующие женщины и танцующая девочка. Дойра в руках у одной и аплодисменты другой звучат в унисон с движениями маленькой девочки. Сцена домашнего концерта происходит во дворе, залитом мягкими лучами солнца. Художница вновь использует своеобразную прозрачную технику масляной живописи, эффектно подчеркивающую солнечные блики на одухотворенных лицах и ярких платьях героинь. Изображение бубна, вносящего нотки праздника в повседневную жизнь, становится в картинах Н. В. Кашиной национальным символом благой родной красоты и творчества.

Творчество Н. В. Кашиной не исчерпывается одними жанрово-сюжетными полотнами, в её живописи конца 40–50-х годов множество самобытных натюрмортов и пейзажей. Среди них натюрморт «Петунии» (1948), «Натюрморт с перцем» (1952) или «Натюрморт с зелёной чашкой» (1956). Натюрморт «Петунии» – ещё один пример кашинского импрессионистического мировосприятия натуры. Он интересен прежде всего богатым колористическим решением. Из незамысловатой композиции с двумя букетами и яблоками на жёлтой материи художницей создан исключительно живописный натюрморт: палитра её чиста и светла, переданы глубина, простор и воздух, соблюден баланс оттенков тёплого и холодного. Оптимистичное настроение художника передаётся благодаря мазкам, которыми Н. В. Кашина лепит форму цветов, придаёт объем яблокам и создаёт складки на драпировках.

Близкой к импрессионистической техникой письма отличается пейзаж Н. В. Кашиной «В саду» (1957), воссоздающий первозданную, дикую, природу, деревья в саду и панораму гор в солнечный день. Художница часто совершала поездки в горы, результатом одной из них и был этот пейзаж. В чем же его связь с импрессионизмом, отчего его нельзя отнести к пленэрному? Пленэрная живопись более статична, мазки в ней накладываются с равномерной силой и в логической последовательности, тогда как импрессионистическая техника требует от художника экспрессии мазка, прерывистых линий и полихромных точек. Недостаточная вылепленность форм и кажущаяся недоработанность композиции оказываются на втором плане, стоит только посмотреть на картину, прищурив глаза.

В последние десятилетия жизни Н. В. Кашина обрела свободный от художественных канонов оригинальный живописный лад, в котором создала запоминающиеся образы узбекских женщин и детей. Картины «На целине», «Тюбетеечка» (обе 1960 г.), «Дети вступают в новую жизнь» (1963 г.) и «Самаркандская мадонна» (1971 г.) отмечены неким орнаментализмом с примесью примитивизма. Она пришла к этому стилизованному миру ярких и локальных цветов, пройдя непростой путь: страстное увлечение живописью

Роберта Фалька, увлеченные поиски новых форм, закончившиеся запретом на авангардистские тенденции, и, наконец, освоение принципов пленэризма и импрессионизма в Узбекистане, которые научили её работать с натурой. Однако обращение Н. В. Кашиной в 40–50-х гг. к импрессионизму нельзя назвать лишь результатом поиска индивидуального художественного стиля или тем более увлечением западной модой. Её мироощущение, жизненная позиция, состояние души отражены в данном отрывке из стихотворения Н. В. Кашиной:

*Прислушаться бы к музыке в своём сердце,
Пересмотреть страницы впечатлений
И даже не думать, а просто любить и не лгать,
И мои цветы расцветут.¹*

Вдохновенная живопись Н. В. Кашиной доказывает истинность утверждения, что картину нельзя писать с натуры, её надо создавать на основе наблюдения натуры. Вот почему и спустя много лет картина Н. В. Кашиной «Девушка с бубном» остаётся одним из её высших достижений в импрессионизме. Передача того момента, который так близок и в то же время ускользающе далёк, составляет художественный смысл импрессионистических картин Н. В. Кашиной. Их ценность не до конца осознана по причине недостаточной изученности творческого наследия художника. Более серьезное и глубокое исследование живописи Н. В. Кашиной важно не только для восстановления логики развития творчества художника, но и для выявления её вклада в формирование современного искусства Узбекистана.

¹ Фонд 2320, опись 1, ед. хр. 935. Материалы о персональной выставке произведений нар. худ. УзССР Н. В. Кашиной 27 марта – 16 мая 1973 г., с. 12.

ЧЕЛОВЕК МИРА

НОДИРА ОФОК

Каждая книга, в сущности, является посланием автора в наш мир. Произведение японского мыслителя, философа Дайсаку Икеды *«Ты можешь изменить мир»* стало таким обращением ко всем жителям планеты Земля.

«Ты можешь изменить мир», то есть мир в твоих руках...

Мыслитель, философ, писатель и педагог Дайсаку Икеда родился 2 января 1928 года в Токио, пятый из восьмерых детей в семье. Вторая мировая война запомнилась ему страшными самолётами, бомбардировками; образом старшего брата, который так и не вернулся с войны. И он возненавидел войну, разрушающую жизнь, губящую людей. С юных лет его начали волновать судьбы человечества, судьба родной земли, межгосударственные отношения.

Потери и несчастья не сломали Икеду, не пробудили чувство мести в его душе. Напротив, он задумался о том, как уберечь людей от войн и разрушений, найти такие пути, чтобы народы, несмотря на различие религий, рас, обычаев, укладов жизни и государственного строя (даже если сталкиваются их интересы), находили компромиссы, не нарушая прав человека. Дайсаку Икеда посвятил свою жизнь решению этих проблем.

Он окончил институт Фудзи в Токио. После знакомства с наставником Жосей Тода вступил в общество Сока Гаккай, пропагандирующее морально-гуманистические идеи.

После смерти наставника сначала руководил этим обществом. А с 1975 года стал Президентом Международной буддийской просветительской организации (SGI), которую сам и создал. В этой организации собраны члены из 192 стран.

Икеда является автором произведений *«Революция в душе человека»*, *«Жизнь – это загадка, драгоценное сокровище»*, *«Мой Будда»*. В прошлом году в Ташкенте сразу на четырех языках – японском, узбекском, русском и английском – была издана книга Икеды *«Ты можешь изменить мир»*. На узбекский язык книгу перевёл друг философа, профессор-культуролог Турсунали Кузиев.

Нодира ОФОК (Нодира АФОКОВА). Родилась в 1966 г. в Бухарской области. Окончила Бухарский гос. пединститут. Доктор филологических наук. Поэт, литературовед, зав. отделом журнала «Тафаккур». Автор научных монографий и статей, нескольких сборников стихов.

Дайсаку Икеда учит нас: «Начните с диалога с самим собой». Кстати, «Дайсаку» на японском языке означает «великая помощь». Вдохновленный верой, что «ты можешь изменить мир», невольно поддаешься желанию написать ПИСЬМО ко всем жителям Земли, а может, в первую очередь к самому себе.

Многоуважаемый Дайсаку-сэнсэй!

Вы говорите: «Ты можешь изменить мир!»

Какие прекрасные слова! Душа человека, вдохновленного ими, наполняется светом. Наверное, в мире много благородных людей. Но есть ещё и такие (похожие на «неизвестного человека» Абдуллы Орифа), которые спрашивают: «А разве нужно **спасать** мир? Зачем нужно **изменять** мир?». Если даже поверхностно проанализировать историю человечества и его настоящее, становится понятно, что эти слова не напрасны. Обратимся к истории: войны, массовые казни, преследование свободомыслия, борьба за права человека... и великие исторические личности, которые боролись за справедливость.

Дайсаку Икеда

А что же сейчас? С одной стороны, глубокая осведомленность 'от мельчайшей частицы до Юпитера'¹, с другой – цинизм, позволяющий нагло вторгаться в самые неприкосновенные сферы – рождение и смерть человека; с одной стороны – люди, посвятившие жизнь борьбе за исцеление от неизлечимых болезней, с другой – те, кто под лозунгом справедливости совершает жестокое насилие, разжигает войны; с одной стороны – заботливые правители, которые считаются с

народом, с другой – народы, истреблённые по приказу своего же правителя; с одной стороны – необъявленные войны, с другой – мир страшнее войны... Политика, направленная на взращивание вражды между братскими народами... Люди, брошенные в тюрьмы только за то, что требовали элементарных свобод, по праву принадлежащих им, и те, кто стремится узаконить свои беззакония... Народы, вынужденно покидающие родную страну, и те, кто дает им убежище и одновременно грабит их земли. Да что там говорить, господин Дайсаку! В этом мире парадоксов радует то, что есть Личности, жертвующие собой во имя общечеловеческого счастья и спокойствия на земле. И вы, как один из них, дорогой Дайсаку-сэнсэй, в своём послании задаёте вопрос: «**Что делать?**»

Этот вопрос такой же древний, как мир. Когда войны, социальное неравенство, безграничная тирания, угнетение народов достигали предела, лучшие люди времени задавались этим вопросом. В разные времена появлялись провидцы и священные книги, но даже они не смогли указать путь истинный Адамову племени.

¹ Цитата из стихотворения узбекского поэта Гафура Гуляма.

Что делать? Вопрос возникает снова и снова.

Мы – приверженцы Священного Писания, где чётко и ясно изложены пути человеческого рода, уверовавшие, что больше не будет Посланных на Землю. Но есть избранные, которые все еще верят, что человечество, наконец, встанет на верный путь. Они пропагандируют истинные законы, указывают путь продолжения рода человеческого. Последует ли человечество за ними – это другой вопрос.

В этом мире нет случайностей. Рождение избранных, на долю которых тоже выпало указывать путь, – историческая необходимость, а не случайность. Вы один из них, Дайсаку-сэнсэй! Вы рождены просветителем, избраны для призыва к милосердию. Ваше сердце наполнено любовью ко всем людям. Ваше обращение «Ты можешь изменить мир!» не может не волновать благородных людей, потому что вопрос «Что делать?» – вопрос жизни и смерти глобального мира.

«Подобно тому, как огонь возможно погасить только водой, ненависть можно затушить только любовью и состраданием».

«Мир, достигнутый путем насильственного подавления человеческой мысли и голосов, независимо от того, ваша это страна или нет, – это мертвый, безжизненный мир».

«...пока не рассеется невежество, мир на этой планете не будет установлен никогда».

«Мир рождается из готовности слушать».

«Невозможно с помощью насилия достичь мира».

Это – ваши ответы, дорогой Дайсаку-сэнсэй!

Но вновь и вновь следуют вопросы... Уважаемый Дайсаку-сэнсэй, мы озабочены тем, чтобы построить роскошный дом, устроить торжественную свадьбу отпрыскам, поменять автомобиль на более дорогой, чтобы прославиться, обогнать кого-то в этом жизненном марафоне. А Вас беспокоит судьба человечества. Вы мчитесь по планете в поисках единомышленников, встречаетесь с могущественными современниками, которые могут повлиять на ход событий в мире, объясняете, полемизируете, Вас волнуют такие вопросы, как:

- Каким же образом мы сможем, и сможем ли вообще, превратить ненависть в сострадание, а противостояние – в сосуществование?
- Что необходимо сделать, чтобы положить конец терроризму? Возможно ли одними военными действиями решить эту проблему? Не приведет ли это к ещё большему разжиганию ненависти?
- Если даже допустить, что удастся истребить всех врагов, принесет ли это настоящий мир? Не сделает ли накопившаяся ненависть мир ещё более опасным?
- XX век был столетием войн. Он унес миллионы жизней невинных людей. Извлекли ли мы уроки из ужасных трагедий?
- Что необходимо предпринять, чтобы встречи разных культур порождали не диссонанс, а звучали как симфония?

Каждому из нас необходимо задать важные вопросы самому себе. Может быть, принятые мной стереотипы усвоены поверхностно? Не поверил ли я в недостоверную информацию без проверки? А может, невольно попался на провокацию? И вообще, насколько же я владею реальной ситуацией?

Проверял ли я? Уточнял ли? Был ли на месте событий? Встречался ли с людьми? Слышал ли их мнение? А может быть, поверил очередной выдумке? – вот важнейшие из них.

И вновь вопросы... Они есть у каждого из нас. И их масштаб определяет судьбу мира. На мой взгляд, уважаемый Икеда, своей деятельностью Вы преследуете следующие основные цели:

- не допускать войны (так как никакие ни социальные, ни политические мотивы не оправдывают военных действий!);
- добиваться компромисса между странами и народами, их мирного сосуществования;
- просвещением бороться со злом и победить его;
- превратить нашу планету в мирную обитель счастливых людей.

Почему-то вспоминается крохотная ласточка, которая хотела спасти мир от пожара, поливая огонь слезами... А не есть ли это великая сила самоотречения и любви?!

Формула

Вы были инициатором установления памятника Алишеру Навои в самом центре Токио. На открытии памятника Вы произнесли слова нашего великого соотечественника:

*Поймите, люди всей земли, вражда – плохое дело,
Живите в дружбе меж собой – нет лучшего удела.*

Эти слова – Ваше жизненное кредо. Захириддин Мухаммад Бабур (1483–1529), правитель и поэт, основавший объединенное государство на родине Махатмы Ганди, просуществовавшее длительный период, пять веков назад сформулировал идеи самоотверженности и мужества, созвучные Вашим. У Бабура есть газель «Милосердие», в которой говорится, что в мире нет добра, все творят зло; ладно плохие, даже хорошие люди отказались делать добро... И это не просто поэтическая фигура! Если обратиться к его автобиографическому произведению «Бабур-наме», становится ясно, что поэт пишет горькую правду. После тяжких душевных мук поэт все же провозглашает, что даже если люди отказались творить добро – это не закономерность:

*Оказывая людям добро – нет завиднее памяти,
Коль скажут: «Мир много узнал от него хорошего».*

Как видите, Бабур противоречит сам себе.

Ваши слова «Ты можешь изменить мир» в моей душе звучат как подтверждение этих строк. Творить добро для всех – это и есть главное назначение человека и условие продолжения жизни на земле. Для этого нужно любить человека любовью Бога, обращаться с ним по-матерински милосердно.

Любовь Бога

Всевышний заботится о каждом человеке, милосерден к каждому из нас. Такова любовь Бога.

Любая мать любит своих детей одинаково – бескорыстно и безвозмездно. Это и есть настоящая материнская любовь.

Человек мира обладает именно таким безграничным милосердием и любовью к человеческому роду. Дорогой Дайсаку-сэнсэй, вы отмечали, что для Человека Мира, «для Ганди ненасилие означало переполнение любовью ко всему человечеству, путь жизни, исходящий из глубины его сердца. Это давало ему силы для продолжения жизни, без этого он не мог прожить ни секунды».

Воистину, гражданин мира – это суфий, который, как почтеннейший Руми, соглашается со всеми семьдесятю двумя направлениями (мазхабами).

Гражданин мира – это тот Посланник, который считал обвинявшего его Прокуратора милосердным:

«– Скажи мне, что это ты все время употребляешь слова "добрые люди"? Ты всех, что ли, так называешь?

– Всех... злых людей нет на свете»¹

Люди часто не хотят делать добро, обижают своих близких... Если люди не могут жить в согласии даже со своими близкими, разве можно любить бескорыстно и самоотверженно чужих? Читая Ваше послание, учитель, я размышляла обо всем этом: «Нам всем велено любить. Ведь человек – это плод любви! Счастлив тот, чья душа наполнена любовью!.. Проявление любви может изменить мир!»

Человек мира верит в это. Он не может не любить даже злых людей; напротив, он желает им добра, благополучия и благочестия.

Убить – не убить...

Ваши рассуждения по поводу войны и мира напомнили мне рассказ «Убить – не убить» всемирно известного писателя Чингиза Айтматова. Рассказ особенный, в нем автор подводит итоги темы войны.

Совсем ещё юный Сергей Воронцов отправляется на фронт. Мать наставляет: «Не убивай никого, не проливай крови!» Его отец возмущается: «Что значит не убивай! Как это не убивай, крови не проливай! Вот те на! А куда он уходит-то? Никак на войну ведь...»

Если ты не убьешь, убьют тебя – таков закон войны.

Убить – не убить... Что делать? Невинный Сергей, как прозвали героя во взводе, совсем запутался.

Вот история об архиепископе Ромэро из Сальвадора, рассказанная вами. В разгар гражданской войны священник обратился к прихожанам: «Разве будет достаточно, если религия будет толковать лишь о жизни после смерти? Нет, конечно, нет... Как можем мы утешить родителей, у которых ребёнок умер от голода, тем, что после смерти он попал в рай, и требовать от них благодарности Богу?» На самом деле, отец Ромэро мог спокойно проповедовать, не затрагивая политики. Зачем понадобилось ему это заявление, за которое он поплатился жизнью. Вы отвечаете: «Честно говоря, в обязанности архиепископа Ромэро не входило делать публичные политические заявления в церкви. Однако, учитывая реальную обстановку в своей стране, он решил, что молчать нельзя».

¹ Булгаков Михаил. Мастер и Маргарита.

Среди прихожан были и военные, и госслужащие. «Когда кто-либо вам прикажет убить кого-либо, вспомните слова Господа нашего "Не убий!", потому что Закон Божий превыше всего, – говорит священник. – И никто из солдат не обязан подчиняться приказам, противоречащим этому Закону».

Но на завтрашний день... святой отец был застрелен во время проповеди. Его казнили, потому что он призывал не убивать... Его казнили, потому что он не мог быть равнодушным... Это событие возмутило народ и привело к гражданской войне.

Убить – не убить... Желание жить и долг требуют одного, а убеждения склоняют к другому. Первое даёт жизнь, а другое обещает вечное счастье. Первое – близко, а второе – далеко... Что делать?

Отец Сергия говорит жене: «Да тебя за такую агитацию во враги народа и в Сибирь упекут. Тут война идет мировая, кто кого осилит, или мы, или нас, а ты – не убий! Думаешь, мне собственного сына не жалко? ...Только как же иначе? Солдат землю свою защищает, у него приказ. И если солдат уничтожит врага, то есть убьёт, то по приказу, то по долгу, да это его героизм, а как же!» Такова правда отца.

А женщина, рожденная с Божьим милосердием в душе, отвечает: «А как потом жить на свете – одни убийцы останутся на земле?..»

Если героизмовать, воевать, долг, победа... – все это противоречит Закону Божьему, к чему всё это? Убить, ради того чтобы выжить – оправдано ли это убийство? Разве такая жизнь не хуже смерти? Неужели, в этом случае убийство называется героизмом? В этом суть рассуждений матери.

И кто же прав? Отец или мать?

Убить – не убить... А разве эта дилемма касается только войны, Дайсаку-сэнсэй? Разве мир и ныне не следует законам джунглей, где сильные выживают за счет слабых? И в глобальных масштабах, и в частной жизни, если не одолеешь ты – одолеют тебя.

«Не убий!» Если это правило только для одной из сторон – это есть величайшая несправедливость и катастрофа. А как же другая сторона? Каждый из нас должен сделать выбор: выживание или убеждение?

Чингиз Айтматов в своем рассказе на первый взгляд оставляет вопрос открытым, хотя у писателя, конечно, есть свой ответ. Кто знает, о чем он думал, когда писал рассказ? Может быть, его сердце обливалось кровью... Возможно, не находя отклика на свои переживания, он желал улететь в бескрайние небеса, как его герой Филофей.

Убить – не убить... Будущее человечества зависит от того, какой путь выберут семь с лишним миллиардов людей на земле.

Ваш ответ, Ваш выбор, Дайсаку-сэнсэй, таков: «На заре новой эры, в XXI в. мы должны взять за основу главный принцип жизни – "не убий"».

Сомнения, вера...

Надо признаться, обычный человек часто блуждает в несоответствиях между поступками и словами людей. В мире есть множество прекрасных лозунгов: «Жизнь человека – величайшая ценность»; «Быть человеком – это значит брать на себя ответственность не только за себя, но и за другого...» Мы много раз слышали подобное. Но в жизни не всё так однозначно. К сожалению,

жизнь нас часто сталкивает с жестокостью и несправедливостью. Мало того, жестокость приукрашивают гуманностью, самые высокие идеи меркнут перед обыкновенным человеческим инстинктом самосохранения. Человек всегда пытается оправдать свои действия всеми правдами и неправдами. В обществе существуют псевдоправила, которые потихоньку стирают в человеческом сознании представление о «праве жить по-человечески». Те немногие, которым известна истина, к сожалению, не всегда готовы поделиться ею. И человек теряется...

Недоступная философия, стремительно развивающиеся технологии; душевные переживания, от которых вскипает мозг; наука, усложняющийся процесс обучения; политические игры; искусство, напоминающее головоломку... – к чему все это? Какая не-

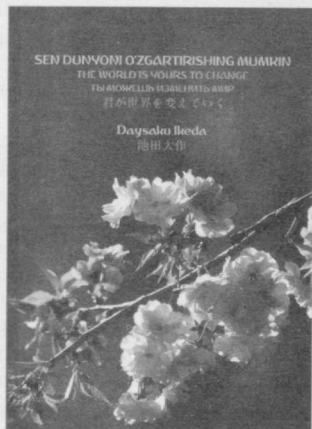
обходимость в том, чтобы усложнять жизнь людей? Иногда хочется всё отбросить и, как суфии, уйти в бескрайние степи... Но мы обыкновенные люди! Мы хотим дышать полной грудью, хотим, чтобы наша жизнь продолжилась в детях; хотим в капле дождя узреть мгновения бытия и, наконец, смотреть друг другу в глаза. В мире есть свои навсегда установленные порядки. Нам, обычным людям, мир с такими порядками ближе и понятнее... И когда солнце не всходит или не заходит, человека мучают тревога и сомнения, дорогой Дайсаку-сэнсэй!

Среди величайших фигур XX века Вы особенно выделяете Махатму Ганди, противника насилия, агрессии и угнетения, деления людей по религиозным и национальным признакам. Он желал всякое насилие искоренить мирным путем. Ганди просил не наказывать молодого человека, покушавшегося на его жизнь, требовал любыми способами направить виновного на путь истинный. Вот оно – великодушие! Вот она – вера в человека! Вы пишете: *«Не было на свете человека, который бы ненавидел насилие так, как он. И также не было человека, который бы больше, чем он, был уверен, что насилие может быть подавлено только ненасилием»*.

И Вы повторяете: *«Ганди был одинок...»*

Но почему, Дайсаку-сэнсэй? Вероятно, как бы вы ни верили, что мир можно изменить с помощью милосердия и ненасилия, с помощью диалога, как бы вы ни метались по Земле, история человечества и сегодняшняя действительность нет-нет и в вашей душе пробуждают сомнения?..

«Ганди был одинок...» Возможно, Вы это повторяете как призыв к тому, чтобы не оставлять таких, как Ганди, в одиночестве? Возможно, текст и подтекст противоречат друг другу – и вы хотите сказать, что Ганди вовсе не одинок? Ведь на свете наряду с покушающимися на свободу человека есть и благородные люди с добрыми помыслами! Вполне вероятно, что соотношение сил пока в пользу первых. Но в сердцах многих нашли отклик слова *«Ты можешь изменить мир!»* И это, несомненно, изменит соотношение сил.

Книга Дайсаку Икеды
«Ты можешь изменить мир»

Наши предки считали, что спасение в Священной книге, в ее наставлениях. У человеческого рода нет другой путеводной звезды...

Шукран, Дайсаку-сэнсэй!

Дорогой Дайсаку-сэнсэй, Вы в своей книге вдохновенно рассказываете о японском ученом-арабисте профессоре Торао Кавасаки. Он посвятил свою жизнь благородному делу – делу сближения японцев и арабов, на первый взгляд таких разных, как огонь и вода... На самом деле это не так.

«Одно из значений слова “ислам” – это мир», – объяснял Торао Кавасаки своим студентам. Самоотверженный учёный добровольно за свой счет, потратив огромное состояние, издал (несмотря на отказ правительства в помощи) первый японско-арабский словарь. Вспоминая неугомонного ученого, Вы однозначно высказываетесь по поводу заблуждений, которые могут политику мира повернуть в любое желаемое русло: «Не может быть, чтобы 1,2 миллиарда мусульман были террористами... нужно понять очевидное: террористические акты не связаны с верой, с исламом».

Завершая свой рассказ о Торао Кавасаки, Вы пишете: «По-арабски спасибо – шукран. Арабский язык звучит очень красиво, чем часто гордился профессор. Подняв свой взгляд на звезды, ярко сверкающие на каирском небе, я тихо прошептал: «Дорогой профессор Кавасаки, шукран! От души шукран...»

Дорогой Дайсаку-сэнсэй, а вы знаете, «Ассалямю алейкум» – это тоже арабское выражение, означающее «Мир вашему дому». Мы, узбеки, так приветствуем друг друга. Проснувшись утром, говорим своим близким: «Ассалямю алейкум».

...Вот и наступило утро. Тьма, окутывавшая землю и небеса, рассеялась, лучи солнца озарили мир. Что будет, если мрак не рассеется, солнце не взойдет, почки не распустятся, дерево не зацветет?.. Ранним утром, когда ангелы, собрав вести с Земли, возвращаются в божественную обитель, каждая моя клетка звенит:

«Ты можешь изменить мир!»

«Ты можешь изменить мир!»

«Ты можешь изменить мир!»

Эта непоколебимая, как солнце, Вера – истинный закон живого!

Шукран, уважаемый Дайсаку-сэнсэй!

Ассалямю алейкум, мавляна¹ Икеда!

Перевод с узбекского Дильфузы АШУРОВОЙ.

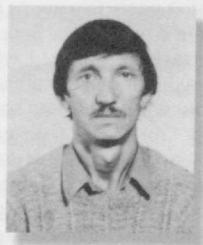

Дилфуза АШУРОВА. Родилась в 1962 г. в Андижане. Окончила факультет узбекской филологии ТашГУ (ныне НУУз). Занимается литературным творчеством и переводами. Автор повести «Бисот».

¹ Мавляна – почтеннейший.

СИМФОНИЯ ЖИЗНИ

Рассказ

ОЛЕГ КОТЕНКОВ

Удивительный и неповторимый симфонический оркестр исполнял святую музыку утра. Право открыть концерт предоставилось всегда готовому встретить утреннюю зарю красавцу петуху. Он привычно и оперативно прокукарекал три раза, возвещая об окончании ночи и начале нового дня.

Софиты утренней зари все ярче и ярче освещали сцену – зеркальную поверхность огромного озера, поросшего по берегам камышом, тростником и другой растительностью, присущей степному ландшафту. Увертюру исполняли жаворонки, своим энергичным и стремительным пением создавая торжественно-нежные звучные музыкальные образы – усладу уху и сердцу. Затем выступили цикады, медленно и спокойно исполнившие свои арии, рождающие умиротворенность и лирическую расслабленность. А сверчки стремительным стрекотанием, олицетворяя храбрость и призывая удачу, бодрили, подталкивали к действию, как прохладные капельки дождя. Заквакали глупые лягушки, докучая оркестру советами. Любопытные цапли прислушивались к пению, никоим образом не принимая в нем участия. Не участвовал в концерте и гордый степной орел, который молча парил над зеркальной гладью озера, любуясь своим отражением и не забывая при этом высматривать в густых зарослях камыша очередную жертву себе на завтрак. Стройность звучания оркестра нарушали вороны, невпопад каркая, им вторили чайки, издавая совершенно гнусные звуки, и шакалы, фальшивя своим воем, пытаясь превратить концерт в хаос, какофонию.

Но Солнце – главный режиссер, композитор и дирижер оркестра, – поднимаясь к пульту управления, к зениту своего величия, авторитетом и жалающими, как рассерженные осы, палящими, пронизывающими, подобно раскаленным иглам, лучами прекратило хаос, загнав необузданных исполнителей в тень, чтоб охладить их пыл. Наступила тишина, подчеркивающая ослепительную красоту и торжественное величие утреннего светила.

Финальные аккорды чудесного симфонического концерта были доверены огромным сазанам, которые выпрыгивали из воды, заглатывая утренний свежий воздух и издавая звуки ударного инструмента, плюхались в воду, дразня и приводя в упоительный экстаз рыбаков, подкрепленный надеждой на поимку золотистых красавцев. На этом утренняя часть симфонического концерта закончилась. А рыбаки во главе с Сан Санычем Рыбачковым и его

Олег КОТЕНКОВ. Родился в Ташкенте. Окончил ТашГТУ. Инженер-гидроэнергетик. Работал в научно-исследовательских институтах. Неоднократно публиковался в периодической печати Узбекистана.

двумя постоянными компаньонами были в восторге, очарованные гармонией услышанного и увиденного, а сладкий запах цветущего джингиля, тростника и водной растительности и вовсе опьянил их, так что они чувствовали полное слияние с природой. Забросив удочки, друзья терпеливо ждали, когда же золотистые красавцы или зубастые судаки начнут клевать, предвкушая азартную схватку, дарующую порцию адреналина из чаши бытия и заряд неописуемой энергии и вдохновения на весь год.

Сам Сан Саныч в резиновой лодке рассекал водную гладь озера, жмурясь от ослепительного солнца и направляясь на облюбованное им клеевое место, неподдающему от небольшого, заросшего камышом необитаемого острова.

Попутный легкий ветерок помогал движению лодки, вскоре он скрылся за выступающей частью острова, оставив в неведении своих товарищей.

Тем временем ветер усилился, спокойная гладь водной поверхности ошетилилась, а мелкая рябь на глазах превращалась в могучие волны, которые, сталкиваясь, превращались в густую белую пену. Порывы ветра, словно реактивная тяга, пытались снести лодку в открытое пространство огромного Арнасайского водоема, а неприветливые волны захлестывали ее. Пришлось срочно пришвартовываться к берегу. Обследовав его, Сан Саныч не обнаружил ни Робинзона, ни Пятницы. Лишь камыши и бурно разросшаяся колючка колыхались на ветру.

Внезапно пред взором предстало совершенное творение – небольшой табун лошадей. Они паслись в прибрежной зоне острова. Войдя в воду по самую мощную грудь, лошади поедали нежные молодые побеги зеленого камыша, фыркают от удовольствия. А любопытная цапля с возмущением и ненавистью поглядывала на непрошенных гостей, которые лишили ее обеда, распугав аппетитных лягушек и нежных мальков.

Завидев человека, табун, как по команде, не спеша, с достоинством направился из воды на небольшое возвышение. Слегка обсохнув, лошади вплавь отправились на «материк» (видимо, им не по душе пришлось присутствие чужака на их территории). Впереди плыл вожак – грациозный темно-коричневый жеребец. Замыкала группу пловцов пожилая рыжая кобыла, которая своей огромной головой подталкивала в бок непослушного и глупого жеребенка, все пытавшегося проявить самостоятельность, меняя направление главного движения. Строгая мамаша контролировала его, не позволяя сбиться с маршрута.

А ветер тем временем поутих. Раскаленный солнечный диск лучами сжигал все живое. «Пора в тень, да и праздничный обед наверняка уж готов, как никак “день рыбака”», – подумал Сан Саныч (всякий раз поездка на рыбалку становилась праздником, зачастую не совпадающим с действительной его датой).

Возвращение в базовый лагерь оказалось своевременным. На небольшом раскладном столике на лягане красовались золотистые суховатые куски жареного судака, пойманного накануне ночью.

– Нет, друзья мои, так дело не пойдет! Сегодня большой праздник, и блюдо должно соответствовать ему.

Сан Саныч не мешкая начал «колдовать» над казаном: переложил в него слоями жареную рыбу и нарезанные кружками овощи, приправил специями, залил небольшим количеством воды и стал тушить на медленном огне. Ровно через час «рыбные сухарики» превратились в чудо кулинарного искусства. Настало время насладиться...

– Сан Саныч, – попросили компаньоны, – скажи тост.

– Друзья мои, любовь к рыбалке можно сравнить, пожалуй, со страстной любовью молодоженов в медовый месяц. У рыбаков он длится всю жизнь.

Так давайте увековечим сказанное крепким зеленым чаем и выпьем за вечно молодых романтиков, любителей рыбалки и природы.

Насладившись аппетитно таявшим во рту блюдом, компания решила отдохнуть перед ночной рыбалкой, спрятавшись в тень.

Поле отдыха Сан Саныч выплыл на облюбованное место и закорился. Вечерело, духота угнетала, досаждала липкая испарина, а благостный ветерок – главный лекарь и средство от удушья – предательски стих.

Поплавки, как заколдованные, оцепенели. Время шло, багровое солнце медленно подкрадывалось к горизонту, предлагая вечерней заре следовать за собой. Наконец оно скрылось, уступив ночной прохладе. На мир опускалось темно-серое покрывало. Постепенно зажигались, двигаясь с востока на запад, звезды, даря свой мерцающий свет земле и отражаясь в зеркальной поверхности водной глади. Вскоре с востока выглянула луна, приосанилась, заливая все в округе своим серебристым светом.

Сан Саныч, не отрываясь, как завороченный, восхищенно наблюдал за величественно безмолвным небом. Он ошущал блаженную невесомость, хотелось лететь туда, в бесконечность, к звездам, поражающим своей таинственностью. И он полетел, полетел прямо по Млечному Пути...

Тысячи сверкающих звезд, блуждающие планеты, хвостатые кометы проносились мимо, будоража воображение. Пролетая над одной из планет, над огромными горными вершинами и дикими ущельями, над широкими полями и извилистыми реками, он вдруг увидел необозримую водную гладь, где-то вдали маячила лодка, а в ней – одинокая фигура с удочкой в руке. Подлетев ближе, Сан Саныч на языке жестов задал всего один вопрос: «Клюет?» «Плохо, – ответил собеседник, – видимо, к непогоде...»

Не прошло и нескольких световых секунд, как Сан Саныч почувствовал погону: слышались раздраженные возгласы, резкие толчки, а затем раздался оглушительный грохот орудий, сопровождающийся яркими вспышками, засвистели снаряды. Грохот орудий усиливался, вспышки становились ярче, а расстояние между ним и преследователями быстро сокращалось. Все грохотало, сверкало, ухало, крякало, завывало... Он в ужасе открыл глаза, с удивлением обнаружив, что незаметно для себя задремал. Яростно и стремительно надвигался грозовой фронт, безжалостно, как залп, стараясь попасть точно в мишень, в его незащищенную резиновую лодку. Ослепительно сверкали молнии, а беспрестанные удары грома сливались в общий ужасающий грохот, гудел и завывал ветер, со свистом нагоняя волны, которые, ударяясь о корму лодки, превращались в брызги, окатывающие Сан Саныча, словно холодный душ.

От свирепых порывов ветра стоящие плотной стеной кусты камыша пригибались до самой воды, будто кланяясь неведомым силам.

Зловещая туча плотно занавесила безмолвное звездное небо. Луна в панике исчезла. Испуганная круглолицая красавица была насильственно облачена тучей в мрачную мокрую паранджу, которая, освобождаясь от тяжелой влаги, посылала вниз крупные редкие капли дождя. Полегчав, туча как ни в чем не бывало направилась на восток по заранее намеченному маршруту, прихватив с собой разбушевавшуюся грозу.

Постепенно все вокруг стихало и успокаивалось, небо прояснялось, засверкали звезды, а розовошкая обольстительница луна, смущенно улыбаясь, радовалась своему освобождению.

Ветер стих, непокорные волны умили свой пыл, а стебли камыша, словно победители солдаты, стояли, гордо выпрямившись. Сан Саныч, как ребенок,

радуясь, что грозовой фронт отступил, гримасничал, показывая язык и средний палец вслед уходящей буре, и приговаривал:

– Не получилось, туча тупоголовая, ураган безмозглый!.. Я вас несколько не испугался! Не так-то вы и страшны...

Не прошло и нескольких минут, как вдруг ветер круто развернулся и грозовой фронт, будто что-то забыв, решил вернуться, грозно надвигаясь на ликующего самоуверенного Сан Саныча. Дикий ужас охватил его. Оскорбленная гроза, будто решила безжалостно проучить шутника-неудачника, невежду и выскочку.

Вновь засверкали молнии, которые будто глубокими трещинами раскололи еще недавно ясный и цельный небосвод. Все сильнее становились раскаты грома, все вокруг пришло в движение, гудящий ветер нагонял огромные волны. Темная завеса плотного дождя скрывала мир непроницаемой пеленой. Из воды вылезали старые коряги, словно зомби из могил.

Казалось, что все обиженные боги, сговорившись, решили показать, кто здесь повелитель и хозяин!.. Зевс, взмахнув своей десницей, метал слепящие молнии, землю сотрясали оглушительные рокошующие громы.

Посейдон, как умелый дирижер, посылал огромные волны, которые пытались перевернуть лодку, сорвать и, как пушинку, отправить ее туда, откуда не возвращаются.

Аид, облачившись в густой камыш, настойчивым шепотом, как упрямый рекламный агент, предлагал и предлагал бесплатную путевку в свое печальное и мрачное царство умерших душ.

Путь к отступлению в базовый лагерь был отрезан плотным огненным кольцом. Приходилось только ждать и уповать на счастливый случай.

Преподав урок ответственности за поведение и продемонстрировав свою силу и превосходство, ураган вновь направился на восток, прихватив весь свой устрашающий арсенал для неминуемого наказания.

Сан Саныч, свернувшись калачиком в лодке, что-то долго бормотал под непромокаемой накидкой, а затем и вовсе покорно стих.

Черная бархатная ночь, непроглядно окутавшая землю, подходила к концу. Сумрачными тенями где-то более отчетливо, но на большей части расплывчато вырисовались контуры камыша и кустарника. Зарождалась заря, и нежно-розовый ее свет разливался над озером. Наконец наступило долгожданное утро. После ночного урагана дышалось легко и свободно, а умытая земля благоухала свежестью и чистотой.

Лучи восходящего солнца превращали гладь озера в сверкающее жидкое серебро. Всюду царил тишина и покой.

Все живое после кошмарной ночи не решалось заявить о себе. Даже петух – предвестник утренней зари – вопреки обыкновению не возвестил о начале утреннего симфонического концерта, солисты которого, не оправившись от испуга, не подавали никаких признаков жизни. И лишь гордый орел – властелин воздуха – смело парил в небе, созерцая территорию своего царства.

Но постепенно утро нежно и настойчиво, как ласковая мама, пробуждало все живое. Проснулся и наш «герой», который, прокручивая в голове кошмары ночи, не до конца осознавая, что это было, сон или настоящий, не приснившийся, кошмар. Но потрепанные ветром, местами обуглившиеся кусты камыша подтверждали, что все – истинная явь.

– Нет, приеду в город, обязательно схожу в церковь. Надо покреститься, – вслух произнес Сан Саныч.

Как же многокрасочен и непредсказуем мир!

МАКТУБ

Рассказ

РЕНЕ МАОРИ

— Судьба есть итог нашего движения к определенному событию, где главная роль отводится не конечной точке нашего путешествия, а процессу. От процесса зависит конечный итог. И поэтому мы сами выбираем способ достижения, а тем самым и меняем результат. Непонятно? Скажу проще. Вот мы получили некий знак, толчок, смутное знание того, что может произойти в нашей жизни, и собственное желание достичь этого или же, наоборот, избежать тут же создает сразу две параллельных реальности, никак между собой не соприкасающиеся. Теоретически таких реальностей может возникнуть сколько угодно, и чем больше вариантов мы станем продумывать, тем больше реальностей создадим. Но вся проблема в том, что человек способен выбрать только одну. Как думаете, можно прыгать из реальности в реальность, из мира в мир и менять ситуацию так, как хотелось бы? Не превратилось бы тогда наше существование в хаос? А может, мы бы просто заблудились и не сумели бы вернуться в начальную точку?

Мы ехали поездом из Крайса до Барнеби — путь неблизкий. Двадцать два часа полноценной тряски, ведь эти два города находятся на противоположных сторонах острова и являются чуть ли не самыми удаленными друг от друга пунктами. Я не был хорошо знаком с Генрихом, встречались лишь пару раз у знакомых, но обрадовался, увидев в купе знакомое лицо, пусть даже это лицо и принадлежало таинственному человеку, о котором в Барнеби ходили противоречивые слухи. Он был то ли путешественником, то ли историком и объехал чуть ли не весь мир.

Перечитав свежие газеты, прихваченные в дорогу, я глазел в окно, размышляя о статье, которую задумал, и, что кривить душой, о будущих благах в виде гонорара и, может быть, славы. Одним словом, я придумывал себе красивую судьбу. Вот тогда Генрих и сказал это. Просто так, обращаясь неизвестно к кому.

— Будущее, — повторил он, — будущее многовариантно.

Угадал ли он мои мысли или просто завел разговор от скуки — не знаю. Но меня всколыхнула возможность поговорить на интересную тему и скоротать путь. Ведь, согласитесь, такие разговоры ни к чему не обязывают, но часто оказываются информативными и полезными.

Рене МАОРИ. Родился в Узбекистане. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Работал в газете «Пионер Востока», Союзе писателей Узбекистана. Автор нескольких поэтических и прозаических сборников. Публиковался в периодической печати США и Израиля. Живет в Израиле.

– Судьба? – переспросил я. – Рок? Разве эти слова сходу не опровергают возможность каких-то вариантов? А как же пословицы? «От судьбы не уйдешь»...

– «Человек говорит, судьба смеется», – тонко улыбнувшись, добавил он. – Конечно не уйдешь. Если все уже произошло. Будущее можно изменить, но не прошлое, особенно, если оно накрепко засело в вашей памяти. Память удерживает его и воспроизводит тупиковые варианты столько раз, сколько вы вспоминаете о событии. Но ведь о нем можно забыть, выкинуть из головы раз и навсегда, и – вуаля – прошлого как не бывало. Или было, но не с вами. Вам лишь знаком этот факт. Внушите себе, что вы о нем услышали от кого-то или прочитали в книжке, и поэтому он никак не связан с вашей персональной судьбой. Если только вы не фаталист. Вы же не фаталист?

– Мне кажется, что ваши рассуждения лишены логики, – ответил я. – Извините, но это какая-то психология страуса? Или махровый идеализм? И я не фаталист, а журналист, верящий в то, что написанное слово может изменить ход событий. В чем не раз и убеждался.

– Знаю. Я все про вас знаю. Вы – Рене Маори. Не делайте удивленные глаза, я постоянно читаю газету «Наши аномалии». Или вы там все врете за деньги?

Я только руками развел:

– А зачем мне врать?

– Простите, если задел вас. Конечно не врете, я же сам проживаю в Барнеби и кое-что, о чем вы писали, видел собственными глазами. Но бывает, что я отсутствую... пребываю в других местах. Например, о нашествии роро я узнал только через два месяца. И скажите, это правда, что вы находились в той лодке?

Я приподнял рукав и показал мелкие шрамы на запястье:

– Был.

– Да, любопытно, – пробормотал он. – А я вот в это время был в Средней Азии. Там, знаете ли, жители исповедуют ислам. Что интересно, у них тоже существует аналог судьбы. Эти люди свято верят в то, что любые события их жизни прописаны в книге Аллаха. Они называют это словом «мактуб», это, собственно, и означает – «то, что написано». Изменить написанное невозможно, поэтому нельзя роптать. Существует только одна жизнь, одна реальность и одна судьба, и все это подано свыше на тарелочке с голубой каемочкой. Довольно скучное утверждение. Когда-то очень давно в исламе были смелые люди, верившие в то, что судьбу можно выбирать, но теперь таких почти не осталось. Мансур аль-Халладж объявил себя богом, за это и был казнен самым варварским способом. Причем такую смерть он сам себе и предсказал задолго, но ничего не сделал, дабы избежать ее, и вовсе не потому, что не смог бы, а по другой причине – слишком торопился на встречу с Аллахом.

– Да как же можно знать заранее, что попадешь под машину или на тебя обрушится крыша дома? Или что тебя казнят в далеком будущем?

– Дорогу нужно переходить осторожно, а крышу ремонтировать, – назидательно сказал он. – Но, кроме чисто бытовой осторожности, нужно уметь распознавать знаки, кои в избытке предлагает нам жизнь. От пролетевшей мимо бабочки до ощущений собственного организма. Желания сердца, беспричинная тревога, какие-то помехи, не позволяющие вовремя выйти из дому, – все это знаки судьбы. И на них нужно обращать внимание. Говорят, – он понизил голос, – они проникают к нам из параллельных реальностей, оттуда, где с вашим двойником уже произошло что-то раньше, потому что даже течение времени на этих линиях не совпадает. Как все это происходит, каким образом взаимодействуют эти миры – я не знаю, можете меня даже об этом

не спрашивать, но существует какое-то перетекание информации, а иногда даже и материи. Бывает, что и людей носит по этим линиям, как сухой листок. Бывает, что они носятся по ним сознательно, используя собственные способности. И тогда они видят то, что называют хрономиражами, – видения из прошлого и будущего. Вы помните сон Рипа ван Винкля? Лесной холм, или неприметный камень, или могила – все может оказаться порталом в другой мир.

Давным-давно один святой человек увидел во сне, как голубь победил ястреба, и принял это событие как знак собственного будущего. Хотя позже в действительности на его глазах все произошло наоборот, но в конечном счете голубь все-таки победил. Очень часто результат оказывается не таким, каким мы его ожидаем, но тем не менее он случается в определенных рамках, бесконечных во времени. Но кто сказал, что нельзя за эти рамки выйти?

– Об этом сейчас много чего пишется, – возразил я, – особенно в последнее время. Но проверить невозможно. Да, много необъяснимого происходит даже в нашем Барнеби, но всегда возникает лишь множество теорий, являющихся пустым сотрясанием воздуха. Вот вы мне привели в пример новеллу Ирвинга, а я могу процитировать великого Вергилия: «*Desine fata deum flecti sperare precando*» – «Перестаньте думать, что указы богов могут быть изменены молитвами».

– Все-таки вы – фаталист. Там, где я был, стоит мавзолеей. Красивый мавзоль – памятник одному фаталисту, который верил в собственные предсказания настолько, что в точности исполнял их. И однажды, чтобы настоять на своем, свел воедино две параллельных линии жизни, вместо того чтобы изменить что-то рядом с собой самыми простыми способами. Нас, обычных людей, предчувствия часто заставляют соблюдать осторожность и проявлять заботу о ближнем, которому по нашим ощущениям грозит опасность. Особенно, когда человек нам дорог. Но великим личностям собственные убеждения часто кажутся важнее всего остального. Суфийский шейх Наджметдин Кубра был известен своей святостью. Это он создал орден дервишей Кубрави, написал множество трактатов, был математиком и даже слагал рубаи. Кое-что дошло и до наших дней. («Суфий – это сын времени. Потому как он вращается вместе с ним. Он не смотрит ни назад – на прошедшее, ни вперед – в будущее. Потому что если он будет думать о былом или о грядущем, рассматривать прошедшее или будущее, то это не что иное, как пустая трата времени. Такое положение является условием полноценного наблюдения». Так написал он, и разве это высказывание противоречит моей теории? Вовсе нет. Но в то же время он говорил и о прошлом, и о будущем, веря в то, что его судьба предначертана и изменить ее он не в силах. Кубра последовательно удерживал самого себя от каких бы то ни было действий довольно долгое время, думая, что таким образом обретает святость.

Генрих умолк, собираясь с мыслями. А я, ожидая продолжения и не желая сбивать, украдкой рассматривал его лицо, удивляясь тому, как зыбки эти черты и как они изменяются, следуя за мыслью и подчиняясь ее движениям. В какой-то момент мне даже показалось, что под видимым обликом этого человека проглядывает что-то другое, но он снова заговорил, и наваждение рассеялось. Хотя осталось какое-то неосознанное беспокойство.

– В молодости, когда он еще носил имя Ахмед бен Омар Хиваки, много путешествовал, постоянно совершенствовался, обучался магическим практикам, богословию, риторике, к нему приклеилось прозвище «таммат уль-кубра», что в переводе с арабского означает «великое несчастье», потом он скромно убрал слово «несчастье» и оставил лишь Кубра – великий. К моменту возвращения в Хорезм он достиг таких высот, что стоило ему только

взглянуть на кого-то, как тот сразу же достигал степени святости. В ханаке Кубрави постоянно жили шестьдесят мюридов, туда шли за благословением паломники – словом, происходил постоянный круговорот лиц, что, по моему глубокому убеждению, мешает размышлениям, созерцанию и трансу. Но абсолютно отрешиться от всего и отказаться от любого общения он не мог, ведь был прежде всего человеком, пусть и необычным, о чем и сам говорил: «...я принадлежу к роду человеческого. У меня есть особенности света и огня. А мой вид есть результат огня желания. Ангелам неведомы желания и страсти». Да, кстати, он был женат, ведь Коран не запрещает жениться даже пророку, и поэтому мог позволить себе рассуждать о страстях, не в пример нашим священникам, связанным обетом безбрачия. И, несомненно, был подвержен и другим человеческим слабостям.

– А вы мне не сказали, в какие времена все это происходило, – осторожно заметил я. – Мне трудно воспринимать информацию, если я не знаю эпохи. Что поделать – это проблема образованного человека: мне все хочется разложить по полочкам.

– Почему проблема? – удивился Генрих. – Просто один из методов накопления знаний. И Кубра, создавший тарикат кубравия – свой путь познания, учился до конца жизни, просвещая других. Никакого секрета нет: он родился в 1145 году и прожил по тем временам долгую жизнь. Он известен и почитаем как величайший праведник. Задokumentированы все чудеса, все притчи и поучения. Только вот почему-то стихи его забыты. Притчи весьма любопытны, одну из них я сейчас расскажу, ее мало кто знает. Однажды где-то услышал эту историю, и она мне очень понравилась. Знаете ли вы, что мусульмане молятся пять раз в день и перед молитвой должны совершать омовение? Шейху Наджметдину Кубре прислуживал мальчик лет восьми – Тахирджан. Он приносил хазрету воду для омовения.

– Хазрету?

– Святому. Это слово означает «святой». Так его называли в народе, так его называли ученики. Кубра привязался к этому мальчику, и во время проповедей тот часто сидел рядом с ним. И хотя он был еще очень мал, но хазрета слушал открыв рот, стараясь не пропустить ни единого слова. Его способность все схватывать на лету не осталась без внимания, и хазрет старался уделять ему немного времени, которого и так было мало. Всякий знает, что вокруг каждой известной личности собираются разные люди, и некоторые, желая оказаться как можно ближе к сиятельному лицу, готовы на многое. Кто-то из мюридов начал распускать слухи, что шейх пал жертвой извращенного увлечения и репутация его теперь не стоит и ломаного гроша. Праведный гнев вспыхнул в сердцах верных учеников и обратился на отрока, вернее, это была зависть, тихо тлевшая в среде мюридов, как обычно и бывает в любом закрытом сообществе, она разгорелась ярким огнем и нашла оправдание для грядущего злодеяния. Несомненно, Тахирджана следовало убить и таким образом обелить имя святого.

Шейх, несмотря на всю свою мудрость, не мог себе представить, что рядом с ним зреет заговор, что верные ученики готовы нарушить его личное пространство и пролить кровь невинного существа. Ведь, по сути, они собирались заставить хазрета жить так, как хочется им, хотя бы и под видом защиты от соблазна.

Была ранняя осень, то самое время, когда деревья становятся желтыми и оранжевыми, в воздухе летает паутина и стоит ни с чем не сравнимый запах умирающих листьев. Осень в тех краях – лучшее время года. Я всегда стараюсь осенью побывать в Хорезме.

В то утро Наджметдин Кубра и его мюриды расположились на айване в тени огромной чинары, листья которой уже пожелтели и поредели, а ветки были усыпаны гроздьями круглых орешков.

Все сидели вокруг дастархана, заставленного блюдами с виноградом, дыней, гранатами и другими плодами, которые приносит осень. Там же лежали и золотистые круглые лепешки, носящие название мехмон-нон.

– Вы необыкновенно вкусно рассказываете, – заметил я. – Мне кажется, что сам там побывал. Но предполагаю, что вы все это только что сочинили для красного слова.

– Да, я действительно не могу утверждать, что все так и было, – парировал Генрих, – но представляю вот такую картинку. Почему бы и нет? И, как человек творческий, вы могли бы не делать мне таких замечаний. Так вот, это была трапеза, собрание неофициальное, без посторонних, потому и разговор шел непринужденный. Да, несмотря на то что слуг обычно не приглашали, Тахирджан тоже присутствовал и сидел, как всегда, рядом с шейхом. Заговорили о предсказаниях. В те времена, когда развлечения были редки, разговоры о чудесах, призраках и пророчествах восполняли отсутствие зрелищ. Хазрет был выдающимся рассказчиком, он знал великое множество старинных сказаний, в которых говорилось о свершившихся пророчествах. Дождавшись паузы, Тахирджан вдруг спросил: «Отец мой, скажи, а что будет со мной? Я стану мюридом?» Не успел шейх открыть рот, как прямо над его головой раздалось карканье: в ветвях чинары дрались две вороны – то ли червяка не поделили, то ли просто не понравились друг другу. Посыпались листья, мусор, и прямо на руку святого спланировало серо-черное птичье перо. «Дурной знак!» – ахнул кто-то из присутствующих. Наджметдин Кубра перевел взгляд на перо, поднес его к глазам, и благостное выражение его лица сменилось сумрачным, словно черная туча закрыла солнце: он все понял. Пронзительным взглядом обведя мюридов, он мгновенно выявил тех двоих, что должны были совершить убийство. Отметив про себя и смертельную бледность, внезапно покрывшую щеки заговорщиков, и испарину, выступившую на их лбах, он снова обернулся к Тахирджану со словами: «Не могу сказать, так далеко не вижу, но точно знаю, что завтра на рассвете, перед самым фаджром, ты, как и всегда, принесешь мне воду для омовения». И коснулся четками из крупных зеленых бусин лба мальчика, принимая судьбу такой, какая она есть.

Ночью мюриды накупили мешок на спящего ребенка и отнесли его на старинное кладбище, где и обезглавили. Тело оставили на чьей-то могиле, а голову забросили далеко в кусты.

Хазрет поднялся, как обычно, до рассвета, в комнате стояла тишина. Огонек глиняной лампы еще не погас – масло в ней не выгорело. С каждым днем теперь становилось холоднее и время намаза наступало все позже. Кубра громко позвал: «Тахирджан, мальчик мой, готова ли вода для омовения?» Но тот не отозвался, зато, услышав призыв, оба убийцы, не спавшие всю ночь, вскочили и заняли наблюдательный пост у резной вставки в стене, разделяющей мечеть и жилище хазрета. Святой повысил голос и позвал прислужника во второй раз: «Тахирджан, где же моя вода?» И вновь тот не явился, хотя обычно прибегал по первому зову. Понял Наджметдин Кубра, что случилось непоправимое, но и виду не подал, а собрав все свои силы, в третий раз назвал имя мальчика, призывая его к себе. И тогда дверь отворилась и на пороге появился Тахирджан. В одной руке он нес кувшин с водой, а другой

прижимал к боку отрубленную голову. Он приблизился к святому, протянул ему кувшин, а мертвая голова сказала: «Не сердись, отец мой. Я задержался, потому что они забросили мою голову так далеко, что я долго не мог ее найти». Хазрет принял кувшин из холодных рук мальчика, и тот тут же упал замертво у его ног. Подсматривающие мюриды от такого зрелища едва не лишились чувств, а потом в ужасе выбежали из мечети.

Хазрет Кубра омыл руки и лицо точно так же, как делал это каждое утро, ровным шагом отправился на молитву, но, прочитав лишь половину, вдруг остановился и спросил: «Зачем молиться, если молитва все равно ничего не меняет? Хоть пятьсот раз подряд прочти все суры Корана, но что от этого изменится в твоей судьбе? Разве молитва поможет распорядиться хотя бы волосом на твоей голове? Раз все предначертано, то не лучше ли бездействовать и ждать?»

Он оставил мюридов и паломников на целую неделю без наставлений и просто заперся в своей комнате, отказываясь от еды. Когда хазрет вышел к людям, казалось, что ничего не изменилось в нем. Да, он побледнел и похудел, как после долго поста, но глаза снова сияли, и он казался выздоравливающим от тяжелой болезни. Это была лишь видимость. Глубоко внутри хазрет мучился неразрешимым противоречием: если Тахирджану предначертано было умереть, то каким образом он, Кубра, сумел на некоторое время изменить предначертание Аллаха и продлить жизнь ребенка еще на несколько часов?

– Кошмарная история, – заметил я. – Робот от такой дилеммы уже перегорел бы. Так ваш святой в конце концов отвернулся от религии? Расстригся, если так можно сказать?

– Ничего подобного. Я скажу так: он изменил свое отношение к себе, но не к Аллаху, ведь он был его верным воином. Он постоянно размышлял о том, что надпись в книге судеб можно изменить даже не намерением, а всего лишь мимолетно сказанным словом, а это значит, что все изменяемо, и даже мактуб, написанный Аллахом, можно немножечко изменить, особенно в мелких деталях. Да, именно тогда он начал задумываться о времени, как о физической составляющей, имеющей множество вариантов развития. Не такое ли положение вещей было задумано Аллахом изначально, и только человек в силу своей глупости и недальновидности исказил божественный замысел? – Генрих умолк и какое-то время был занят тем, что пальцем чертил на пластиковом столике непонятные знаки.

Я поглядывал в окно. На горизонте уже прорисовывались скалы Свартротс. Эти черные образования с резкими линиями, неведь когда возникшие в самом центре острова, обладали дурной славой. Говорили, что под ними располагается множество пещер, соединенных переходами, где пропадает каждый, кто вознамерится исследовать их. Я планировал съездить туда, как выдастся свободный денек, хотя бы поснимать снаружи эти голые, без малейшей растительности камни темного, почти черного, цвета. Примерно через полчаса поезд начнет поворачивать, и тогда можно будет увидеть в окно Свартротс во всей его красе. И еще это будет означать, что половина пути проделана.

Генрих первым прервал молчание:

– Наверное, я должен рассказать все? – спросил он. – Сказавши «А»...

– А разве история не закончена? – удивился я.

– История жизни обычно заканчивается только со смертью человека, а мы пока оставили Наджметдина Кубру в добром здравии. Сама история

с мальчиком, несомненно, закончена, но она повлияла на многое, что случилось позже. В последующие годы шейх утвердился в понимании всего, что было скрыто от него в первую половину жизни, и написал трактат «Благоухания красоты и преамбулы величия», поднявшись тем самым на ступень великих учителей ислама. Скажу лишь, что в самом начале, на первой странице, Кубра перечисляет восемь условий духовного пути ордена Кубрави, ссылаясь на своего учителя Джунайда аль-Багдади: «Необходимо без ропота принимать всё, что исходит от Аллаха, будь это полезное или вредное», отсекая таким образом у своих последователей возможность сомневаться в решениях Аллаха, то есть подводя их все к тому же фатализму. Хотя сам в это время размышлял уже о других, более опасных, вещах, не предназначенных для ушей смертных. Только в одном письменном отрывке, дошедшем до наших дней, он сетует, что принялся за новую рукопись, где начал изливать сомнения в правильности выбранного пути и говорить о возможностях пути иного, и в этот момент явился ему ангел и запретил продолжать этот труд. Я склонен предполагать, что все его метания являлись последствием той самой истории с мальчиком. Мне кажется, что в какой-то момент он бросил вызов Аллаху, назвав его своим соперником. Но разве голубь может побороть ястреба?

Шейх прожил долгую жизнь и, по преданию, погиб как шахид. Этот титул был прибавлен к его имени, во всяком случае, он присутствует в надписи на гробнице. История его смерти описывается в разных источниках противоречиво, достоверно только одно – он погиб в бою с армией монголов в 1221 году. В те годы Хорезмом правил Ала ад-Дин Мухаммед II, заносчивый и недальновидный человек, написавший грубое письмо самому Чингисхану. Хорезм тогда был велик, но в 1220 году была захвачена Бухара, потом Самарканд. Монголы методично откусывали от империи по городу и приближались к Ургенчу. К тому времени хорезмшах уже сбежал, потому что была объявлена награда за его голову. Осада столицы длилась семь месяцев, но еще до этого жители Ургенча начали покидать город. Наджметдин Кубра призвал учеников и сказал им: «Уходите отсюда, возвращайтесь в свои города, в свои дома. Ургенч будет захвачен». «Учитель, – спросили мюриды, – разве ты не можешь помолиться и остановить врага?» «Нет, – ответил шейх, – на то воля Аллаха. А я сам – погибну в бою». По другой версии, он вывел всех мюридов на поле боя. И это первое несовпадение в официальных летописях. Но я вообще не хочу ссылаться на летописи, потому что знаю, как все было на самом деле.

– Откуда? – поинтересовался я, – откуда вы можете это знать? Восемьсот лет – срок немалый, за такое время любое событие обрастает домыслами.

– Стоит только подумать, что ты – это кто-то другой, можно стать другим человеком, и даже богом, так бывает, – пробормотал Генрих. – Не знаю, а предполагаю, следуя логике событий, хочу верить и, наконец, все-таки знаю. Учеников хазрет точно разогнал, ведь почти все они не были жителями Хорезма, а пришли издалека. И только один отказался исполнить приказ учителя. Тот самый мюрид, который больше тридцати лет назад отсек голову мальчику-слуге. С тех пор он испытывал то ли чувство вины, то ли болезненную привязанность к Кубре, но не покидал его ни на минуту. Сам он был родом из Александрии. В тот час, когда захватчики появились на улицах Ургенча, хазрет велел ему переодеться в одежду Ордена – рубище, подпоясанное кушаком, – и сам оделся так же, взял прашу и мешок камней. Они метали камни во врага, пока не иссяк весь запас, а потом вступили в рукопашный бой. Мне трудно это представить, ведь Кубре в то время было уже семьдесят шесть лет.

Когда Ургенч пал и жители принялись собирать трупы, то рядом с ханакой Кубрави обнаружили только одно тело без головы, одетое в известную форму ордена. Зная, что мюриды давно разбежались и хазрет проводил свои дни в одиночестве, все решили, что перед ними тело святого, ведь все сходилось. Тело похоронили, а через сто лет воздвигли над могилой мавзолей.

– То есть, вы хотите сказать, что они похоронили кого-то другого? А куда же делся ваш святой старец?

– Я ничего не хочу сказать, а могу только надеяться, что под камнями лежат кости дождавшегося приговора Всевышнего, который мусульмане называют «када», Абдуллах ибн Абид ал Искандери, хотя ему больше бы подошли все имена шайтана. Он получил возмездие! И пусть послужит ему вечным укором то, что над ним сияет бессмертное имя хазрета Наджметдина Кубры! – неожиданно эмоционально вскричал Генрих, но тут же умолк, обрвав себя на полуслове, как человек, сболтнувший лишнее.

Я почувствовал неловкость, словно пришлось услышать что-то тайное, не предназначенное для моих ушей, да и ни для чьих других вообще. Нельзя было даже разбавить паузу каким-нибудь глупым замечанием или вопросом – только сделать вид, что не понял, не заметил ничего, а просто сижу и жду продолжения. Поэтому я опять уставился в окно и заметил, что скалы Свартротс уже значительно ближе и можно даже разглядеть некоторые детали ландшафта. Да, неплохо было бы там оказаться!

– Успеется, – сказал вдруг Генрих, – еще побываете там. А вот мне пора откланяться. Встретимся в Барнеби через месяц.

– Здесь нет остановки, – машинально заметил я, – ближайшая будет только через полчаса.

– Неважно, – спокойно ответил Генрих.

Что-то в его голосе заставило меня обернуться. Впервые за все время наши взгляды встретились, и тут произошло странное. Я почувствовал, как некая сила вжимает меня в мягкую спинку кресла. Перед глазами возник туман, все более сгущающийся, появились другие признаки недомогания – звон в ушах и легкая тошнота. Наверное, с такими ощущениями человек теряет сознание. Я не знаю – никогда не падал в обморок. Симптомы, которые появились, вызвав животный ужас, сменившийся апатией, и я смог, наконец, додумать единственную мысль, мучившую меня с самого начала поездки: «Почему, почему у немца такие азиатские черты лица?!» Затем туман стал еще гуще, и сквозь него пробились слова, сказанные кем-то далеким и незнакомым:

– Возделывай свой сад, Рене. И никогда не позволяй ни людям, ни обстоятельствам отнять того, кто тебе дорог. Иначе будешь сожалеть вечность, целую вечность будешь сожалеть ты...

Сознание прояснилось долго, наверное, века, пока я вновь не обнаружил себя в поезде, мчащемся в Барнеби. Ничего не изменилось, только в купе я остался один, Генрих Рильке бесследно исчез вместе со своим чемоданом. Поезд замедлил ход и нутно пробирался через густую тень, отбрасываемую скалами Свартротс. Почему-то здесь всегда ехали медленно, словно тени каменного массива были такими вязкими, что тормозили движение транспорта. И тогда я увидел за окном маленький смерч, быстро удаляющийся от дороги и движущийся прямо на скалы. На секунду мне показалось, что внутри него угадываются очертания человеческой фигуры.

Дары юга

Письмо

Урок танцев

Дорогие читатели и авторы!

Продолжается подписка на литературно-художественные журналы «Звезда Востока» и «Шарқ юлдузи» на 2019 год, оформить ее можно в любом почтовом отделении или в офисе редакции по адресу:

100066. Ташкент, пр. Бунёдкор, Адиплар хиёбони,
здание Союза писателей Узбекистана.

Подписной индекс «Звезды Востока» – 831.

Подписной индекс «Шарқ юлдузи» – 911.

Редакция «Звезды Востока» приглашает авторов к сотрудничеству по всем утвержденным рубрикам журнала.

**Журнал распространяется по подписке.
В розницу можно приобрести в редакции.**